

К.Х.КУШНАРЕВА

ДРЕВНЕЙШИЕ
ПАМЯТНИКИ
ДВИНА

ՀԱՅԿԱԿԱՆ ՍՍՀ ԳԻՏՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ԱԿԱԴԵՄԻԱ
ՀՆԱԳԻՏՈՒԹՅԱՆ ԵՎ ԱԶԳԱԳՐՈՒԹՅԱՆ ԻՆՍՏԻՏՈՒՏ

Կ. Բ. ՔՈՒՇՆԱՐՅՈՎԱ

Դ Վ Ի Ն Ի
ՀՆԱԳՐՈՒՅՆ ՀՈՒՇԱՐՁԱՆՆԵՐԸ

ՀԱՅԿԱԿԱՆ ՍՍՀ ԳԱ ՀՐԱՏԱՐԱԿԶՈՒԹՅՈՒՆ
ԵՐԵՎԱՆ 1977

АКАДЕМИЯ НАУК АРМЯНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

908.6(48.925)

К - 96

К.Х.КУШНАРЕВА

ДРЕВНЕЙШИЕ ПАМЯТНИКИ Д В И Н А

Р
49600

ИЗДАТЕЛЬСТВО АН АРМЯНСКОЙ ССР
ЕРЕВАН 1977

Книга представляет собой монографическое исследование одного из наиболее интересных памятников Армении начала I тысячелетия до н. э. Среди комплексов древнего Двина выделяются святилища, которые интерпретируются автором с помощью широких археологических и этнографических параллелей. В целом древний Двин вырисовывается как крупный ремесленный и религиозный центр Араратской равнины накануне урартского завоевания.

Ответственный редактор

К. Г. КАФАДАРЯН

~~65422~~

*Памяти
моего отца Христофора Степановича
Кушнарева посвящается*

ГЛАВА I

РАСКОПКИ ДРЕВНЕЙШИХ КОМПЛЕКСОВ ДВИНА

Раскопками Двинского холма и его ближайших окрестностей вписана одна из увлекательных страниц в историю древней Армении. Здесь в средневековье процветал город Двин — крупнейший политический, экономический и культурный центр страны, многогранный облик которого неоднократно был описан историками. Сохранившиеся сведения позволяли думать, что двинская земля таит много бесценных археологических документов. Впервые лопата археолога прикоснулась к развалинам древнего городища в конце XIX в. Эпизодические раскопки в 1899 г. были проведены здесь Н. Я. Марром. Позднее, в 1904, 1907, 1908 гг. в Двине работал архимандрит Хачик Дадян. Однако систематическое научное изучение памятника началось лишь в 1937 г., когда в Двин выехала организованная Совнаркомом Армянской ССР экспедиция под руководством С. В. Тер-Аветисяна. Прерванная во время войны, Двинская археологическая экспедиция возобновила свои работы в 1946 г. С этого времени она вела успешные исследования под бесменным руководством ныне покойного К. Г. Кафадаряна.

Город Двин по праву считается одним из наиболее известных и значительных памятников Кавказа. Исключительный по своей научной ценности, разнотипный и обильный материал, добытый за многие полевые сезоны, способствует воссозданию исторической картины страны на протяжении почти целого тысячелетия (IV—XIII вв.)¹. Вместе с тем на цитадели Двина, ныне представляющей собой

мощный оплывший холм (высота его около 30 м. Табл. I), а также на участке города, некогда примыкавшего с юго-запада к цитадели, чуть ли не с первых лет раскопок начали попадаться черепки архаичной чернолощеной посуды, чуждой гончарному производству средневековой Армении². Таким образом, уже вскоре после начала раскопок стало очевидным, что выгодное расположение местности, раскинувшейся в плодородной Араратской равнине, было облюбовано древним человеком задолго до расцвета здесь подлинной городской культуры.

Находки требовали специальных уточнений. С этой целью в северной части холма был заложен стратиграфический шурф, который выявил здесь последовательность культурных напластований:³ под мощным средневековым слоем залегал значительный слой периода раннего железа, лежавший в свою очередь на отложениях III тысячелетия. К сожалению, работы в шурфе, доведенном до глубины 14 м, были прекращены из-за угрозы обвала, и уровень залегания материка, а также характеристика нижних слоев остались тогда неустановленными.

Эпизодические раскопки ранних слоев Двина начали осуществляться фактически с 1958 года, сначала на западных склонах холма, где под слоем раннего железа были выявлены признаки периода ранней бронзы⁴, а

² Е. Байбуртян. Двинские материалы халдского периода. Рукопись. Архив Института археологии и этнографии АН АрмССР, д. № 53 (81). с. 10.

³ К. Кафадарян. О времени основания города Двина и о языческом храме на вышгороде, ИФЖ. 1966, № 2, с. 52 (на арм. яз.).

⁴ Там же, с. 52; его же. Город Двин..., с. 265; Э. В. Ханзадян. Культура Армянского нагорья в III тыс. до н. э. Ереван, 1967, с. 13 (на арм. яз.).

¹ К. Г. Кафадарян. Город Двин и его раскопки, Ереван, 1952 (на арм. яз.); А. Калантарян. Материальная культура Двина IV—VIII вв. Археологические памятники Армении, 5, Ереван, 1970; Р. М. Джанполадян. Средневековое стекло Двина IX—XIII вв. Археологические памятники Армении, 7, Ереван, 1974.

затем распространились на большую (южную) его часть. Здесь, в разные годы на участках сотрудников экспедиции Э. Ханзаян, С. Есаян, С. Махатчян, Л. Карапетян, М. Ваганян, Р. Григорян были сделаны интересные наблюдения, а также собрана большая коллекция древних предметов⁵. Постепенно выяснилось, что в южной части холма мощность культурных наслоений значительно превышала таковую на склонах. Под слоем IV—XIII вв. залегал слой древнего поселения с чернолощеной посудой и монументальными каменными постройками. Полное сенсационным явилось обнаружение здесь в 1961 г. святилища с глиняными стелами, покрытыми рельефными композициями, полными своеобразной и загадочной символики⁶.

С 1967 г. по инициативе начальника Двинской экспедиции К. Г. Кафадаряна, систематическое изучение древнего слоя было поручено автору этих строк, перед которым сразу же встали три большие задачи: в поле это было 1) исследование новых, смежных со старым раскопом участков с целью уточнения стратиграфии памятника и получения дополнительных материалов⁷, 2) расчистка и фиксация архитектурных остатков в старом раскопе; в музее—3) проработка всей документации и самих материалов предшествующих археологических сезонов с целью привязки всех находок к исследованному ранее участку. К сожалению, материалы, имеющиеся в нашем распоряжении по различным участкам раскопа, оказались не во всех случаях равноценными, т. к. участниками экспедиции дневники велись с разной степенью подробности.

В результате шестилетней работы в поле, а также в фондах Исторического музея Армении поставленные задачи в основной своей части оказались выполненными, что позволяет нам перейти к первому обобщению всего материала в целом⁸.

⁵ Приношу глубокую благодарность всем сотрудникам Двинской археологической экспедиции, дневниками которых я пользовалась при написании настоящей работы. (Дневники хранятся в фондах археологического отдела Гос. исторического музея Армении).

⁶ К. Г. Кафадарян. О времени основания..., рис. 5—6.

⁷ За 6 лет работы (1967—1969, 1971—1973 гг.) нами был исследован значительный участок древнего слоя, примыкавший с юга к старому раскопу. Наблюдения, сделанные во время этих раскопок, изложены в книге наиболее подробно.

⁸ При написании настоящей книги серьезную консультативную помощь мне оказали археологи А. Мар-

В настоящий момент площадь основного раскопа в южной части холма приближается к 1000 кв. м. Глубина его доведена до 7 м от нулевой, самой высокой, точки современной поверхности холма. Некоторые коррективы в стратиграфию памятника внесли раскопки последних лет новых, прирезанных с южной стороны, квадратов (5—i, 6—i, 7—i, 8—i, 9—i, 10—i)⁹. Так, с верхней трети сохранившегося средневекового слоя на этом участке спускались прорезавшие на 5—6 м культурный слой многочисленные так называемые мусорные ямы, давшие великоленные образцы глазурованной посуды и стекла X—XIII вв. Этому уровню соответствовали также остатки полов жилых помещений, выложенных стандартным обожженным кирпичом. Ниже попадались образцы глазурованной посуды IX в., которая затем сменялась простой керамикой еще более раннего времени. Судя по некоторым намекам, наиболее ранние средневековые находки здесь датируются IV в. Слой же имеет в целом мощность более 5 м.

Под средневековым слоем залегал слой периода раннего железа с характерной для этого времени чернолощеной посудой. Однако в целом ряде мест на южном участке раскопа на стыке средневекового и древнего слоев, среди прослойки пепла, перемешанного с обгоревшими кирпичами, найдены фрагменты хорошо профилированных краснолощенных тарелок и чаш, различных сосудов и фляг из светлой, прекрасно обожженной глины, покрытых красной и черной росписью в виде параллельных линий, заостренных овалов, прямых и волнистых лент, косой сетки и др.¹⁰. Эта керамика, судя по прямым аналогиям в Армавире, Арташате, Джрарате, Гарни, Адаване, суммарно датируется III—I вв. до н. э. В результате может быть сделан предварительный вывод о заселении Двинского холма в раннеармянский и эллинистический периоды¹¹.

тиросян, С. Есаян, Т. Хачатрян, А. Калантарян, этнографы Э. Карапетян, Д. Вардумян и Е. Бабалян, фольклорист С. Арутюнян. В оформлении книги принимали участие художники Т. Трошкин и Р. Ламбет, фотографы М. Агаронян и Р. Акопян. Приношу всем перечисленным лицам мою глубокую благодарность.

⁹ Размеры квадрата 5×5 м. Чертежи и разрезы с этого участка будут опубликованы во II-ом томе отчетов начальника Двинской экспедиции К. Г. Кафадаряна.

¹⁰ Г. Кочарян. Керамика Двина эллинистической эпохи. ВОН, 1974, № 5, с. 82 (на арм. яз.).

¹¹ Следы большого пожара на всем участке раскопа в виде обгоревших докрасна сырцовых стен, залегавших выше находок периода раннего железа, А. А. Калантарян связывает с зимовкой в Арташате

Наконец, на глубине 7 м от поверхности, при зачистке глинобитных полов (кв. 6—i и 9—i) помещений слоя периода раннего железа, залегавшего под раннеармянскими находками, были обнаружены находки периода ранней бронзы; это массивная глубокая краснолощенная миска с несколько завернутым внутрь венчиком и одной полушарной ручкой, фрагменты двух миниатюрных чернолощенных сосудиков и широкий кремневый вкладыш серпа (рис. 1). Находки

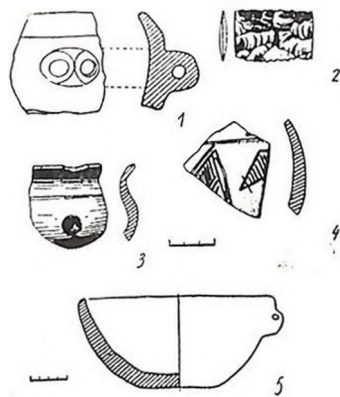

Рис. 1. Находки из слоя III тыс. до н. э.
1,3-5—керамика; 2—вкладыш серпа.

эти прямо указывают на распространенность поселения III тысячелетия и в южной части холма. Выяснение мощности самого древнего слоя остается пока делом будущего.

Как уже говорилось, основные усилия были направлены на исследование преармянского слоя. Однако в процессе его раскопок на разных участках (и разных глубинах) была зафиксирована группа более ранних материалов, указывающих на процветание здесь жизни еще в III тысячелетии. Основная, хотя и небольшая коллекция была получена с западного склона холма¹². Здесь слой периода ранней бронзы, открытый лишь на локальном участке (кв. 12—h), залегал на глубине

римского полководца Корбулона (58 г.), после которой, как показывают письменные источники, город был предан огню. По его предположению, находившийся поблизости Дини скорее всего был подвергнут той же участи. См. А. Калантарян, указ. соч., с. 38, примечание.

¹² См. дневник Э. Ханзаян за 1959 г.

2,5 м; его продолжение прослежено вглубь на 1,5—2 м. Все находки были сосредоточены под стеной преармянского времени. Это фрагменты сосудов разных форм и размеров с каннелированным, врезным, желобчатым орнаментом, а иногда и их сочетаниями (рис. 2).

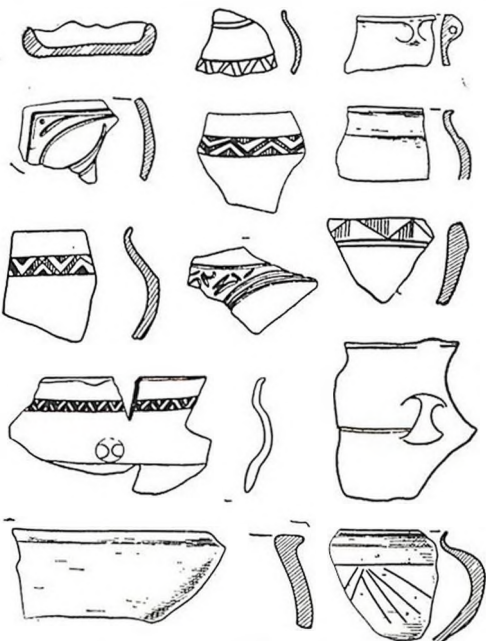

Рис. 2 Керамика из слоя III тыс. до н. э.

Имеются фрагменты очень крупных сосудов, которые могли служить только для хранения сыпучих тел, или больших запасов вина (рис. 3). Наряду с «боем» попадаются отдельные целые экземпляры: небольшой грубый лепной сосуд с прямыми стенками, низкий светлоглиняный широкогорлый горшок с четко выделенной средней частью, толстостенный темно-бурый «кухонный» горшочек (рис. 4). К числу редких находок надо отнести массивную толстостенную очажную подставку в виде приземистого, открытого с одной стороны горшка и в силу своего прямого назначения — быть поставленной на угли очага — не имеющую нижней части (рис. 5, 6). Подставка богато украшена желобчатым и врезным орнаментом, указывающим на ее дополнительную символическую нагрузку.

Остальные находки связаны с земледельческим укладом хозяйства, а также различны

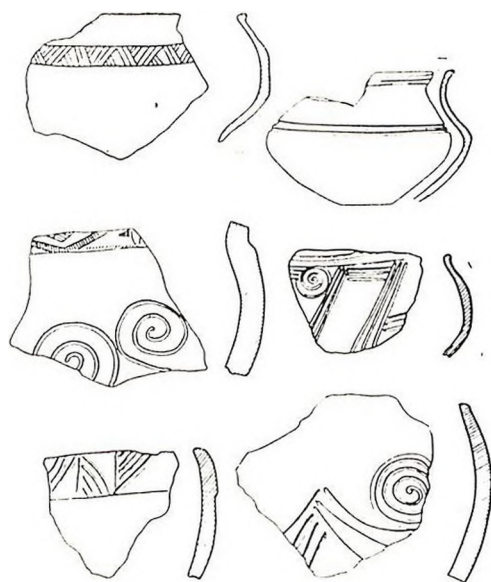

Рис. 3 Керамика из слоя III тыс. до н. э.

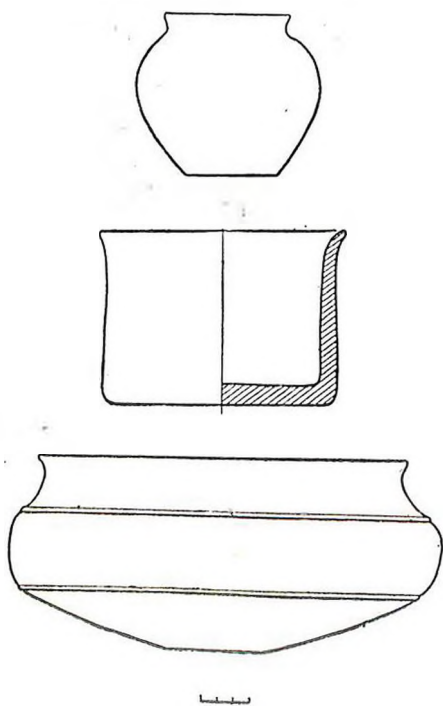

Рис. 4 Сосуды из слоя III тыс. до н. э.

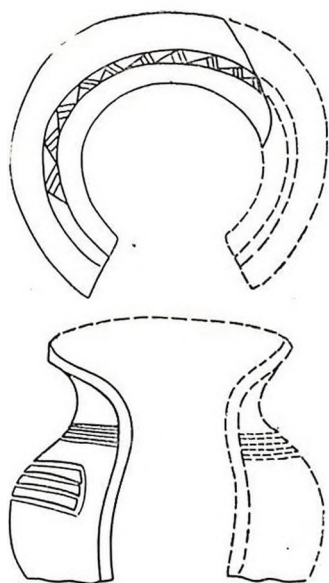

Рис. 5 Очажная подставка.

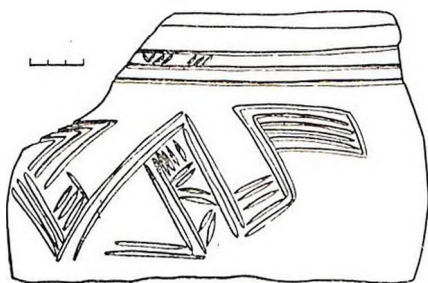

Рис. 6 Деталь очажной подставки.

ми домашними промыслами древнего населения. Это зернотерки, песты и терочники, обсидиановые вкладыши серпов, глиняные колесики от моделей повозок, бронзовая булавка с ушком, костяной и обсидиановый наконечники стрел, раковины каури и оригинальная костяная полусферическая поделка с тонкими врезными кружочками (рис. 7).

Напомним, что слой периода ранней бронзы помимо западного склона был зафиксирован в северной и южной частях холма. Наконеч, несколько фрагментов происходят

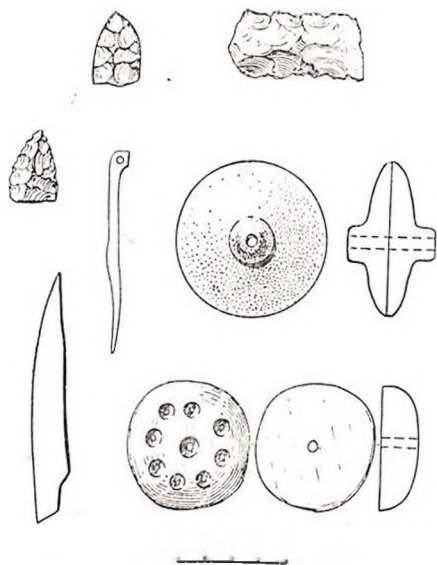

Рис. 7 Мелкие поделки из слоя III тыс. до н. э.

из нижних горизонтов так называемого городского квартала средневекового Двина (рис. 8).

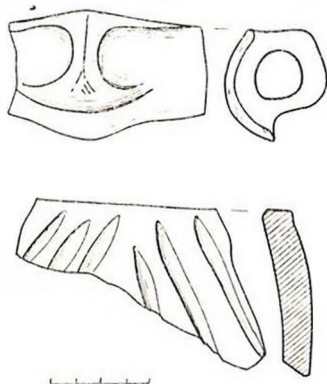

Рис. 8 Керамика из слоя III тыс. до н. э. (участок городского квартала)

Таким образом, устанавливается, что самое древнее поселение было достаточно обширным и занимало не только весь холм, но и прилегающую к нему с юго-запада территорию. На территории поселения существовал, по-видимому, и могильник. Об этом свиде-

тельствует пока лишь одно погребение, открытое в 1967 г. в нижней части западного склона. Грунтовая могила в кв. 18-а оказалась подоруженной: в ней обнаружен плохо сохранившийся костяк и несколько сосудов, стоявших в голове покойного. Это были две одинаковые глубокие чернолощенные миски «на розовой подкладке» с маленькими круглопроемными ушками (рис. 9, 1—2), крупный,

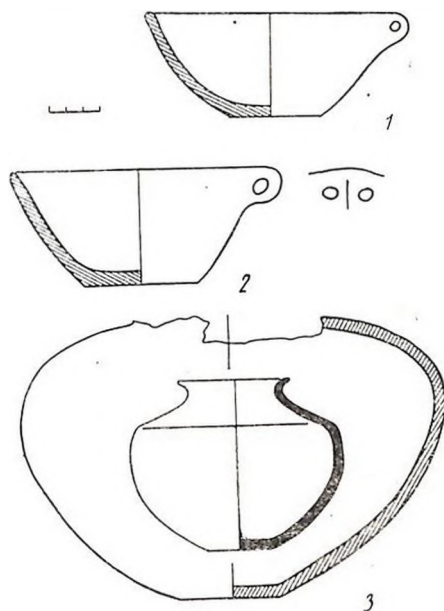

Рис. 9 Сосуды из погребения III тыс. до н. э.

сильно раздутый в верхней трети, лощеный «до мегалитического блеска» котел с остатками какого-то варева, дошедшего в виде костей баранки (рис. 9, 3) и изящный краснолощенный горшок с резко моделированным переходом от венчика к тулову (рис. 9). Исходя из некоторых синхронных параллелей, можно предположить, что могильник располагался на заброшенной части поселения.

Наконец, помимо материалов, хранящихся в фондах Исторического музея Армении, небольшая коллекция керамики III тысячелетия находится на археологической базе Двина (рис. 10). Ее происхождение связано с раскопками на том же западном склоне Двинского холма.

К сожалению, слой периода ранней бронзы изучен еще очень слабо — не установлена

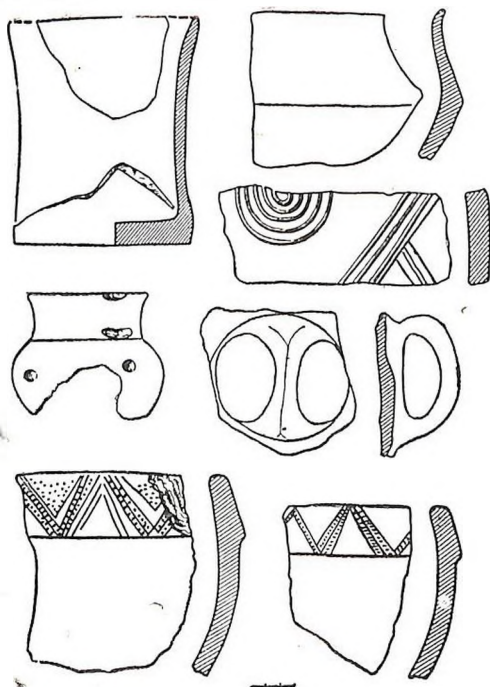

Рис. 10 Керамика из слоя III тыс. до н. э.

его мощность, не прослежена его внутренняя стратиграфия, не «пойманы» жилые помещения. Однако в территориальной разбросанности находок и в разнохарактерности добытой из слоя керамики содержится намек на длительную жизнь самого раннего поселения Двина и уж во всяком случае на существование его во второй половине III тысячелетия.

Таким образом, раскопки слоев III тысячелетия в Двине представляются весьма перспективными и при достаточном размахе, бесспорно, прояснят картину динамики всего памятника в целом.

Слой периода раннего железа, дошедший до нас в виде двухметровых культурных отложений, обращает на себя внимание тремя характерными особенностями: 1) явными следами мощного пожара, лежащего в верхней его части, 2) наличием монументальной каменной архитектуры и 3) необычным составом находок, среди которых на открытом участке преобладают вещи либо культового, либо производственного назначения. Вся толща слоя оказалась насыщенной кусками сырцовых

кирпичей, обгоревшими деревянными плахами, костями животных, керамикой, бронзовыми и железными предметами и пр.

Архитектурные остатки фиксируются в нижней части слоя по всей площади раскопа. Это—каменные фундаменты монументальных стен помещений различного масштаба и разного назначения (табл. I, 2; табл. II, 1—2)¹³. В ряде случаев сохранились и верхние их части, состоящие из сырцово-кирпичных кладок. Фундаменты стен обычно складывались из двух рядов крупных естественной формы камней, внешняя сторона которых, как правило, подтесывалась. Длина самых больших камней доходит обычно до 60—70 см, а в отдельных случаях—до 1 м. Камни укладывались на глиняном растворе. В тех случаях, когда требовалось нарастить толщину стены, в середине фундамента клали камни меньшего размера.

Тщательная расчистка и фиксация фундаментов стен на исследованном участке привела к установлению трех строительных этапов. Самой древней здесь оказалась проходящая через весь раскоп с севера на юг широкая прямая капитальная стена (кв. 8—i, 8—h, 8-g, 8-f, 8-e; Табл. II, 2; III, 1). Протяженность ее на прослеженном участке около 20 м. С южной стороны эта стена уходит под обрез раскопа (табл. III, 2), в то время как в северной части она вместе с перпендикулярной ей стеной образует прямой угол. Эта последняя, уходящая в своей основной части под северный обрез раскопа, была зафиксирована с одной стороны. Любопытно, что здесь, поблизости от стыка двух стен, наметился неширокий проем, ведущий в большое огороженное пространство. Малое количество находок на этом пространстве, а главное, отсутствие здесь обгоревших плах перекрытий наводит на мысль, что здесь размещался двор, непосредственно примыкавший к помещению.

Капитальная стена сохранилась не всюду одинаково. Ее северный участок дошел в виде фундамента, состоящего из ряда крупных, хорошо подогнанных друг к другу и подтесанных с восточной (фасадной) стороны камней, к которым примыкали более мелкие камни. Быть может, такой же ряд крупных камней был уложен и с другой, западной стороны; в этом случае естественно предположить, что при последующих строительных работах этот ряд был разобран.

¹³ Планы и разрезы помещений будут опубликованы во II томе отчетов Двинской археологической экспедиции.

Значительно лучше дошел до нас южный участок стены (кв. 7—i), где на каменном фундаменте хорошо сохранились 8 рядов сырцовых кирпичей¹⁴. Кирпичи имеют одинаковые размеры (40×26×10 см), уложены на глиняном растворе толщиной 2—3 см, а затем обмазаны таким же раствором сверху. Таким образом, высота сохранившейся части сырцовой стены была 1,05 м. (Табл. IV, 1). Мощный завал верхней части этой стены, обрушившейся на восточную сторону во время пожара, указывает на значительно большую ее первоначальную высоту.

Именно здесь в 1970 г. автором этих строк была открыта часть святилища с прекрасно сохранившимся глиняным полом, примыкавшая к восточному фасаду описанной стены (Табл. IV, 2). Это святилище мы назвали первым. На полу святилища оказалась глиняная ступенька, на которой фасадом на юго-запад стояла глиняная же алтарная плита с рельефными изображениями. Длина алтарного возвышения составляет 1,8 м, высота—25 см. (Табл. V, 2). Перед алтарем обнаружен мощный слой золы—следы длительного возжигания огня. Весь комплекс находок у алтаря носит культовый характер и свидетельствует о совершении на этом месте каких-то ритуальных действий.

Окончательные размеры святилища установить не удалось, т. к. часть помещения осталась под пятиметровым средневековым слоем. Но уже сейчас можно говорить о том, что это было достаточно большое закрытое помещение с колоннами, поддерживавшими плоскую крышу. Остатки последних в виде круглых массивных обугленных куоков дерева и рухнувших при пожаре деревянных плах кровли с отпечатками тростника повсеместно зафиксированы на полу этого помещения.

Стены первого святилища, как говорилось выше, были сырцовыми. В них помещались иши для ритуальных сосудов. Одна такая стенная иша находилась недалеко от алтаря. Ширина ее 1,45 м, высота сохранившейся части—0,7 м.

Алтарь представлял собой квадратную (55×55×5 см) глиняную стелу с хорошо сохранившимися, сильно стилизованными, напеченными ярусными изображениями (рис. 11): в верхнем ярусе размещены три стилизованные головы животных с очень большими полукруглыми рогами; средний пояс представляет собой прямоугольную, обрам-

ленную валиком рамку, в которой размещены три абстрактно-схематизированные фигурки каких-то животных в окружении символических знаков в виде кружков разного диаметра. Нижняя треть стелы покрыта девятью параллельными округло провисающими полудугами. Морды верхних животных и все детали в виде напеченных валиков покрыты косыми насечками.

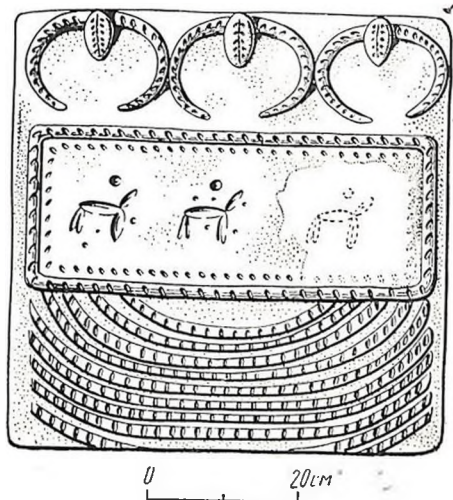

Рис. 11 Алтарная стела первого святилища.

Вокруг алтарного возвышения в радиусе 3—4 м в большом беспорядке были разбросаны следующие предметы:

1. Крупные куски огромного толстостенного караса темно-серого цвета, украшенного горизонтальным змееобразным напеченным поясом. Высота таких карасов обычно доходит до 1,5—2 м.

2. Сильно вытянутый чернолощеный сосуд цилиндрической формы, слегка приплюснутый в средней части. Поверхность напеченными валиками разделена на четыре широких яруса; венчик округло утолщен; над ним две маленькие вертикально продырявленные ручки; верхний ярус покрыт орнаментом «в слочку», нанесенным неглубокими линиями по сырой глинке; в следующем ярусе расположено волнообразно изогнутое тело змеи; два нижних яруса гладкие. Дно сосуда плоское. Высота сосуда—82 см, диаметр венчика—28 см, наибольший диаметр тулова—33 см, диаметр дна—20 см (рис. 12).

3. Такой же цилиндрический серолоще-

¹⁴ См. дневники К. Х. Кушаревой за 1967—1969, 1971 гг.

ный сосуд, слегка приплюснутый в средней части (верхняя часть не сохранилась)¹⁵. Поверхность разделена на широкие ярусы парными налестными валками; наверху (это, очевидно, второй сверху пояс) налестная волнообразная змея; ниже, между двумя горизонтальными валками, узкий пояс, украшенный «в слочку». Высота сохранившейся части—52 см, наибольший диаметр тулова—30 см, диаметр дна—22 см.

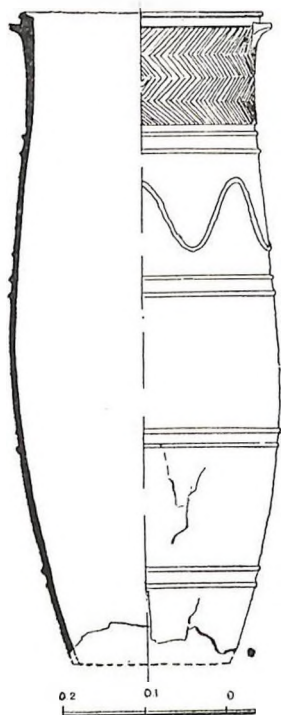

Рис. 12 Ритуальный сосуд.

4. Обломки двух аналогичных сосудов с налестным изображением змей и орнаментом «в слочку».

5. Половина глиняного толстостенного расширяющегося книзу кубка (вторая половина не обнаружена). Кубок слеплен из двух продольных частей. Поверхность сильно пострадавшая от пожара. На поверхности тончайшей гравировкой и точечным орнаментом нанесена сложная охотничья сцена. Композиция

разделена горизонтальным пояском на две части. В верхней изображены два охотника в полном облачении, с большими луками; на них—шлемы, кольчуги, широкие пояса, шаровары и высокие сапоги с загнутыми вверх носами; у поясов—длинные кинжалы. Позади верхнего охотника две летящие птицы, несколько ниже—фигура пасущегося козлика. За охотниками несутся 4 лошади; две средние в упряжке, справа пристегнута третья, левая лошадь несется свободно. Изображение колесницы не сохранилось. На дышло запряженных лошадей сидит птица. В нижней части кубка изображен такой же охотник, но со щитом в руках, в окружении двух птиц (сцена сохранилась не полностью). Перед ним какое-то животное (сохранилась лишь хвостовая часть). Высота сохранившейся части кубка—17,5 см, наибольшая ширина—13,5 см (рис. 13; табл. VІІІ).

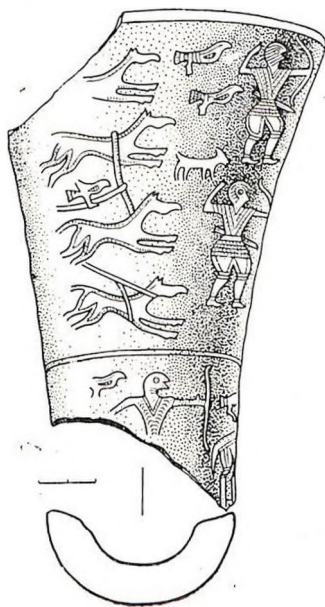

Рис. 13 Ритуальный кубок.

6. Небольшой темно-коричневый лощеный кувшинчик с узким раструбным горлом и двумя горизонтальными поясками на тулове. Высота—12 см, диаметр горла—6 см, диаметр дна—3,5 см (рис. 14).

7. Обломки различных чернотощеных сосудов.

¹⁵ Сосуд стоял в шпигельной стене.

8. Несколько железных наконечников стрел листовидной формы (рис. 15).

9. Бронзовый наконечник стрелы (рис. 16, 5).

Рис. 14 Глиняный сосуд

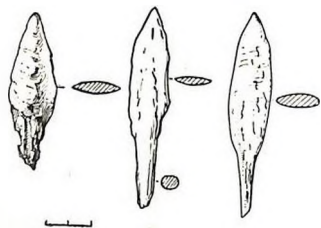

Рис. 15 Железные наконечники стрел.

10. Миниатюрное бронзовое колечко (рис. 16, 20).

Примерно в двух метрах к западу от алтаря, между алтарным возвышением и стеной святилища, непосредственно на глиняном полу лежали поставленные друг на друга две каменные плиты, возле которых найдены:

11. Небольшой двусторонний молоточок, сделанный из розовой овальной гальки; в средней его части неглубокие выбитые пазы для скрепления орудия с деревянной рукояткой; на обоих концах следы работы (обби-

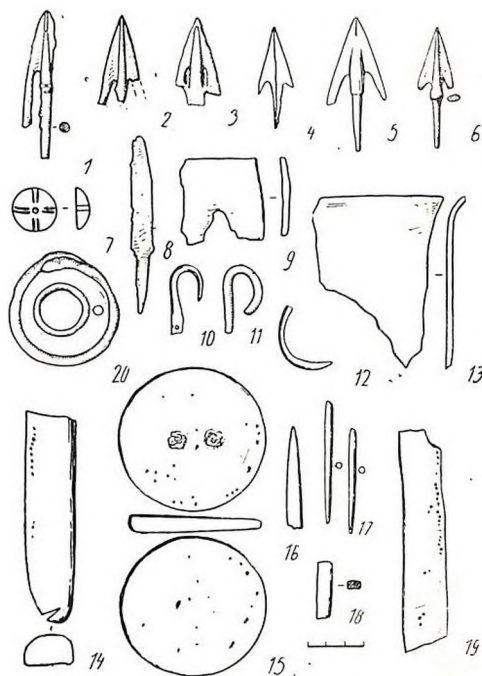

Рис. 16 Бронзовые предметы мастерской.

1—6—наконечники стрел; 7—бусина; 8—нож; 9—13—обломки бронзового сосуда; 10—крючок, 11—12—кусочки бронзового прута; 14—19—заготовки металла, 20—браслет и колечко.

тость), указывающие на двустороннее использование обеих рабочих поверхностей. Длина—7,5 см, ширина—5 см (рис. 17, 2).

12. Несколько крупных и мелких осколков обсидиана, сколотых с нуклеуса, находившегося тут же.

13. Большое количество мелких кусков сильно обгоревшей и растрескавшейся каменной породы (предположительно стеатит).

Медный брусок-заготовка. (рис. 16, 18).

Производственный характер этого небольшого комплекса не вызывает сомнения. По-видимому, плиты служили наковальней, на которой незадолго до гибели поселения с помощью молоточка производили разного рода работы: раскалывали обсидиан и стеатит (мягкий камень, пригодный для различных поделок). Нам представляются наиболее интересными здесь точно зафиксированные следы производственной деятельности непосредственно в помещении явно культового характера.

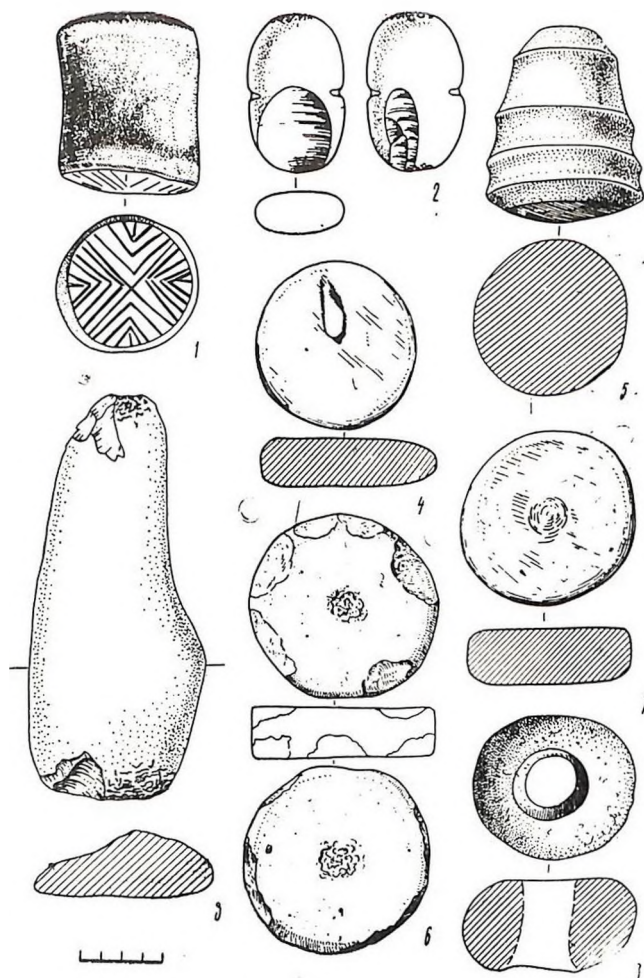

Рис. 17 Каменные изделия из мастерской

1—штамп; 2—молоточек; 3—универсальный молоток; 4,7—заготовки; 5—заготовка штампа (?); 6—наковальня; 8—каменное орудие.

Святылище погибло во время пожара. Пожар документируется толстой угольной прослойкой, под которой погребены все находки, мощным обгоревшим завалом верхней части стены, наличием рухнувших обуглившихся деревянных колонн и перекрытий, беспорядочностью расположения вещей. На внезапность случившейся катастрофы указывают все оставшиеся здесь вещи.

Второе святылище, открытое во время раскопок 1961—1962 гг., располагалось примерно в 19—20 м западнее первого, на глубине около 4,5 м от поверхности. Относительно малая глубина его залегания по сравнению с первым объясняется, по-видимому, рельефом материковой части холма, в результате чего культурные напластования на этом участке оказались опускающимися с запада на восток.

Последующее углубление слоев, несомненно, внесет ясность в этот вопрос, однако и сейчас полное стилистическое сходство алтарей святилищ позволяет говорить о том, что они существовали одновременно.

Второе святилище, также погибшее во время пожара, представляет собой просторное, вытянутое с юго-запада на северо-восток помещение площадью около 31,5 м² (7×4,5), развернутое под небольшим углом по отношению к основной стене первого святилища. От его стен хорошо сохранились лишь фундаменты; верхние же сырцовые части были, скорее всего, уничтожены при постройках помещений эллинистического времени¹⁶. Вход в святилище находился с юго-западной стороны напротив алтаря, размещавшегося в северо-восточном углу помещения, у самой стены¹⁷. Здесь вертикально поставленный и обращенный лицевой стороной к юго-западу глиняный алтарь был как бы вмазан в значительно большую по размерам овалую в плане глиняную «спину», подпертую, в свою очередь, с тыльной стороны каменной стеной помещения; размеры «спины» 1,15×1,28×0,35 м. Перед алтарем находилась глиняная вымостка, окаймленная полукругло уложенными крупными камнями. Внутренняя часть этой ограды была заполнена толстым слоем золы—веским доказательством горевшего здесь некогда «вечного» огня. В центре ее обнаружен культовый сосуд на подставке. Поверх этой золы расчищен завал небольших камней, образовавшийся в результате обвала ограды. Рядом—яма для сброса золы, обложенная такими же камнями. Вся площадь около алтарной части святилища была забита золой.

Алтарная стела (65×70×6 см), также обращенная лицом на юго-запад, с фасадной стороны была покрыта сплошным рельефными изображениями (рис. 18; табл. VII). Последние выполнены тем же невысоким валиком с насечками и как формой, так и содержанием, перекликаются с алтарем первого святилища. Фасад алтаря здесь традиционно делится как бы на три горизонта: верхний за-

нимают три рельефные стилизованные головы рогатых животных; однако рога их значительно короче рогов животных первой стелы и несколько завернуты внутрь; средний пояс состоит из семнадцати округло-проемчатых вписанных друг в друга валиков с насечками; под ними—изображение извивающейся змеи с концентрическими знаками по бокам и множеством округлых выпуклостей вдоль всего тела; еще ниже, с двух сторон,—такие же вписанные друг в друга полукруги валиков, выполненные в обратном направлении.

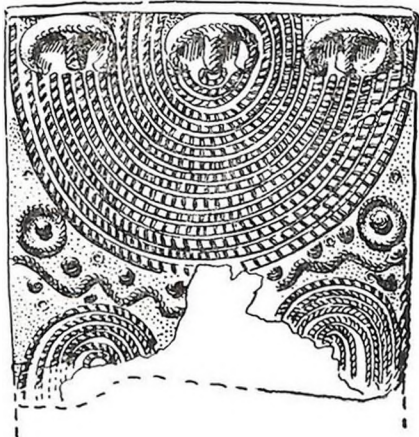

Рис. 18 Алтарная стела второго святилища.

Последующая, после обнаружения, история этого алтаря весьма любопытна. С целью предохранения хрупкой плиты от разрушения алтарь был оставлен *in situ* и перекрыт небольшой кирпичной постройкой. Однако атмосферные влияния оказались достаточно сильными и лицевая часть алтаря со временем начала отслаиваться. Разрушилась и передняя часть «спины». Под описанным рельефным фасадом алтарной стелы оказалась более древняя лицевая поверхность, примерно таких же размеров. На ней уже не было рельефов, а вся ее площадь была покрыта геометрическим орнаментом «в елочку», вырезанным по сырой глине концом толстой

¹⁶ Направление стен помещений доурартского слоя и эллинистических построек, как правило, совпадает. При сооружении последних верхние (сырцовые) части древнейших стен, очевидно, сносились и на их каменных фундаментах возводились новые фундаменты. Эти последние иногда были несколько смещенными по отношению к первым и образовывали вместе с ними небольшие ступеньки. В результате у новых помещений получался как бы двойной фундамент.

¹⁷ См. дневник М. Ваганян за 1961—1962 гг. См. также указанную статью Г. К. Кафадаряна, с. 55.

палочки (рис. 19, 2). Эта поверхность, а также расположенная над ней и обожженная часть «спины» оказались сильно закопченными горевшими перед алтарем «вечным» огнем.

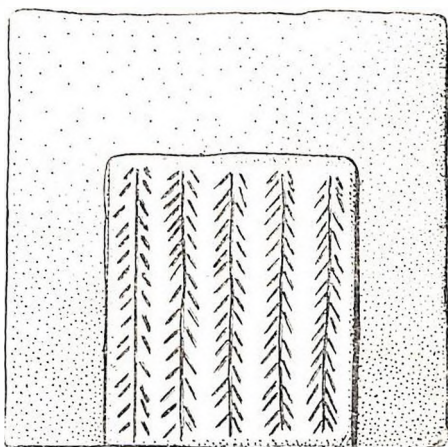
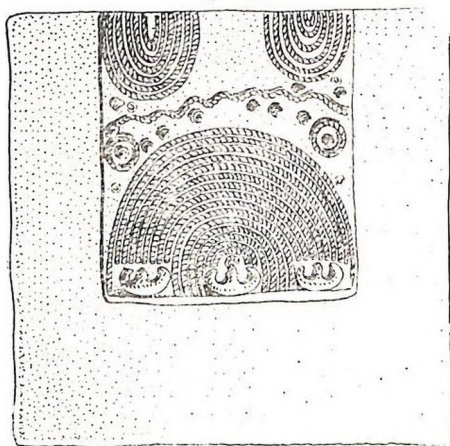

Рис. 19 Реконструкция алтарной стены второго святилища.
1—поздний фасад алтаря; 2—ранний фасад алтаря.

Таким образом, второй культовый памятник неожиданно оказался как бы стратиграфически расчлененным. В результате наблюдений его создание нам рисуется следующим образом: первоначально алтарное сооружение состояло из высокой глиняной «спины», прислоненной к стене, в которую была вмазана алтарная плита с врезным геометрическим орнаментом; перед ней в полукруглой ограде постоянно тлел огонь. Позднее, когда старая

тем, для того чтобы она прочнее держалась на месте, нарастили глину и на передней части «спины» вокруг новых изображений.

Непосредственно перед алтарем были обнаружены ритуальные сосуды: небольшая миска на подставке, обломки очень большого толстостенного чернолощеного жараса с рельефными фигурами бегущих козлов и ползущих змей (рис. 20; табл. IX, 2), высокий сосуд с прямыми стенками. Несколько поодаль находился крупный светлоглиняный прекрасно лощеный сосуд с небольшой раструбной горловиной и биконическим туловом.

Третье святилище располагалось по соседству со вторым, с западной его стороны (кв. 12-г 12-г, 13-г, 13-г) и было первоначально опознано по обломку еще одной глиняной стелы, обнаруженной во время раскопок в 1962 году¹⁸. Это было также закрытое помещение с сырцовыми стенами на каменном полу. Площадь его не превышала 20—22 кв. м. В помещении было две ямы, на дне одной из которых, выложенном плоским камнем зернодержки, лежали обгорелые ветки винограда; в другой яме обнаружены четыре миниатюрных сосуда—две мисочки и два кувшинчика (рис. 21 и 22 1—4). В этом же помещении, также

Рис. 20 Ритуальный жарас.

¹⁸ Дневники Л. Карапетян за 1961—1962 гг.

погибшем от пожара, были найдены черно-лоскутные сосуды со скульптурно-моделированными бычьими головами (рис. 23), около 20 миниатюрных кувшинчиков (рис. 22, 1—14), а также маленький глиняный идоличек в виде сильно стилизованной человеческой фигурки с мягко спадающими складками одежды (рис. 24; табл. XIII, 1).

Разбитая алтарная плита имела трапециевидную несколько суживающуюся книзу форму¹⁹. Ее размеры 62×51×5 см. Плита была также украшена рельефными изображениями, представляющими собой сочетание антропоморфных, зооморфных и геометрических фигур, выполненных налепными валиками с насечками (рис. 25; табл. XII и XIII). В верхней части, в двух рядах, помещены сильно стилизованные антропоморфные головы—наверху пять крупных, ниже—две поменьше; под ними—несколько рядов горизонтальных валиков, между которыми располагается фигура извивающейся змеи, окруженная круглыми налепами; внизу, в середине, вписанные друг в друга и направленные вершинами вверх треугольники; по бокам—такие же, но косо расположенные фигуры.

С севера к третьему алтарному помещению примыкала небольшая постройка с сырцовыми стенами на каменном покое²⁰. Сгоревшие во время пожара и рухнувшие внутрь помещения плоские балки перекрытия с остатками обмазанного глиной тростникового настила придавили большое количество сосудов, которыми оно было буквально забито. Обилие обгоревшего кирпича, золы и угля в сочетании с необычным количеством сосудов первоначально навело С. А. Есаяна, исследовавшего это помещение, на мысль, что здесь некогда располагалась мастерская по обжигу посуды. Вскоре же, не обнаружив самой печи, керамических шлаков и бракованных сосудов, он от этого предположения был вынужден отказаться.

В помещении, примыкавшем к третьему святилищу, были найдены кости крупного и мелкого рогатого скота, рог оленя, бараньи астрагалы, ступки и зернотерки, глиняная модель колеса, раковины каури, бронзовый бубенчик и рубчатый браслет.

Сосуды в этом помещении составляли значительную часть всей керамической кол-

¹⁹ Мастерски восстановленная реставратором Г. И. Аревшатианом, эта стела находится сейчас в экспозиции Исторического музея Армении.

²⁰ См. дневники С. Есаяна и Э. В. Ханзадян за 1958—1959 гг. См. также общий дневник К. Г. Кафаларяна за эти же годы.

лекции доурартского Двина. Многие из них стояли на полу, другие же находились, как и в первом святилище, в специально устроенных стеновых нишах. В некоторых сосудах обнаружены остатки мясной пищи в виде костей животных.

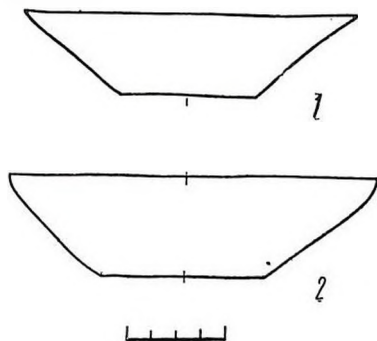

Рис. 21 Миниатюрные мисочки.

Помимо описанных нами трех святилищ, с открытого на холме участка происходит фрагмент еще одной стелы. Однако ее археологическое окружение, судя по имеющимся у нас данным, не вполне определено.

Итак, представляется бесспорно установленным, что на Двинском холме функционировало несколько святилищ, действовавших, судя по ряду данных, в одно и то же время²¹. Грандиозный пожар одновременно прекратил их существование.

* * *

Во всех помещениях святилищ, открытых на холме и на прилегающих к постройкам участках, было обнаружено большое количество разнообразной посуды. По формально-типологическим признакам все сосуды делятся на 12 групп, подробное описание каждой из которых мы приводим ниже.

I. Очень крупные карасы с округлым туловом, широким горлом и маленьким дном, покрытые рельефными и врезными изображениями.

1. Очень крупный светлый лошенный карас с широким раздутым туловом, узким дном и низким открытым горлом, оканчивающимся закругленным венчиком. Изображения располагаются несколькими поясами, разделенны-

²¹ Помимо святилищ, на Двинском холме была раскопана также металлообрабатывающая мастерская. Об этом см. в специальных разделах (с. 28—35, 80—104).

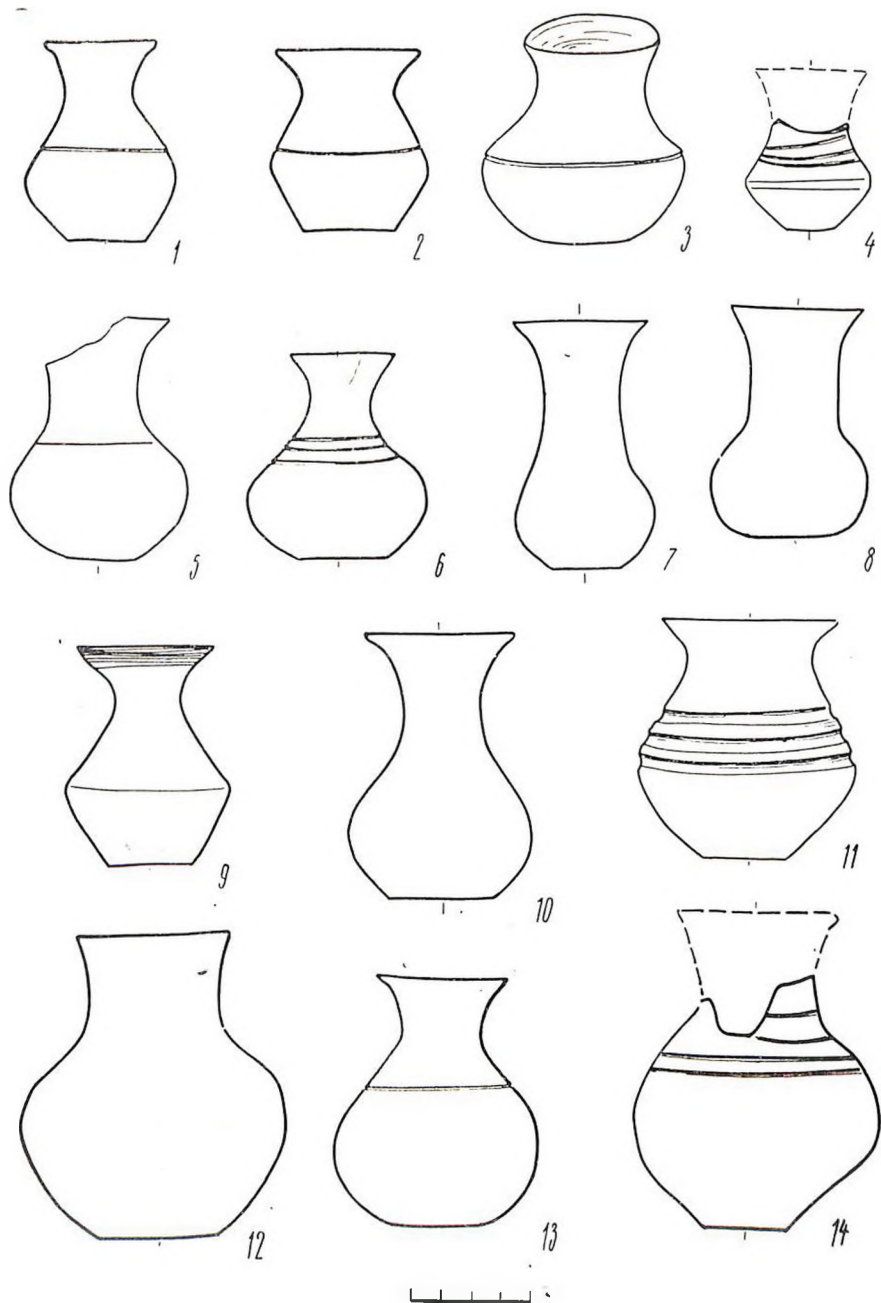

Рис. 22 Миниатюрные кувшинчики из святилищ.

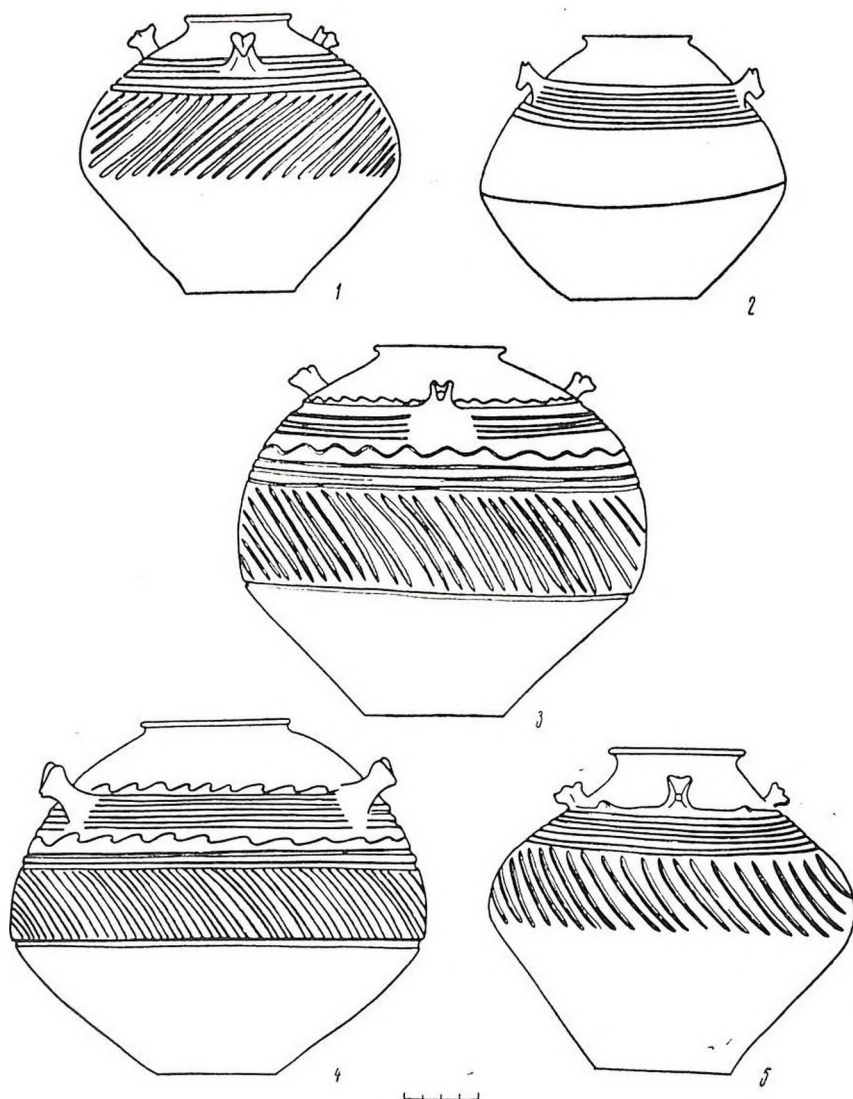

Рис. 23. Ритуальные «бычьеголовые» сосуды.

ми горизонтальными валиками; в верхнем поясе из процарапанных кружков составлены фигуры в виде углов; ниже рельефные фигуры фантастических коз и оленей (самцов с ветвистыми рогами и безрогих самок) с лучеобразными конечностями, над которыми помещены диски, выполненные врезанными кружками с

точкой посередине; здесь же стреляющие в них из луков конные и пешие охотники; рядом изображены фантастические птицы и рыбы, еще ниже, в следующем ярусе, — наклепное извивающееся тело змеи; два последних яруса не имеют украшений. Высота сосуда — 37 см,

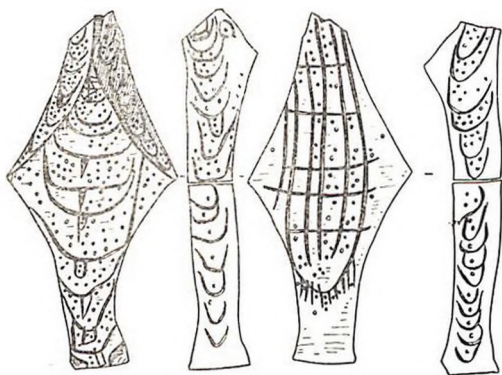

Рис. 24 Латинский подвесок.

Рис. 25 Алтарная плита третьего святилища.

диаметр венчика—32,5 см, диаметр дна—18 см (рис. 26; табл. XI).

2. Очень крупный чернолощенный карас с широким раздутым туловом, маленьким дном

и низким открытым горлом, оканчивающимся закругленным венчиком. Изображения распределяются несколькими поясами: в верхнем поясе под гирляндой врезанных кружков имеются три скульптурно-стилизированные головки животных—скорее всего бычков; ниже идет пояс с рельефными изображениями бегущих козлов с длинными рогами в окружении тех же круглых знаков; за ними фигура бегущей собаки; еще ниже, в двух поясах, извивающиеся рельефные змеи с приподнятыми головками, также сопровождаемые круглыми наленами; самый нижний пояс—без изображений. Высота сосуда—90 см, диаметр венчика—32 см, диаметр дна—18 см (рис. 27; табл. X, 1).

3. Очень крупный чернолощенный карас с широким раздутым туловом, маленьким дном и открытым горлом, оканчивающимся закругленным венчиком. Изображения распределяются горизонтальными поясами. В верхних двух поясах волнистые рельефные налены, имитирующие змей, окруженные врезными кружками с лучистыми краями; ниже ряд рельефных бегущих козлов с длинными рогами—2 самца и 5 самок—на фоне тех же кружков; следующий пояс—рельефная змея с приподнятой головкой, сопровождаемая врезными кружками; два нижних яруса—без изображений. Высота сосуда—87 см, диаметр венчика—32 см, диаметр дна—18 см (рис. 20; табл. IX, 2).

4. Очень крупный серолощенный карас округло вытянутой формы с небольшим дном и широким низким горлом, оканчивающимся круглым венчиком. Сосуд украшен рельефными и процарапанными изображениями. Под венчиком—мелкие схематические фигурки козлов. Ниже широкий пояс с рельефным изображением змеи; тело змеи покрыто насечками, имитирующими рисунок кожи; голова змеи отходит зигзагообразные линии, имитирующие струи воды; такие же линии в сочетании с прямыми параллельными линиями отходят вниз от каждого изгиба ее тела. Ниже—еще одна змея, но уже без узорчатого покрова и каких-либо дополнительных украшений. Высота сосуда—82 см, диаметр венчика—39 см, диаметр дна—20 см (рис. 28; табл. IX, 1).

5. Очень крупный чернолощенный карас с округло-удлиненным туловом, небольшим дном и низким открытым горлом, оканчивающимся закругленным венчиком. Изображения распределяются несколькими поясами. В верхнем широком поясе, друг над другом, изображены две извивающиеся змеи в сопровож-

денин кружков с лучистыми краями; средний пояс—без изображений; в нижнем—третья рельефная змея, уже без традиционных кружков. Высота сосуда—80 см, диаметр венчика—37 см, диаметр днища—22 см.

6. Очень крупный чернолощенный карас с раздутым туловом, небольшим дном и низким открытым горлом, оканчивающимся закругленным венчиком. Сосуд разделен на два широких горизонтальных пояса, в каждом из которых имеется налечное изображение змеи. Высота сосуда—85 см, диаметр горла—48 см, диаметр днища—21 см (рис. 29).

Изображения распределяются несколькими горизонтальными поясами. В верхнем поясе рельефом изображены фигуры пасущихся козлов; ниже—две рельефные змеи с приподнятыми навстречу друг другу головками; в следующем ряду—рельефные фигуры оленей с ветвистыми рогами; ниже—еще одна извивающаяся змея.

II. Крупные лощеные кувшины с высоким узким горлом, биконическим туловом и небольшим дном.

8. Крупный прекрасно лощеный черный кувшин; горловина высокая, узкая, с раструб-

Рис. 26—29 Ритуальные карасы.

7. Очень крупный карас с округлым туловом, низким широким горлом, оканчивающимся круглым венчиком и небольшим дном²².

²² Примерное описание этого сосуда дается по сохранившейся фотографии (табл. X, 2), где он представлен в реставрированном виде. В настоящий момент этот сосуд хранится (в обломках) в фонде археологического отдела Гос. исторического музея Армении.

ным венчиком; тулово биконическое, сильно расширяющееся в средней части; днище небольшое. Сосуд слеплен из трех частей, места соединения покрыты тонким валиком. В верхней части тулова врезаны вершинами вниз треугольники, заполненные горизонтальными зигзагообразными поясами с затертой белой краской; ниже—широкий пояс, заполненный

косым рифлением; горловина и нижняя часть тулова покрыты вертикальным лощением. Высота сосуда—49 см, диаметр венчика—14 см, диаметр дна—11 см (рис. 30, 1; табл. XIV, 2). Найден в помещении на западном склоне холма (кв. 12-й).

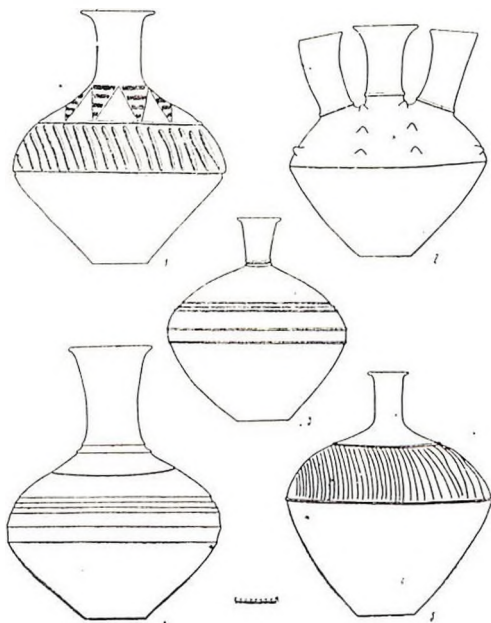

Рис. 30 Крупные узкогорлые кувшины.

9. Крупный прекрасно лощеный черный кувшин; горловина высокая, узкая, с отогнутым венчиком; тулово биконическое, сильно расширяющееся в средней части; днище небольшое. Сосуд слеплен из трех частей. Нижняя часть горла и верхняя половина тулова украшены легкими выпуклыми горизонтальными полосками. Высота сосуда 52 см, диаметр венчика 16 см, диаметр дна 12 см, (рис. 30, 3; табл. XIV, 1). Найден в помещении на западном склоне холма (кв. 12-й).

10. Крупный прекрасно лощеный черный кувшин; горловина высокая, узкая, с отогнутым венчиком; тулово биконическое, сильно расширяющееся в средней части; днище небольшое. Сосуд слеплен из трех частей. В верхней части тулова широкий пояс, заполненный косым рифлением. Высота сосуда 52 см, диаметр венчика 14 см, диаметр дна 11 см (рис. 30, 5). Найден в помещении на западном склоне холма (кв. 12-й).

11. Крупный прекрасно лощеный черный кувшин; горловина высокая, не очень узкая, с отогнутым венчиком; тулово биконическое, сильно расширяющееся в средней части; днище небольшое. Сосуд слеплен из трех частей. Нижняя часть горла и верхняя часть тулова украшены горизонтальными выпуклыми полосками. Горловина и нижняя часть тулова покрыта вертикальным лощением. Высота сосуда—53 см, диаметр венчика—16 см, диаметр дна—12 см (рис. 30, 4; табл. XV, 1). Найден в помещении на западном склоне холма (кв. 12-й).

12. Крупный прекрасно лощеный черный кувшин; кувшин имеет три высоких и узких горловины с отогнутыми венчиками и биконическое тулово, сильно расширяющееся в средней части; днище небольшое. Сосуд слеплен из пяти частей: три горловины, верхняя и нижняя части тулова; каждая горловина опоясана внизу легким выпуклым пояском; верхняя часть тулова украшена шестнадцатью соседними выступами. Сосуд покрыт вертикальным лощением. Высота сосуда—44 см, диаметр средней горловины—17 см, боковых—9,5 см, диаметр дна—12 см (рис. 30, 2; табл. XV, 2). Найден в помещении на западном склоне холма (кв. 12-й).

III. Крупные лощеные кувшины с невысоким раструбным горлом, биконическим туловом и небольшим дном.

13. Крупный прекрасно лощеный черный кувшин; горловина невысокая, раструбной формы; биконическое тулово украшено двумя легкими горизонтальными валиками; нижняя часть покрыта вертикальным лощением; сбоку маленькая наклонная ручка с горизонтальным круглым отверстием. Высота сосуда—38 см, диаметр венчика—12 см, диаметр дна—15 см (рис. 31, 3; табл. XVI, 5). Точное место находки не установлено.

14. Крупный прекрасно лощеный кувшин розового цвета; горловина невысокая, раструбной формы; округло-выпуклое в верхней части биконическое тулово украшено волнистой резной линией, горизонтально вдавленными поясками и косым, направленным в разные стороны рифлением, расположенным отдельными участками; гладкая нижняя часть сосуда косо срезана к дну. Сбоку маленькая наклонная ручка с горизонтальным отверстием и три соседних выступа. Высота сосуда—35 см, диаметр венчика—12 см, диаметр дна—13 см (рис. 31, 1; табл. XVI, 4). Найден в западной части раскопа (кв. 10-й).

15. Крупный лощеный кувшин серого цвета; горловина невысокая, раструбной фор-

мы; биконическое тулово украшено горизонтально вдавленными поясками и маленькой паленной ручкой с отверстием. Высота сосуда—32 см, диаметр венчика—9 см, диаметр днища—12 см (рис. 31, 4; табл. XVI, 2). Точное место находки не установлено.

16. Крупный лощеный кувшин розового цвета; горловина невысокая, раструбной формы; округло-выпуклое в верхней части биконическое тулово украшено врезанными горизонтальными поясками и косым, направленным в разные стороны рифлением, расположенным отдельными участками. Высота сосуда—32 см, диаметр венчика—11,5 см, диаметр днища—10 см (рис. 31, 5). Точное место находки не установлено.

17. Крупный лощеный кувшин черного цвета; горловина невысокая, раструбной формы; округло-выпуклое тулово биконической формы в верхней части украшено горизонтальными вдавленными поясками и косым, направленным в разные стороны рифлением, расположенным отдельными участками. Высота сосуда—40 см, диаметр венчика—16 см, диаметр днища—18 см. (табл. XVI, 3). Найден на северном участке раскопа (кв. 6-е).

18. Верхняя часть небольшого лощеного кувшина; горловина невысокая, раструбная; с одной стороны небольшая приподнятая ручка; орнамент в виде горизонтальных вдавленных поясков (рис. 31, 2); Точное место находки не установлено.

IV. Крупные приземистые лощеные сосуды с широким низким горлом и округло-раздутым биконическим туловом, украшенные скульптурными головками бычков.

19. Крупный прекрасно лощеный черный сосуд; горловина низкая, широкая, венчик отогнутый; тулово биконической формы, в верхней (большей) части округло-вздутое, покрыто украшениями в виде горизонтальных выемчатых желобков, зигзагообразных линий и широкого косого рифленого пояса. В верхней части сосуда три скульптурные головки бычков. Высота сосуда—38 см, диаметр венчика—13 см, диаметр днища—13 см (рис. 23, 3; Табл. XVII, 2). Найден в помещении на западном склоне холма (кв. 12-й).

20. Крупный приземистый прекрасно лощеный серый сосуд; горловина низкая, широкая, венчик отогнут; тулово биконической формы в верхней (большей) части покрыто украшениями. Это три стилизованные скульптурные головки бычков, горизонтальные пояски из выемчатых желобков и зигзагообразных линий, а также широкий пояс, состоящий из косого рифления; нижняя гладкая часть сосуда резко суживается к днищу. Высота сосу-

да—37 см, диаметр венчика—16 см, диаметр днища—12 см (рис. 23, 4; табл. XVII, 3). Найден в помещении на западном склоне холма (кв. 12-й).

Рис. 31 Кувшины с раструбным горлом.

21. Крупный приземистый прекрасно лощеный черный сосуд; горловина широкая, приподнятая, венчик отогнут; слегка округлое в верхней части биконическое тулово украшено стилизованными головками животных и широким поясом, состоящим из косого рифления; нижняя гладкая часть сосуда резко суживается к днищу. Высота сосуда—34 см, диаметр венчика—13 см, диаметр днища—15 см (рис. 23, 5; табл. XVII, 1). Найден в помещении на западном склоне холма (кв. 12-й).

22. Приземистый лощеный сосуд черного цвета; горловина широкая, низкая, венчик отогнут; округлое в верхней части биконическое тулово украшено тремя стилизованными скульптурными головками бычков, горизонтальными врезными поясками и широким поясом, состоящим из косого рифления; гладкая нижняя часть резко суживается к днищу.

Высота сосуда—29 см, диаметр венчика—11 см, диаметр днища—12 см (рис. 23, 1). Найден в западной части раскопа (кв. 10-h).

23. Призмистый лощеный сосуд черного цвета; горловина низкая, широкая, венчик слепка отогнут; округлое в верхней части биконическое тулово украшено стилизованными скульптурными головками бычков, горизонтальными врезными поясками. Высота сосуда—28 см, диаметр венчика—11 см, диаметр днища—15,5 см (рис. 23, 2). Найден в помещении на западном склоне холма (кв. 12-h).

V. Крупные лощеные сосуды с широким низким горлом и округло раздутым биконическим туловом.

24. Крупный прекрасно лощеный черный сосуд; горловина низкая, венчик слегка отогнут; округло-вздутое в верхней части биконическое тулово украшено врезной волнистой линией, горизонтальными поясками и косым, направленным в разные стороны рифленным узором; с одной стороны в верхней части сосуда имеются два соседних выступа; гладкая нижняя часть сосуда резко суживается к днищу. Высота сосуда—36 см, диаметр венчика—12 см, диаметр днища—13 см. (рис. 32, 2; табл. XVIII, 1—2). Найден в помещении в восточной части раскопа (кв. 7-g).

25. Очень крупный лощеный сосуд бурого цвета; горловина низкая, венчик слегка отогнут; округлое в верхней части биконическое тулово украшено горизонтальными вдавленными поясками и косым, направленным в разные стороны, рифленным узором, расположенным отдельными участками; гладкая нижняя часть косо срезана к днищу и покрыта вертикальным лощением. В верхней части с одной стороны наленная горизонтально проткнутая ручка. Высота сосуда—42 см, диаметр венчика—10 см, диаметр днища—15 см

(рис. 32, 1; табл. XIX, 1). Точное место находки не установлено.

VI. Крупные лощеные сосуды вытянутой формы с широким низким горлом и двумя ручками.

26. Очень крупный сосуд несколько вытянутой формы; горловина низкая, широкая, венчик отогнут; туловище сильно расширяется в средней части, по обе стороны две наленные ручки с круглыми отверстиями; верхняя часть сосуда украшена врезными поясками;

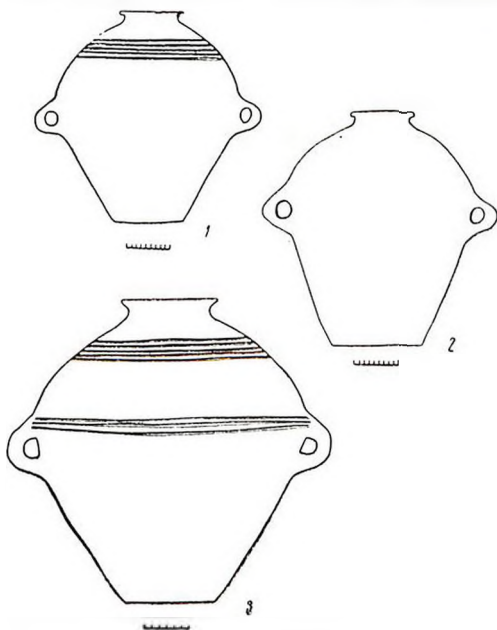

Рис. 33 Крупные двуручные сосуды.

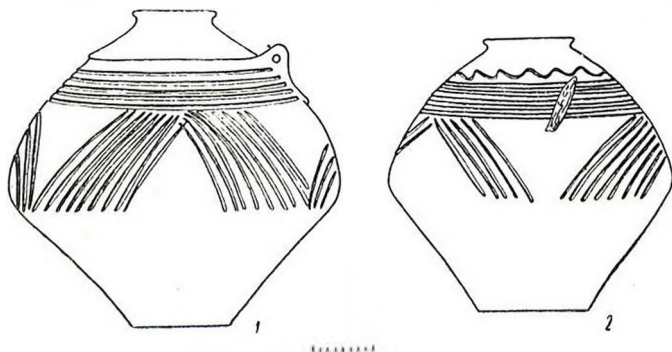

Рис. 32 Крупные сосуды биконической формы.

нижняя часть покрыта вертикальным лощением. Высота сосуда—42 см, диаметр венчика—12 см, диаметр днища—15 см (рис. 33, 1; табл. XX, 2). Найден в помещении на западном склоне холма (кв. 12-h).

27. Крупный лощеный сосуд черного цвета; горловина низкая, венчик отогнут; тулово вытянутое, на тулове две ручки. Высота сосуда—42 см, диаметр венчика—10 см, диаметр днища—13 см (рис. 33, 2); Найден в помещении на западном склоне холма (кв. 12-h).

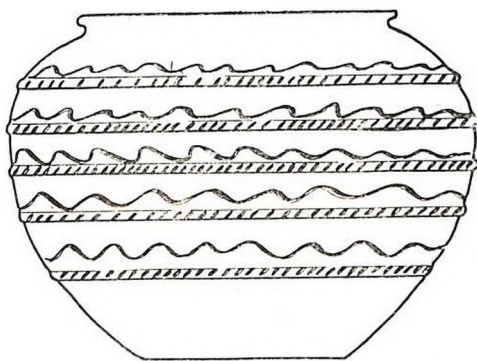
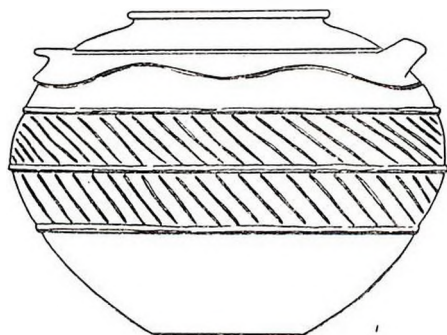

Рис. 31 Крупные шарообразные сосуды.

28. Крупный лощеный сосуд темного цвета; горловина низкая, венчик отогнут; тулово вытянутой, слегка биконической формы, на тулове две ручки; в верхней части врезанные горизонтальные пояски, нижняя часть покрыта вертикальным лощением. Высота—43 см,

диаметр венчика—12,5 см, диаметр днища—14 см (рис. 33, 3; табл. XX, 1). Найден в помещении на западном склоне холма (кв. 12-h).

VII. Крупные лощеные сосуды с широким низким горлом и шарообразным туловом.

29. Крупный лощеный сосуд черного цвета; горловина очень широкая, низкая, венчик сильно отогнут; шаровидное тулово украшено пятью наленными горизонтальными валиками с насечками и перемежающимися с ними волнообразными врезными линиями, очевидно, имитирующими змей. Высота сосуда—42 см, диаметр венчика—30 см, диаметр днища—20 см (рис. 34, 2; табл. XIX, 2). Найден в помещении на западном склоне холма (кв. 12-h).

30. Очень крупный прекрасно лощеный черный сосуд; горловина низкая, широкая; биконическое сильно вздутое тулово украшено в верхней части змееобразным наленным узором; ниже два широких пояса, отделенных друг от друга наленными валиками и пучками орнамента, состоящего из косого рифления; в верхней части тулова, с одной стороны,—ложная ручка в виде сосцевидного отростка, с другой—плоский круглый упор. Высота сосуда—43 см, диаметр венчика—13 см, диаметр днища—24 см (рис. 34, 1). Точное место находки не установлено.

VIII. Крупные и мелкие грубые горшки с широким горлом, округлым либо биконическим туловом.

31. Крупный сероглиняный грубый приземистый горшок с шероховатой поверхностью; горловина широкая, низкая, венчик оформлен валиком; тулово округлое, сильно вздутое в средней части; в верхней его трети серия горизонтально вдавленных поясков, обрамленных сверху и снизу семечковидным орнаментом. Высота сосуда—29 см, диаметр днища—17 см (рис. 35, 4). Точное место находки не установлено.

32. Крупный сероглиняный грубый горшок с шероховатой поверхностью; горловина широкая, низкая, венчик отогнут; тулово биконической формы, наверху слегка округлое; верхняя часть украшена волнистой врезной линией, обрамленной сверху и снизу семечковидным орнаментом. Высота сосуда—37 см, диаметр венчика—24 см, диаметр днища—14 см (рис. 35, 5). Найден в северной части раскопа (кв. 7—g).

33. Маленький грубый пелощеный горшочек черного цвета; горловина широкая, венчик отогнут; на верхней части биконического тулова врезная волнообразная линия и семечковидный орнамент. Высота сосуда—9,5 см,

диаметр венчика—9,5 см (рис. 35,6). Точное место находки не установлено.

34. Фрагмент крупного грубого сероглиняного горшка с шероховатой поверхностью; горловина широкая, низкая, венчик сильно отогнут; тулово округлое, верхняя его часть украшена волнистой врезной линией, обрамленной сверху и снизу семечковидным орнаментом (рис. 35, 1). Точное место находки не установлено.

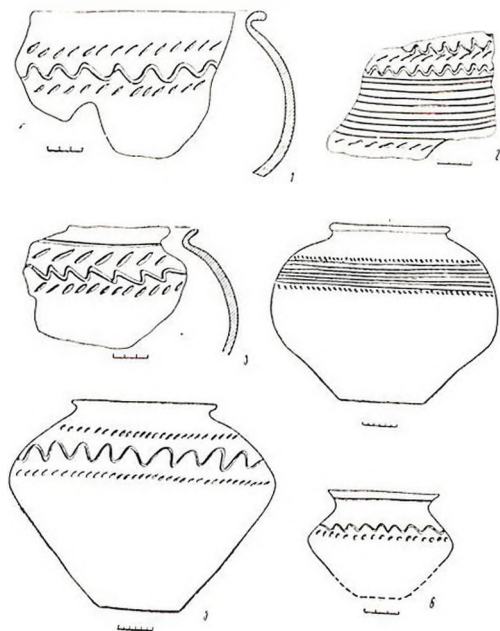

Рис. 35 Грубые «кухонные» горшки.

35. Фрагмент грубого сероглиняного горшка с шероховатой поверхностью; горловина низкая, широкая, венчик отогнут; тулово округлое, верхняя часть украшена волнистой врезной линией, обрамленной сверху и снизу семечковидным орнаментом (рис. 35, 3). Точное место находки не установлено.

36. Фрагмент крупного грубого сероглиняного горшка с шероховатой поверхностью; орнамент состоит из комбинации врезных горизонтальных поясков, зигзагообразных линий и семечковидных украшений (рис. 35, 2). Точное место находки не обнаружено.

IX. Плоские миски с резко скошенными стенками и маленькой ручкой.

37. Плоская миска коричневатого цвета с

прямыми резко суживающимися стенками; венчик подчеркнут горизонтальным пояском; сбоку ручка-ушко. Лощение двустороннее. Высота миски—5 см, диаметр венчика—20 см, диаметр дна—7 см (рис. 36, 3). Найдена в помещении на западном склоне холма (кв. 12-й).

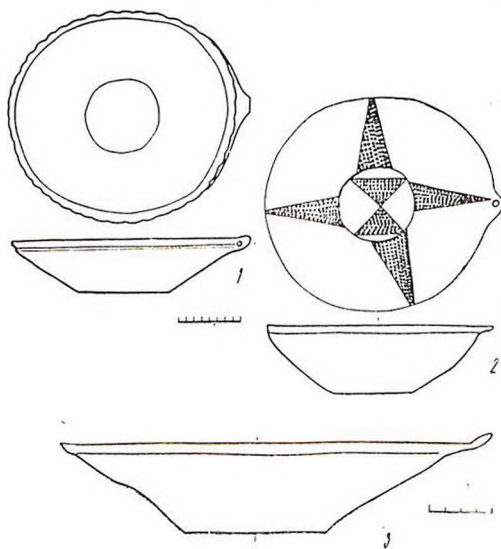

Рис. 36 Плоские миски.

38. Большая плоская миска бурого цвета с прямыми резко суживающимися стенками; венчик выделен уступом и орнаментирован врезной зигзагообразной линией; сбоку ручка-ушко. Лощение двустороннее. Высота миски—7 см, диаметр венчика—29 см, диаметр дна—11 см (рис. 36, 1). Точное место находки не установлено.

39. Большая сероглиняная миска (рис. 36, 2; табл. XXI, 1); венчик подчеркнут врезной линией; сбоку ручка-ушко; лощение двустороннее; поверхность украшена четырьмя вытянутыми отходящими от донной части вершинами вверх пропиранными треугольниками, заполненными внутри пунктирным орнаментом; на донной части тем же приемом выполнена фигура двойных треугольников. Высота миски—9 см, диаметр венчика—29 см, диаметр дна—10 см. Найдена в помещении на западном склоне (кв. 12-й).

X. Миниатюрные лощеные кувшинчики.

40. Миниатюрный лощеный кувшинчик коричневого цвета. Высота—8 см, диаметр

венчика—5 см, диаметр днища—3 см (рис 22, 10). Найден в помещении (кв. 12-й, 13-й).

41. Миниатюрный лощеный темный кувшинчик. Высота—8 см, диаметр венчика—5 см, диаметр днища—3 см (рис. 22, 5). Найден в помещении (кв. 12-й, 13-й).

42. Миниатюрный сильно вытянутый бурый кувшинчик. Высота—8 см, диаметр венчика—4,5 см, диаметр днища—3 см (рис. 22, 7). Найден в помещении (кв. 12-й, 13-й).

43. Миниатюрный бурый кувшинчик. Высота—8 см, диаметр венчика—4,5 см, диаметр днища—3 см (рис. 22, 8). Найден в помещении (кв. 12-й, 13-й).

44. Небольшой чернолощенный кувшинчик. Высота—10 см, диаметр венчика—5,5 см, диаметр днища—4,5 см (рис. 22, 12). Найден в помещении (кв. 12-й, 13-й).

45. Миниатюрный чернолощенный кувшинчик, украшенный тремя врезными линиями. Высота 7 см, диаметр венчика 3,5 см, диаметр днища 3 см (рис. 22, 6). Точное место находки не установлено.

46. Миниатюрный чернолощенный кувшинчик, украшенный врезной линией. Высота—8,5 см, диаметр венчика—4 см, диаметр днища—3 см (рис. 22, 13). Найден в кв. 10-й.

47. Миниатюрный сероглиняный кувшинчик, украшенный врезной линией. Высота—6,5 см, диаметр венчика—3,5 см, диаметр днища—2,5 см (рис. 22, 1). Найден в кв. 7-й.

48. Миниатюрный сероглиняный слегка лощеный кувшинчик с биконическим туловом. Высота—7,5 см, диаметр венчика—4 см, диаметр днища—3 см (рис 22, 9). Найден в кв. 7-й.

49. Миниатюрный приземистый светлоглиняный слегка лощеный кувшинчик, украшенный врезной линией. Высота—6,5 см, диаметр венчика—4,5 см, диаметр днища—3 см (рис. 22, 2). Найден в кв. 6-й.

50. Небольшой сероглиняный грубый кувшинчик с округлым туловом (верх отломан),

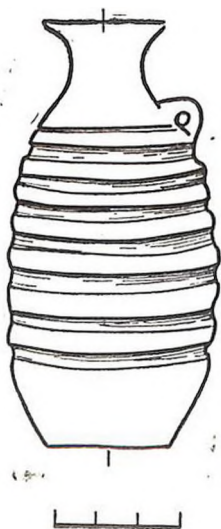
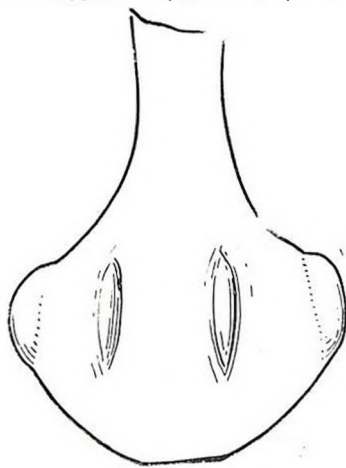

Рис. 37 Миниатюрный рифленый флакончик

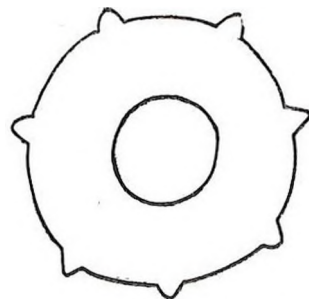

Рис. 38 Чернолощенный флакончик

украшенный четырьмя врезными горизонтальными линиями. Приблизительная высота—10,5 см, диаметр днища—3,5 см (рис 22, 4). Найден в помещении (кв. 12-й, 13-й).

51. Миниатюрный коричневоый лощеный

кувшинчик (верх отломан), украшенный тремя врезными линиями (рис. 22, 14). Найден в помещении (кв. 12-й, 13-й).

52. Небольшой грубый темный горшочек с шероховатой поверхностью, украшенный тремя вдавленными поясками. Высота—12 см, диаметр венчика—5,8 см, диаметр дна—3 см (рис. 22, 11). Найден в помещении (кв. 12-й).

53. Миниатюрный сильно вытянутый чернолощенный кувшинчик; поверхность украшена сплошным поперечным глубоким рифлением; сбоку ручка-ушко. Высота—10 см, диаметр венчика—3,5 см, диаметр дна—3,5 см (рис. 37). Найден в помещении (кв. 12-й).

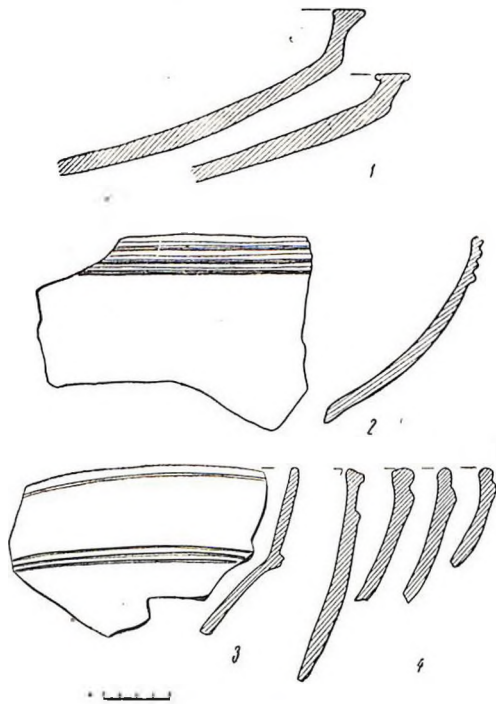

Рис. 39 Глубокие и плоские миски.

54. Миниатюрный лощепая бурый флакончик с узким горлом и сильно раздутым туловом; тулово украшено семью закругленными выступами. Высота—10 см, диаметр венчика—2,5 см, диаметр дна—2 см (рис. 38). Найден в помещении (кв. 12-й).

XI. Миниатюрные плоские лощенные мисочки.

55. Миниатюрная лощепая плоская мисочка с резко суживающимися краями. Высота—3 см, диаметр венчика—14 см, диаметр дна—3,5 см (рис. 21, 1). Найдена в помещении (кв. 12-й, 13-й).

56. Небольшая серолощенная мисочка. Высота—4 см, диаметр венчика—15 см, диаметр дна—7 см (рис. 21, 2). Найдена в помещении (кв. 12-й, 13-й).

57. Небольшая серолощенная мисочка. Высота—3,5 см, диаметр венчика—16,5 см, диаметр дна—5 см. Найдена там же.

XII. Крупные лощенные сероглиняные глубокие и мелкие миски с плоским и округлым венчиком (рис. 39).

Раскопки древнего слоя не ограничились выявлением намятников культового характера. Здесь, на большом пространстве между первым и вторым святилищами, буквально врившись к широкой капитальной стене, проходившей с юга на север через весь раскоп, находилось большое помещение, построенное, судя по стратиграфическим наблюдениям, вскоре после сооружения этой стены. Уровни пола этого помещения и первого святилища указывают на то, что оба комплекса долгое время функционировали одновременно. Предметы, найденные в пределах большого помещения, резко контрастировали с находками в культовых сооружениях и имели чисто производственный характер. Дополнительные раскопки на южном участке, а также анализ ранее найденных здесь вещей сразу же позволили сделать вывод о том, что здесь некогда располагалась металлообрабатывающая мастерская²³. Площадь последней установить оказалось невозможным ввиду того, что кладки стен были частично разобраны, а северная часть постройки осталась под трехметровой толщей средневекового слоя с круглым каменным помещением, получившим название «бассейн». В результате от стен мастерской кое-где остались лишь каменные фундаменты. Последние были сделаны менее тщательно, нежели описанные выше фундаменты святилищ, что должно быть скорее всего объяснено производственным назначением постройки. Сохранившиеся фундаменты мастерской состояли из двух рядов крупных бесформенных глыб (табл. VI). В отличие от прямоугольной капитальной стены святилища, примыкающая

²³ В 1971—73 гг. нами был раскрыт южный участок мастерской, площадью 50 м² (кв. 8-й, 9-й); центральная и северная ее части были раскопаны в предыдущие годы. См. дневники за 1963 г. С. Махатчян и Р. Григорян.

к ней восточная стена мастерской, длиной около 20 м, имела несколько изогнутую конфигурацию, хотя в целом шла также с севера на юг, лишь в южной части отклоняясь на запад. Здесь эта стена образовывала слегка закругленный угол и продолжалась в направлении запада еще примерно на 5–6 м; затем кладка обрывалась²⁴.

В 1972 г. при повторной зачистке всей площади старого раскопа в северной его части нами была выявлена круглая кладка диаметром около 0,7 м из одного ряда камней, внутри которой оказалась красноватая сильно обожженная глина, а под ней — толстый слой золы (табл. V, 1). Специфический характер остатков, а также обнаруженные вблизи предметы позволили тогда же высказать предположение, что кладка являлась основанием металлургической печи, верхняя часть которой, образовавшая при разрушении развал камней, была использована либо во время позднейших строителей, либо выбрана при раскопках прежних лет. В 1973 г. эта кладка была нами доследована²⁵. Раскопки полностью подтвердили ее предварительное определение. Внутренняя часть кладки, примерно на 40 см, была забита плотно утрамбованным слоем золы, мелкими древесными угольками и пережженными костями животных, участвовавшими в процессе нагрева скорее всего в качестве флюса. После удаления заполнения перед нами оказалась хорошо сохранившаяся нижняя часть металлургического горна (рис. 40).

Его под был образован крупным плоским вадомом, обтесанным для этой цели. В плане он имел яйцевидную форму (70×60 см) и заостренным концом был обращен к входу в печь. Стены печи сложены из одного ряда обломков базальтов местных пород. Камни скреплены глинистым раствором и обмазаны с внутренней стороны печи глиной. Рядом с

горном были зафиксированы кусочки металла, определенные в лаборатории как отходы производства²⁶. Поблизости находилось глиняное двуструбное сопло (рис. 41, 2; табл. XXII, 2).

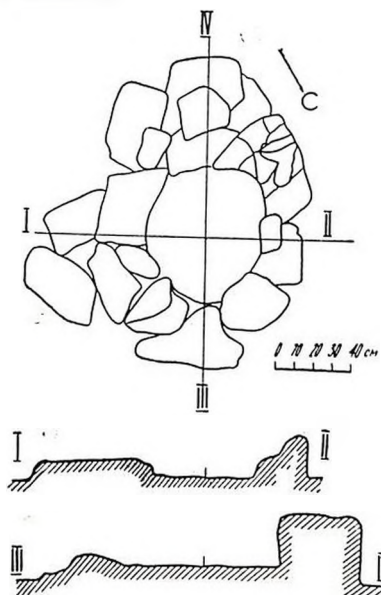

Рис. 40 Металлургический горн (после расчистки).

В пределах раскопанного участка, несколько западнее доследованного нами горна и севернее помещения, где хранилось много сосудов, судя по дневниковым записям, видимо, располагался еще один горн. Подтверждением такого определения служит, в частности, найденное поблизости второе двуструбное глиняное сопло (рис. 41, 1; табл. XXII 1).

Таблица анализов кусочков металла, найденных вблизи горна

	Cu	Sn	Pb	Zn	Ag	Sb	As	Fe	Ni	Co	Mn	Au
1 образец	осп	0.006	0.2	1.5	0.10	0.012	0.06	0.6	0.017	—	0.01	0.003—0.01
2 образец	осп	11.0	0.15	0.3	0.06	0.017	0.05	0.08	0.06	0.01	0.01	0.001—0.003
3 образец	осп	0.05	0.12	0.25	0.06	—	—	0.08	0.06	0.01	0.01	0.001—0.003

²⁴ В эллинистический период сырцовые стены разрушенной пожаром мастерской были, очевидно, снесены и на этом месте построено новое здание, от которого хорошо сохранилась одна прочная каменная стена.

²⁵ В доследовании печи принимал участие геолог-металлург А. И. Геворкян.

²⁶ Определение металла сделано в лаборатории Института археологии и этнографии АН Арм. ССР А. И. Геворкян, за что приношу ему благодарность.

В целом в мастерской, на разных ее участках, были обнаружены следующие предметы.

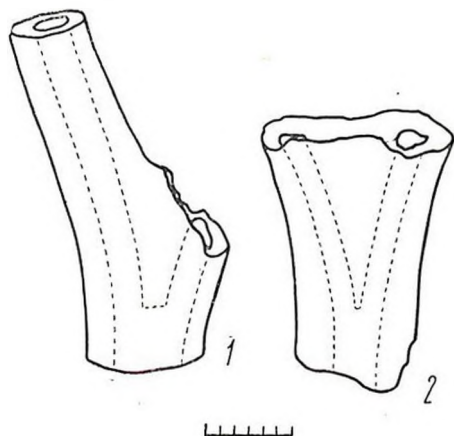

Рис. 41 Глиняные сопла.

1. Каменная форма (гранит?) для отливки мелких украшений; размеры $7,5 \times 5 \times 1,5$ см; использовалась с двух сторон; поверхность полированная со следами употребления; на каждой стороне—отверстия для штифтов. На одной плоскости (а)—три формы для отливки колец разного калибра (самое маленькое только намечено) и две—для отливки миниатюрных жемчужных заготовок каких-то украшений; на другой плоскости (б)—глубокая форма для отливки биконической бусины и две слегка намеченные формы для двусторонних украшений (рис. 42; табл. XXIII, 1).

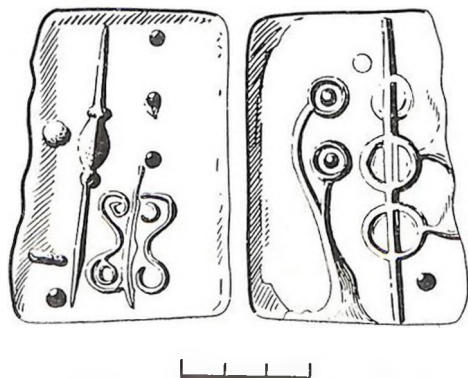

Рис. 42 Форма для отливки украшений.

2. Обломок глиняной формы для отливки мелких украшений; размеры $7 \times 3,7 \times 2$ см; использовалась с двух сторон; глина голая, прекрасно обожженная, поверхность лощеная с повреждениями; на каждой стороне—отверстия для штифтов; на одной плоскости (а)—форма для отливки продолговатой биконической бусины и круглого медальона, состоящая из трех рубчатых дисков, соединенных перемычками; на другой (б)—многочисленные формочки для отливки круглых украшений типа крупной зерны и для миниатюрной розетки (рис. 43; табл. XXIII, 2).

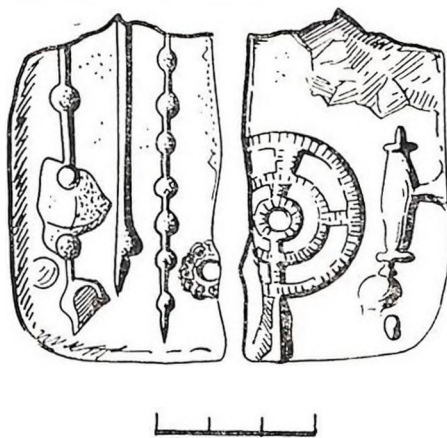

Рис. 43 Форма для отливки украшений.

3. Изящная форма из темно-коричневого камня (стеатит?) для изготовления мелких украшений; размеры $5,7 \times 4 \times 1,2$ см; использовалась с двух сторон; поверхность прекрасно отполирована; на каждой стороне—отверстия для штифтов. На одной плоскости (а)—три узорчатые формочки: 1) глубокая округлая с крестообразными нарезками и маленькими точечными сверлилами, 2) глубокая округло-квадратная с разными по глубине маленькими точечными сверлилами, 3) плоская прямоугольная с врезанными концентрическими кружками и точечными сверлилами; на второй плоскости (б)—две канавки для заливки металла, от которых отходят полусферические негативы для отливки украшений типа зерны (рис. 44).

4. Каменная форма (одна створка) из известняка для отливки двух наконечников стрел; размеры $7,5 \times 4,5 \times 3$ см; рабочая поверхность сильно потерта, оббита, закопчена; тыльная сторона имеет скосы; на поверхно-

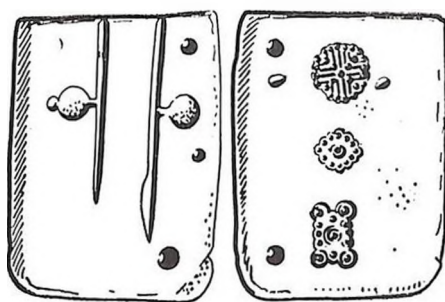

Рис. 44 Форма для отливки украшений.

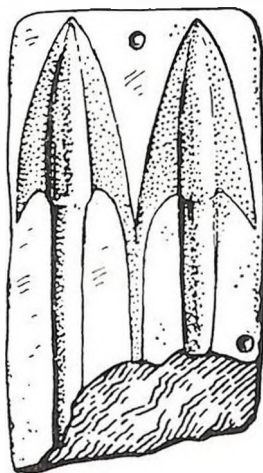

Рис. 45 Форма для отливки бронзовых стрел.

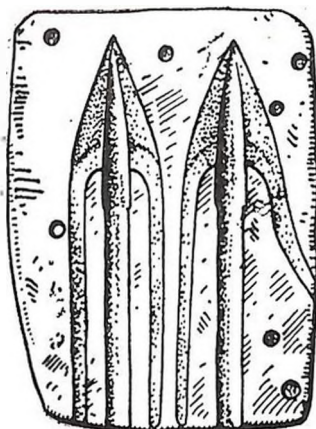

Рис. 46 Форма для отливки бронзовых стрел.

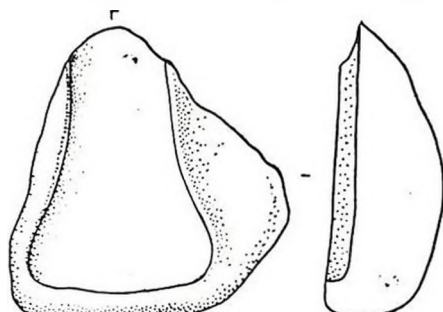

Рис. 47 Форма для отливки плоского топорика.

сти—два отверстия для штифтов (рис. 45, табл. XXIII, 4).

5. Каменная форма (одна створка) для отливки двух наконечников стрел; размеры $9,5 \times 7,5 \times 2,5$ см; рабочая поверхность несет следы длительного употребления и имеет 9 штифтовых отверстий, указывающих на способ скрепления с другой створкой; тыльная сторона не обработана (рис. 46, табл. XXIV).

6. Обломок односторонней формы из серого песчаника для отливки плоского топорика²⁷; длина сохранившейся части 9 см;

²⁷ Эта находка была сделана примерно в 25—30 м к северу от раскопанного участка, однако принадлежность ее к мастерской не вызывает сомнений.

тыльная сторона не обработана (рис. 47; табл. XXIII, 3).

7. Массивное двуструбное сопло из грубой комковатой плохо обожженной глины; длина сохранившейся части—17,5 см, наибольшая ширина—12,5 см; поверхность неровно сглажена; заметны следы употребления в виде законченности трубки (рис. 41, 2; табл. XXII, 2).

8. Массивное двуструбное сопло из грубой комковатой плохо обожженной глины; одна трубка обломана; длина—27 см; поверхность неровно сглажена и имеет следы употре-

ребления в виде черных пятен (рис. 41, 1, табл. XXII, 1).

9. Литая болванка плоско-выпуклой формы; размеры $11,5 \times 2,7 \times 1,7$ см (рис. 16, 1; табл. XXII, 3).

10. Небольшой медный брусок-заготовка.

11. Два массивных слитка неправильной формы; длина 6 см и 6,5 см, на одном следы резки по металлу (табл. XXII, 4, 6).

12. Слиток в виде массивного круглого диска; диаметр—8 см, толщина 0,5—1 см (рис. 16, 15; табл. XXII, 5).

13. Кусок листовой бронзы овальной формы, длина—9,5 см.

14. Бронзовый меч с широким лезвием (лезвие обломано) и массивной цельнолитой рукояткой, завершающейся ажурным навершием; длина рукоятки—11 см, наибольшая ширина лезвия—8 см. На обеих сторонах

лезвия, под рукояткой, гравировка в виде «бегущей спирали»; рукоятка украшена рядом из канелок зерни; на ажурном набалдашнике вставки из дерева и насты (рис. 48, 1).

15. Обломок верхней части лезвия меча; длина сохранившейся части—20 см; в середине—ребро твердости, по бокам два продольных желобка, сходящихся книзу; наверху украшение в виде «бегущей спирали» (рис. 48, 2).

16. Массивный бронзовый кинжал с четко профилированным (канелированным) лезвием и плоским язычком, на который посажена деревянная рукоятка; последняя прикреплялась с помощью сквозного бронзового штифта; длина кинжала—35 см, наибольшая ширина—5,5 см (рис. 48, 7, табл. XXV, 1).

17. Массивная бронзовая секира (обушная часть отломана) с закругленными концами; ширина сохранившейся части—11 см, высота—14 см (рис. 49).

18. Нижняя часть узких пожен из листовой бронзы; длина—11,5 см, ширина—2,5 см (рис. 48, 6).

19. Один бронзовый неслий от удил с напускными трензелями; в центре круглое отверстие для продевания мундштука, по бокам отверстия для ремней; длина—22 см (рис. 48, 8; табл. XXV, 13).

20. Обломки колчана из листовой бронзы; орнамент штампованный в виде трех горизонтальных поясков, обрамляющих ряды вертикальных семечковидных выпуклостей; по краю—отверстия для скрепления с кожаной основой; ширина сохранившейся части—14,5 см (рис. 48, 5).

21. Бронзовое украшение—прошивка ромбообразной формы с двумя длинными отростками-трубками; в центральной части треугольные прорезы, по бокам—двуспиральные завитки из тонкой проволоки; длина—12 см, ширина—4,5 см (рис. 50, 7; табл. XXV, 6).

22. Бронзовый ажурный колокольчик с петелькой для подвешивания; внутри металлический шарик; длина—5 см (рис. 50, 2; табл. XXV, 10).

23. Два массивных бронзовых кольца с пескомкнутыми суживающимися концами, украшенными орнаментом «в елочку»; диаметры—11,5 и 9,5 см, наибольшая толщина—2 см (рис. 51; табл. XXVI, 1—2).

24. Два бронзовых набалдашника со сквозными штифтовыми отверстиями для скрепления с древком; длина—2,5 и 2 см (рис. 48, 3—4).

25. Бронзовый браслет из толстого круг-

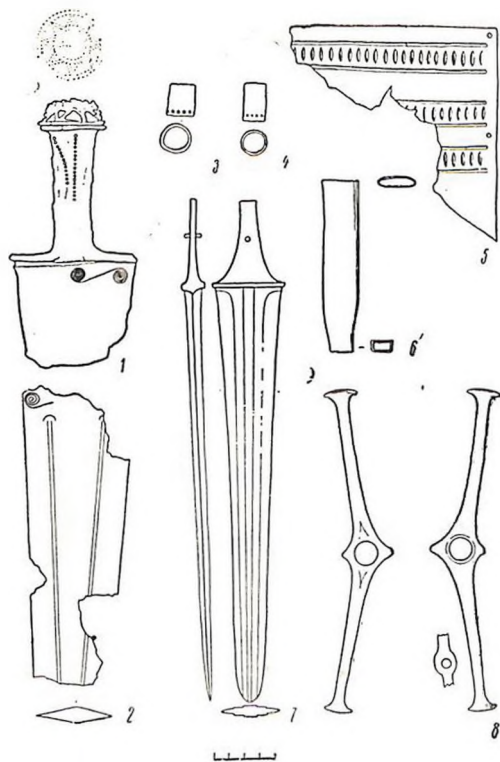

Рис. 48 Бронзовые предметы из мастерской.

1—2—обломки мечей; 3—4—навершия кинжалов; 5—обломок колчана; 6—нижняя часть пожен; 7—кинжал; 8—неслий.

лого прута с утолщением на лицевой части, диаметр—6 см (рис. 16, 20; табл. XXV, 8).

26. Обломок витого бронзового прута, возможно от браслета; длина—8,5 см.

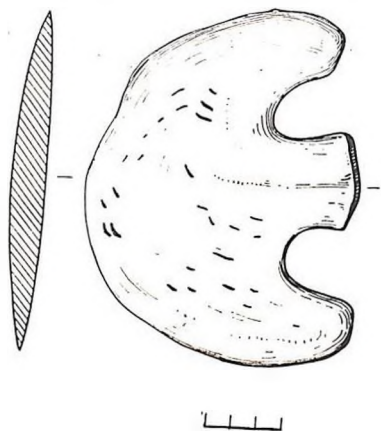

Рис. 49 Бронзовая секира.

27. Круглый бронзовый прут, согнутый в виде крюка; диаметр—0,6 см (рис. 16, 11).

28. Три бронзовых черешковых наконечника стрел с длинными опущенными крыльями, длина—7,5 и 8,5 см (рис. 16, 2; табл. XXV, 2—4).

29. Бронзовый черешковый наконечник стрелы подтреугольной формы, длина—6,5 см (рис. 16, 4).

30. Небольшой изящный бронзовый нож с отростком для насадки рукоятки; длина—10 см (рис. 16, 8).

31. Бронзовый крючок с втулкой для вставки деревянного стержня (рис. 16, 10).

32. Два бронзовых шила; длина—6,5 и 5,5 см (рис. 16, 17).

33. Два бронзовых круглых в сечении колечка, диаметр—2 см (рис. 50, 4—5).

34. Бронзовое колечко, уплощенное с двух сторон; диаметр—3 см (рис. 50, 1; табл. XXV, 9).

35. Обломок бронзового круглого в сечении височного кольца (рис. 16, 12).

36. Пояс из листовой бронзы с железной пряжкой; положен на кожаную основу и скреплен с ней бронзовыми заклепками; ширина—5 см (распался во время расчистки).

37. Обломок вепчика (нояса?) из листовой бронзы; ширина—2,5 см.

38. Обломок бронзового сосуда (?) с вертикальными стенками (рис. 16, 9, 13).

39. Обломок бронзового сосуда с плоской ленточной ручкой, ширина ручки—0,9 см.

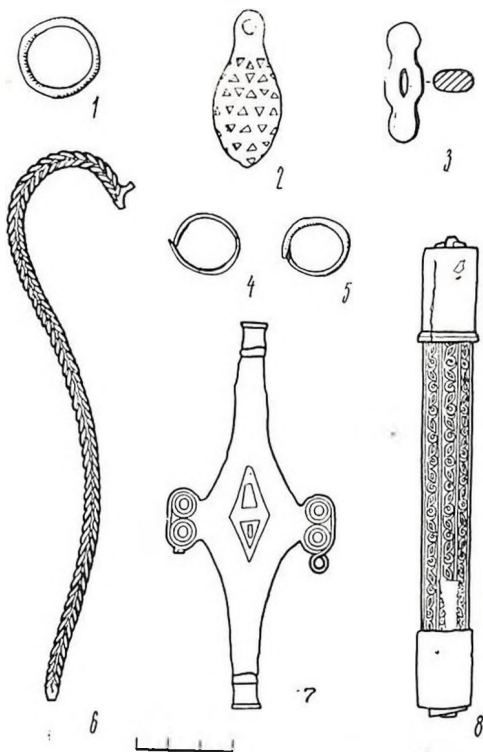

Рис. 50 Бронзовые, серебряные и костяные предметы из мастерской 1, 4—5—бронзовые колечки; 2—бронзовый бубенчик; 3, 7—бронзовые пронизки; 6—серебряная ручка сосуда; 8—костяная рукоятка.

40. Бронзовая литая пронизка, длина—4 см (рис. 50, 3).

41. Массивный железный топор (или тесло) с закругленной рабочей частью (обушная часть обломана); длина сохранившейся части—16,5 см, ширина—6 см (рис. 52; табл. XXV, 11).

42. Несколько железных наконечников стрел листовидной формы; длина 6—7 см (рис. 15; табл. XXV, 5).

43. Изящная тонкая сплетенная из сере-

ряных проволок ручка от сосуда; длина—19 см (рис. 6, табл XXV, 12).

44. Костяной предмет (рукоятка?) восьмигранной формы; грани украшены тонким врезным растительным орнаментом; оба конца закрыты серебряными крышками, к верхней припаяна игелька, в которой имеются остатки бронзового колечка; длина—14,5 см, диаметр—1,7 см (рис. 50, 8; табл XXV, 14).

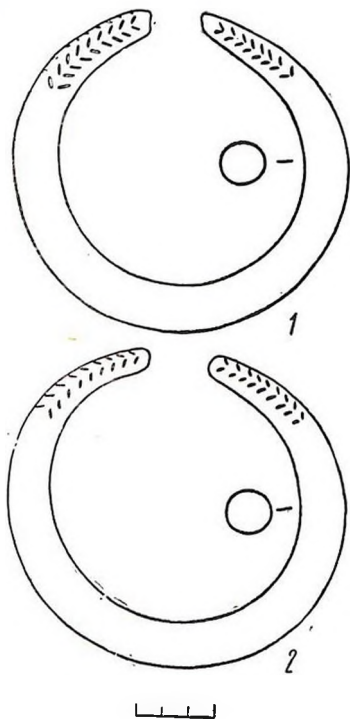

Рис. 51 Массивные бронзовые «браслеты».

45. Костяное четырехгранное острие, длина—6,5 см (рис. 16, 16).

46. Круглый уплощенный с двух сторон черный полированный камень, по краям отколы, на обеих поверхностях в центре следы работы в виде мелких выбоин и потертостей; диаметр—9 см, толщина—2,5 см (рис. 17, 16; табл. XXVI, 7).

47. Массивный каменный пестообразный предмет цилиндрической формы, наверху и внизу слегка выпуклый; на одной поверхности глубокими врезами нанесен орнамент в виде распределенных по четырем секторам вписанных друг в друга углов; высота—7 см, диаметр—6,2 см (рис. 17, 1; табл. XXVI, 6).

48. Массивный каменный предмет колоколообразной формы с четырьмя поперечными вогнутыми поясами; высота—8 см, диаметры—6,5 и 2 см (рис. 17, 5).

49. Несколько десятков «рубленых» бус разного размера из светло-розового сердолика.

50. Каменные пестообразные (орудия (рис. 53).

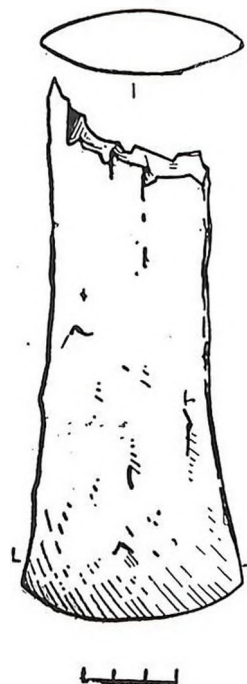

Рис. 52 Железный топор.

51. Семь прекрасно полированных круглых и одна биконическая бусины из темно-красного сердолика (рис. 54, 4).

52. Две массивные бусины из коричневого агата с темными прожилками правильной цилиндрической формы, длина—5,5 и 4,5 см (рис. 54, 6—7).

53. Крупная подвеска грушевидной формы из желтовато-дымчатого оникса, длина—3 см (рис. 54, 1).

54. Заготовка цилиндрической формы какого-то украшения, выточенная из красно-белого мраморовидного камня, диаметр—3,5 см. На верхней плоскости размечен круг (рис. 54, 8).

55. Несколько тысяч голубых мелких пастовых бусинок (табл. XXVII, 2).

56. Полусферическая бусина из голубой пасты, украшенная врезным орнаментом, диаметр—2,5 см.

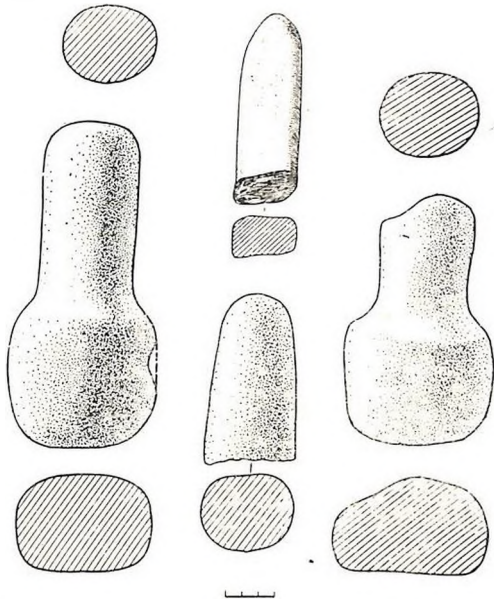

Рис. 53 Каменные пестообразные орудия из мастерской.

57. Крупная продолговатая бусина из голубовато-серой глазури; украшена накладными валиками из желтой пасты, на которых глазурию прочерчены тонкие поперечные линии; длина—3 см.

58. Несколько сот раковин каури (*Monetaria annulus*) и раковин других видов моллюсков (*Dentalium*, *Collumbella*, *Unio stevianus*). Часть из них расчищена и превращена в бусы, остальные являлись заготовками бус (табл. XXVII, 1)²⁸.

— * —

Весьма интересная информация получена также в результате раскопок центрального квартала, примыкающего к Двинскому холму с юго-западной стороны. Общее руководство этими работами осуществляется А. Калантаряном²⁹.

²⁸ Определения раковин сделаны сотрудником института зоологии АН СССР Я. И. Старобогатовым.

В последние годы на этом участке было обращено особенно пристальное внимание на вопросы стратиграфии, которая здесь имеет специфические особенности. Так, в 1965 г., с целью обнаружения стоя раннего

Рис. 54 Различные украшения из мастерской.

1—подвеска из опикса; 2—3—раковины; 4—бусы из сердолика; 5—бусы из раковин; 6—7—бусы из агата; 8—заготовка из мраморообразного камня.

средневековья, к западу от кафедрального собора IV—V вв., в кв. д-18 и д-19 был заложен шурф; на глубине 2,5 м от поверхности в шурфе были обнаружены материалы периода раннего железа—чернолощенные и серолощенные карасы, а также обломки черных и серых лощеных сосудов, в частности чаш с врезным орнаментом (рис. 55). Наличие хорошо прослеживающихся в яме кв. д-19 стоящих *in situ* крупных карасов наводит на мысль о существовании здесь в древности какого-то хозяйственного помещения.

В 1967 г. при зачистке ямы в кв. п-20, на глубине 2,7—2,8 м от поверхности были обнаружены черепки древней посуды. Слой с этой посудой имел толщину примерно 1,5 м. Любопытно, что вместе с черепками здесь обнаружен фрагмент глиняной стелы, аналогичной

²⁹ А. Калантарян. Двин (результаты раскопок центрального квартала в 1964—1970 гг.), Ереван, 1975.

найденным в святилищах на холме, а ниже — глиняная «спина» и традиционная полукруглая очажная вымостка из камней. Несомненно, что во время рытья ямы IX в. была прорезана алтарная часть еще одного культового помещения.

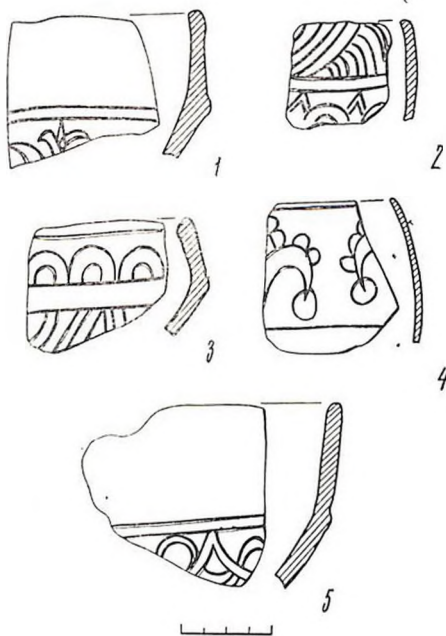

Рис. 55 Обломки сосудов с разным орнаментом.

Древние черепки были зафиксированы в ямах и в других частях центрального участка. Среди них, кстати, встречаются фрагменты резко профилированных серооливчатых мисок или тарелок, которые почти не попадаются на холме.

Сумма всех наблюдений позволила А. Калантаряну установить следующее положение вещей: средневековый слой в центральном квартале имеет повсюду меньшую мощность, чем на холме; его толщина 2,2–2,5 м. Ниже залегает слой периода раннего железа, соответствующий второму (снизу) слою на холме; толщина последнего колеблется от 1,5 до 2,5 м.

Некоторые дополнения в стратиграфию центрального квартала внесли небольшие раскопки 1973 г., произведенные на участке Г. Кочарян, непосредственно под восточной стеной дворца Католикоса (ячейка III). Под раннесредневековым слоем здесь четко читался тонкий слой эллинистического времени, в

котором были обнаружены фрагменты светлоглиняных расписных сосудов. Ниже этого слоя были расчищены обрывки фундаментов каменных стен от двух более ранних помещений. В одном из них, впритык к стене, была поставлена квадратная глиняная алтарная стела, повернутая лицом к юго-западу. Ее размеры 55×55×35 см. Алтарь оказался сильно законченным, перед ним была куча золы и непла, в которых найден также законченный ритуальный сосуд необычной формы (рис. 56, табл. XXI, 2). Здесь же поблизости лежал

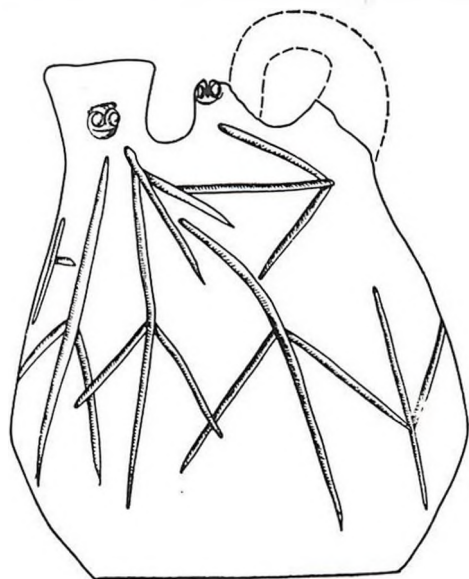

Рис. 56 Ритуальный сосуд.

грубый, сильно стилизованный идол с женскими половыми признаками (рис. 57). Около идола — большой сосуд с обгоревшими зернами³⁰ ячменя и пшеницы.

³⁰ Согласно определению Г. Н. Лисицкой, 90% зерен составляет голозерный ячмень (*Hordeum* sp.). Встречено несколько зерен пленчатого ячменя (*Hordeum* sp.) и мягкой пшеницы (*Triticum aestivum* Z.). Приношу глубокую благодарность Г. Н. Лисицкой за сделанное определение.

Таким образом, здесь, несомненно, было еще одно святилище.

Изображения на алтаре носили традиционный характер и были выполнены валковыми напелами с насечками (рис. 58; табл. XXVIII, 2). В верхней части мы видим так же, как и на втором алтаре, стилизованные головы животных с полукруглыми рогами, под ними—ряд concentрических кругов, перемежающихся с маленькими округлыми выпуклостями, еще ниже—два горизонтальных валика с теми же выпуклостями между ними; наконец, внизу, по бокам,—опять concentрические круги.

Большим своеобразием отличаются найденные у алтаря кувшины и идол. Чернолощеный, несколько вытянутый вверх и раздутый в нижней трети тулова, одноручный асимметричный кувшин имел смещенное на одну сторону узкое раструбное горло и круглую ручку (рис. 56; табл. XXI, 2). На горле сосуда и на передней части ручки сбоку имелись напелы в виде стилизованных головок птиц с сильно загнутым книзу клювом и большими глазницами (сова? орел?). Тулово кувшина вкруговую охвачено знаками, выполненными по сырой глинке округлым концом тонкой палочки; в центре изображен крест, по обе стороны которого расположены вертикальные знаки, напоминающие отпечатки трехпалых птичьих лап, и горизонтальные, напоминающие наконечники стрел. Высота кувшина—19 см, наибольшая ширина тулова—16 см, диаметр дна—10,5 см.

Фигура идола (верхняя часть отломана) имеет овальную корытообразную форму, внешняя (выпуклая) сторона его являлась фасадной (рис. 57). Судя по плоскому венчику на тыльной стороне, идол должен был стоять вертикально и был прислонен к стене. Фасадная часть, в отличие от грубой неотделанной тыльной стороны, хорошо заглажена и залощена. Две небольшие выпуклости в верхней трети изображения подчеркивают женскую принадлежность идола. Тело идола расчерчено тонкой палочкой в разных направлениях параллельными штрихами, читающимися как растительный орнамент. Нижняя половина идола не сохранилась. Примерная его высота 60—65 см, ширина—30 см.

Примерно в 100—150 м к югу от центрального квартала, во время работ на колхозном огороде сел. Хнаберт, в 1974 г. была случайно обнаружена еще одна глиняная стела с изображениями, очень близкими изображением на только что описанной стеле (табл. XXVIII 1).

Раскопки древнего слоя в центральном

квартале представляются весьма перспективными. Для его горизонтальной расчистки здесь потребуется значительно меньше затрат, чем на холме, ибо толща средневековых напластований здесь относительно небольшая.

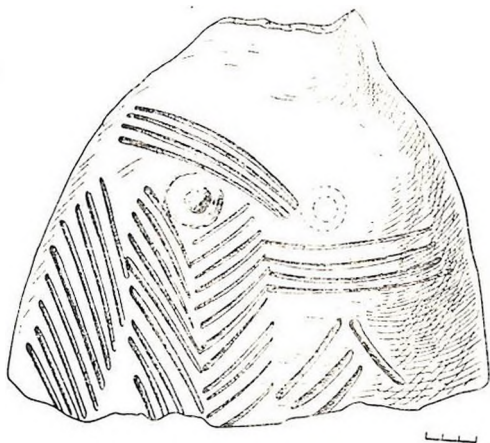

Рис. 57 Глиняный идол.

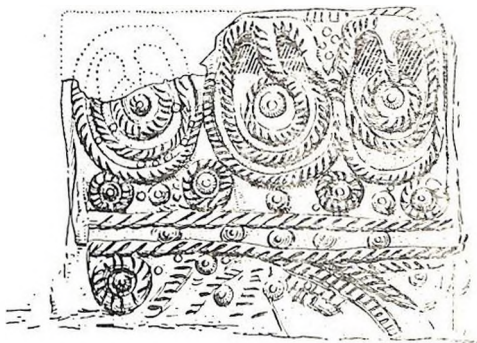

Рис. 58 Алтарная стела четвертого святилища.

* * *

В связи с «ранним» Двином привлекает к себе внимание еще одна категория находок. Это разрозненные металлические венцы и сосуды, обнаруженные при рытье каналов или перекопке огородов в близлежащих селениях, либо на соседних колхозных полях. Предметы найдены в разных местах и, по имеющимся сведениям, происходят из захоронений. Так,

в 1952 г. при сооружении Двинского оросительного канала, на участке Двин—Норашен были обнаружены два очень крупных массивных бронзовых наконечника копий с длинной разрезанной втулкой, имеющей в нижней части два штифтовых отверстия. Длина их 35 и 39 см. (рис. 59, 6—7; табл. XXVI, 3—4). Вместе с ними был найден бронзовый венчик и три пастовые подвески (колл. 1917/335—337).

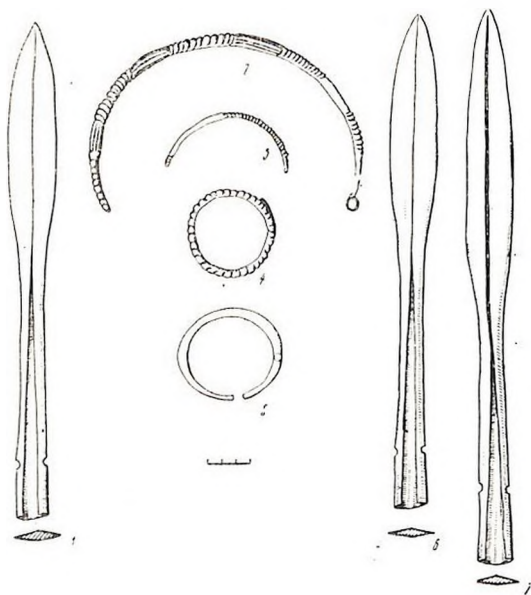

Рис. 59 Бронзовые предметы из могильников около Двина. 1, 6—7—наконечники копий; 2—шейное украшение; 3—5—браслеты.

Другая находка, 1969 года, происходит с «нижнего Двинского поля». Небольшая коллекция состоит в основном из украшений (колл. 2456/21—26). Это: 1) массивная бронзовая шейная гривна, украшенная перемежающимися участками продольного и поперечного рифления, с петельками на концах (рис. 59, 2); 2) обломок браслета с рифлепой поверхностью (рис. 59, 3); 3) браслет с рифленой поверхностью и заходящими друг за друга концами (рис. 59, 4) гладкий несомкнутый браслет (рис. 59, 5); 5) наконечник копья, напоминающий найденные в Двинском канале (рис. 59, 1; табл. XXVI, 5).

В числе случайных находок имеется и посуда. Самой ранней находкой (1938 г.) является серолощенный миниатюрный кувшинчик

Рис. 60 Миниатюрный кувшинчик из сел. Верхний Арташат.

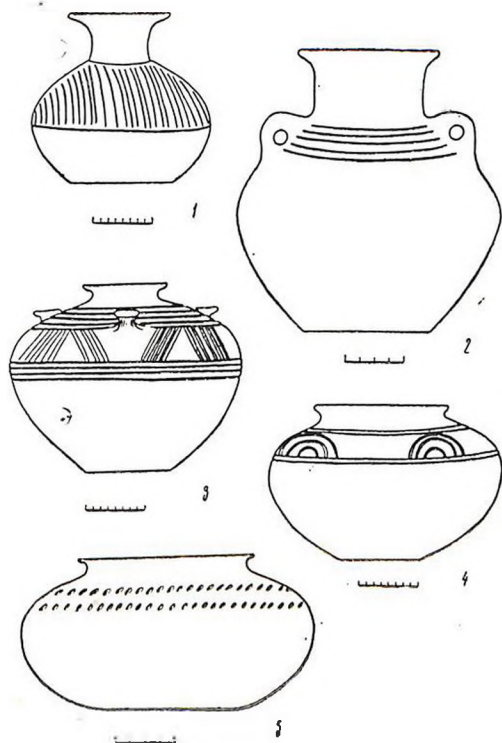

Рис. 61. Сосуды из могильников около Двина.

с косым рифлением (рис. 60) из соседнего сел. Верхний Арташат (инв. 1617/317).

Четыре сосуда происходят из дослідованной в 1955 г. Э. В. Ханзадян могилы между ближайшими селениями Хнаберт и Норашен (колл. 1918/51—54). Это: 1) небольшой чернолощенный приземистый кувшинчик с широким туловом, широким дном и высоким раструбным горлом; верхняя половина тулова украшена частыми косыми параллельными линиями. Высота 12,5 см; диаметр дна 6 см; диаметр венчика 7 см (рис. 61, 1; табл. XXIX, 1). 2) чернолощенный сосуд с округлым туловом, невысоким раструбным горлом и тремя ручками-упорами; верхняя часть украшена врезанными горизонтальными поясами и участками косых параллельных линий.

Высота—27,5 см, диаметр дна—11,5 см (рис. 61, 3; табл. XXIX, 2); 3) чернолощенный горшок с округлым туловом, широким горлом и небольшим венчиком; в верхней части между двумя горизонтальными поясами расположено пять фигур из вписанных друг в друга полудуг. Высота—20 см, диаметр венчика—18 см, диаметр дна—12 см (рис. 61, 4; табл. XXIX, 5). 4) грубоватый сероглиняный горшочек, украшенный двумя рядами семечковидного орнамента. Высота—10 см, диаметр венчика—12 см, диаметр дна—9,5 см (рис. 61, 5; табл. XXIX, 4).

Наконец, еще один небольшой сероглиняный сосуд с двумя ручками случайно найден в 1964 г. «на Двинском поле» (инв. 2305/88 (рис. 61, 2; табл. XXIX, 3).

ГЛАВА II

ДРЕВНИЕ СВАТИЛИЩА АРМЯНСКОГО НАГОРЬЯ И НЕКОТОРЫЕ ИХ АНАЛОГИ

Сам факт обнаружения на Кавказе древних комплексов религиозного назначения сейчас представляется более или менее обычным. Однако еще в 1949 г. Б. Б. Пиотровский в своей книге «Археология Закавказья» был вынужден написать: «К сожалению, среди известных нам древних памятников, дошедших до этого времени, не имеется совершенно остатков святилищ и культовых мест, так что весь материал, которым можно воспользоваться для реконструкции религиозных верований, ограничивается исключительно предметами, найденными в могиллах, и изображениями на них»¹.

Положение вещей сегодня резко изменилось. Открытие археологами за этот период в Передней Азии и на Кавказе серии древних поселений и органически связанных с ними мест отправления религиозных обрядов значительно расширили границы возможных исследований. Наибольший интерес в этом плане представляют разные в хронологическом отношении памятники Армянского нагорья, либо районов, тяготеющих к нему. Эти культовые комплексы, уже сейчас образующие своего рода хронологический ряд (в рамках первобытнообщинной эпохи), в конце которого размещаются, в частности, святилища Двина, проливают яркий свет на сложные моменты становления и развития религиозных представлений в земледельческо-скотоводческой среде на обширной территории. Обращение к наиболее интересным из них поэтому нам кажется целесообразным.

¹ Б. Б. Пиотровский. Археология Закавказья. М., 1949, с. 97.

В плане сказанного следует прежде всего вспомнить такой памятник, как Чатал-Гюк, с открытием которого вписана новая страница в древнюю историю всего Переднего Востока². Неожиданно оказалось, что в плодородной Конийской равнине уже в VII—VI тысячелетиях процветало огромное поселение (пл. 12 га) с населением в несколько тысяч человек — своеобразный «городской» центр, доминирующий над множеством мелких поселков. Было подсчитано, что количество домов в нем доходило до 900—1000. Здесь же, среди жилых помещений, находились святилища, которые конструктивно ничем не отличались от обычных глинобитных домов. Назначение святилищ читается лишь по необычному внутреннему убранству. Стены святилищ сплошь покрыты красочными росписями, отражающими сложные религиозные представления древнейшего населения Конии. Здесь зафиксированы культы, связанные с охотой, плодородием, почитанием предков. С большим реализмом переданы фигуры леопардов, оленей, собак, баранов с закрученными рогами, охотников. Все эти сцены вместе с различными символическими знаками хорошо сопоставляются с наокальными картинами в горах Армении. Особым почитанием пользовалось женское божество плодородия, семантически тесно связанное с представлениями о священном быке. В ряде святилищ рельефное изображение богини с поднятыми к небу руками сопровождается скульптурно оформленными головами быков с огромными рогами. Иногда эти головы или рога, чаще всего в священном числе три, груп-

² J. Mellaart. Catal-Huyük, London, 1967.

пируются отдельно в виде своеобразных алтарей.

В Армении времени Чатал-Гююка вплоть до III тыс. до н. э. соответствует большая группа наскальных изображений, фиксирующих религиозные представления местных племен на ранних этапах развития производящего хозяйства. Давая оценку этому древнейшему пласту армянских рисунков, А. А. Мартиросян и А. Р. Исраелян указывают на постепенную замену в них сюжетов, связанных с охотой и укрощением диких животных, сценами более мирного земледельческо-скотоводческого характера³. При этом они обращают внимание на близость мотивов некоторых чатал-гююкских росписей с наскальными рисунками, встречающимися в широком ареале Армянского междуречья, Анатолийского полуострова, Северной Месопотамии и Сиро-Палестины. Эти же авторы намечают первое хронологическое членение наскальных рисунков Армении⁴.

В целом же отбор конкретных «полотен» в отнесение их к определенным временным отрезкам является пока еще делом будущего и может быть произведено лишь в результате кропотливой и трудоемкой работы по установлению «стратиграфии» каждого из этих бесчисленных и бесценных памятников искусства.

Святынища Чатал-Гююка, несмотря на близость некоторых композиций с другими культовыми памятниками, и по времени, и по своему характеру остаются все еще уникальными. В Закавказье самые ранние святынища на поселениях как будто бы датируются лишь V тыс. до н. э. К ним относится крупная по тому времени как бы двухкомнатная постройка на поселении Имбрис-гора с круглым очагом, окаймленным бордюром в первой части и плоским подиумом в задней комнате, решенной в виде своеобразной апсиды⁵.

Очень важный материал в этом плане дали раскопки 1972 г. на одном из раннеземле-

дельческих поселений Грузии—Храмис Диди-гора⁶. Здесь, в очаге одной из глинобитных построек было заложено 17 женских статуэток хассунского типа с подчеркнутыми признаками пола. Фигурки эти, безусловно, несли идейную нагрузку и были скорее всего связаны с почитанием какого-то женского божества. Тогда очаг с заложенными в него идоличками скорее всего являлся центром какого-то культового сооружения, либо своеобразным культовым уголком круглого жилища.

Несколько святынь, связанных с высоко развитыми земледельческо-скотоводческими поселениями в Закавказье и Малой Азии, датируются III тысячелетием. Сенсационным в этом плане явилось открытие в 1971 г. мощной каменной платформы с 4-метровым алтарем-моноплитом на одном из центральных поселений группы холмов Араратской долины—Мохраблуре⁷. Масштабы и монументальность этого сооружения, местоположение его в центре крупного поселения, к которому тяготели более мелкие поселки, указывают на господствующую роль этого святилища среди сосуществовавших с ним в округе мелких святилищ и культовых уголков. По всей вероятности, это был главный алтарь—место совершения общеродовых религиозных обрядовых действий.

В связи с разработкой вопросов идеологии древнего населения Армении чрезвычайную актуальность приобретают новые материалы из поселения III тысячелетия Арпч, расположенного неподалеку от известного Артинского могильника. Поселение это занимало скальную террасу и представляло собой комплекс различных каменных построек. В одном из помещений был обнаружен большой грубый условно трактованный женский идол из розового туфа—самый ранний прототип хорошо известных идолов доурартского поселения Тейшебани (табл. 62, 1). Т. С. Хачатрян арчический идол связывает с культом богини плодородия⁸. В этом же помещении оказалась множество экземпляров антропоморфной

³ А. А. Мартиросян, А. Р. Исраелян. Наскальные изображения Гетамских гор. Археологические памятники Армении, 6. Ереван, 1971, предисловие; Г. О. Караханян, П. Г. Сафян. Наскальные изображения Сюника. Археологические памятники Армении, 4. Ереван, 1970.

⁴ См. также А. А. Мартиросян. Некоторые предварительные данные о датировке наскальных изображений Армении. ВОН, 1970, № 9 (на арм. яз.); его же. Луно-солнечный календарь первобытной Армении. ВОН, 1973, № 7 (на арм. яз.).

⁵ А. Н. Джавахишвили. Строительное дело и архитектура поселений Южного Кавказа V—III тыс. до н. э. Тбилиси, 1970, с. 60, табл. 9.

⁶ Л. Глonti, А. Джавахишвили, Т. Кигурадзе. Антропоморфные фигурки из Храмис Диди-гора. «Друзья памятников культуры», № 33, Тбилиси, с. 5 (на груз. яз.).

⁷ Г. Е. Арешян, К. К. Кафадарян. Открытие монументального культового сооружения начала III тыс. до н. э. АО, 1972, М., 1973, с. 443; их же. Рождение монументальной архитектуры в Армении (первая половина III тыс. до н. э.). Памятники культуры (Новые открытия). М., 1975.

⁸ Т. С. Хачатрян. Древняя культура Ширака. Ереван, 1975, с. 75.

и зооморфной пластики—фигурки людей, быков, коров, баранов, собаки; наконец, изображение повозки, запряженной быками. Эти находки явились частью ритуальной обстановки святилища, которая должна быть дополнена фрагментом алтаря в виде стилизованных рогов быка из розового туфа, покрытых различными символическими знаками (рис. 62, 2).

Святилище это скорее всего имело обще-

ным изображениям в скальных святилищах Армении⁹.

Близкий описанным выше характер имело святилище еще одного крупного поселения этого времени—Амранис—гора, неподалеку от Ахалциха, вынесенное за пределы жилого массива и занимавшее самую высокую точку на местности—вершину горы Амранис¹⁰. Внешнее его оформление было несколько иным, чем в Мохрабуре и Ариче, что указывает на проявление определенных локальных черт в религиозно-обрядовой стороне жизни различных племен Закавказья. Здесь была обнаружена сложная система жертвенных площадок, огороженных каменными стенами. Глинобитные полы их оказались обожженными. Специально пробитый в скале коридор был подведен непосредственно к этому комплексу. На культовое значение всех этих устройств указывали очаги необычной формы и особая керамика с повторяющимися мотивами божественных символов—жертвенников, птиц и лунного диска.

Наряду с преднамеренно выделенным культовым местом какие-то обряды на Амранис-горе проводились в хозяйственных помещениях, в частности в безочажных «длинных домах», где содержался скот и под полами которых были устроены ритуальные захоронения младенцев.

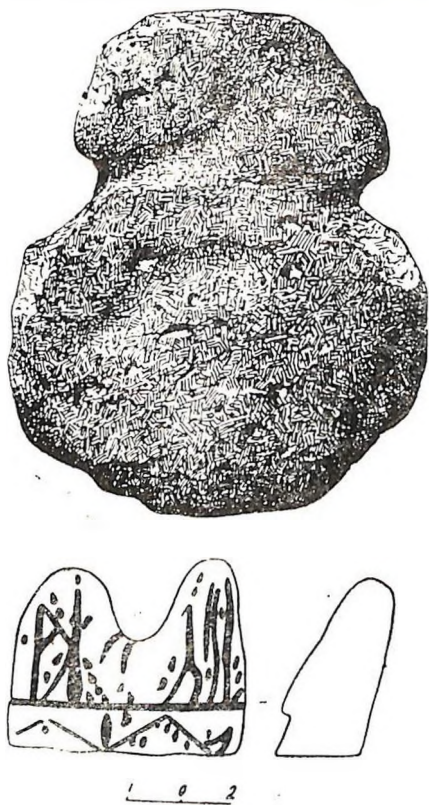

Рис. 62 Ариче (1—2), Ховле-гора (3) 1—женский идол; 2—роговидный алтарь; 3—алтарь (реконструкция)

родовой характер. Вместе с тем находки аналогичных статуэток (всего в Ариче обнаружено около 150 экземпляров) и глиняных очагов в виде стилизованных баранов в других помещениях являются показателем того, что обряды на поселении происходили повсеместно.

Общеродовым было, по-видимому, святилище и на Армавирском холме; следы его читаются по рисункам на камнях, аналогич-

Наконец, на моления в жилых домах этого поселения указывают группирующиеся около центральных очагов культовые предметы в виде фигурок бычков, моделей очагов и антропоморфных подставок, назначение кото-

⁹ А. А. Мартirosian. Архитектура. Ереван, 1971, с. 13.

¹⁰ Т. Н. Чубинишвили. К древней истории Южного Кавказа. Тбилиси, 1971, с. 72.

рых, согласно толкованию Т. Н. Чубинишвили, сводилось к оплодотворению очага и умножению благополучия дома¹¹.

Особую группу составляют святилища Шнда Картли, где они обнаружены пока на двух поселениях—Квацхелеби и Гудабердка. Первое из них—небольшой родовой поселок, состоящий из 30 домов¹². Численность населения по приблизительным подсчетам, учитывающим соответствующие нормы Шумера¹³, должна была здесь составлять минимум 150—180 человек, а по подсчетам А. И. Джавахишвили и Л. И. Глонти—доходила до 300—400 человек¹⁴. Поселение отпрепарировано полностью, что позволяет уловить определенные закономерности в топографии инвентаря. Оно погибло от пожара, возникшего во время совершения каких-то культовых церемоний. Материальные следы последних в виде антропоморфных подставок, курильниц, сосудов для возлияний с изображениями священных животных и птиц, фаллосов и фигурок мужских божеств находились во многих жилых домах, как правило, около центральных очагов и столбов, поддерживающих кровлю.

В одном из таких домов, расположенном на самой высокой части поселения, внутреннее убранство оказалось непохожим на остальные. Это было святилище, также погибшее от пожара в момент происходивших в нем молений. Наскоро брошенные предметы имели специальное назначение. На глинобитной скамье у задней стенки святилища оказались круглые зольные кучки, обмазанные тонким слоем окрашенной в коричневый цвет глины,—очевидно, священный пепел. Около них лежали переносные очажки, ритуальные сосуды, скульптурка человека, серпы, песты, зернопотерки. Лежавший около очага скелет животного с впившейся в тазовую кость стрелой указывал на то, что оно было убито для ритуального поедания. Это было единственное на поселении святилище, где небольшая община совершала свои религиозные церемонии. Остальные моления происходили прямо в домах.

Неподалеку от Квацхелеби, в «районном центре» Гудабердка, обряды проходили в по-

мещении с красочно расписанными стенами, где на специальном настиле из колосов хлебных злаков оказался разбросанным ритуальный «инвентарь» в виде расписанных бычьих черепов, стагуэток людей и животных, культовых штампов и др.¹⁵ Остатки еще одного святилища с каменной алтарной стеной были обнаружены на поселении Баба-Дервини¹⁶.

Наконец, культовые церемонии в этот период продолжают совершаться и под открытым небом, перед «картинами» на скалах в горах Гегама, Сюника и Вардениса. Сюда на смену охотникам теперь приходят со своими стадами скотоводы. Среди наскальных изображений хорошо «отделяется» группа рисунков, иконографически близких рисункам на керамике и бронзе III тысячелетия. Здесь четко повторяется та же символика в виде водных птиц, козлов, оленей и хищников в сочетании с небесными знаками в виде кружочков, свастических фигур, спиралей и т. д.¹⁷

Интересно подметить, что внешнее оформление святилищ оказывается тесно связанным с формой домостроительства того или иного района. На Амранис-гора и в Арче, скажем, это были прямоугольные каменные помещения, на Квацхелеби и Гудабердка—глинобитные или каркасные постройки. Напомним, что на обычные жилые дома внешне походили также и святилища Чатал-Гююка. Различия же в оформлении интерьеров святилищ у различных племен рассматриваемого ареала как будто указывают на существование некоторых нюансов и локальных особенностей в религиозных процедурах, связанных с отправлением культов.

Таким образом, для III тысячелетия раскопки фиксируют наличие сложной и организационно разветвленной системы культовых церемоний в различных уголках широкого культурного мира. Люди молились в специально построенных святилищах, перед скалами, испещренными религиозными сюжетами, в собственных домах, у очагов; наконец, путники молились в пути перед миниатюрными очагами, точь-в-точь копирующими очаги их родного дома¹⁸.

¹⁵ К. Х. Кушарова, Т. Н. Чубинишвили, указ. соч., с. 175.

¹⁶ Г. С. Немаилов. Из истории древней культуры западного Азербайджана. Автореферат, Тбилиси, 1963, с. 8.

¹⁷ А. А. Мартirosian, А. Р. Перселян, указ. соч., с. 49.

¹⁸ Н. П. Хлопин. Модель крупного жертвенника из Ялангач-Дене, КСИА, вып. 98, 1964, с. 47.

¹¹ Там же, с. 68.

¹² А. И. Джавахишвили, Л. И. Глонти. Урбисси I. Тбилиси, 1962 (на груз. яз.).

¹³ К. Х. Кушарова, Т. Н. Чубинишвили. Древняя история Южного Кавказа, М., 1970, с. 177.

¹⁴ А. И. Джавахишвили, Л. И. Глонти. Урбисси I, с. 53.

В целом же вся система верований древних земледельцев и скотоводов Кавказа, как и на всем Переднем Востоке, была пронизана всеобщей идеей плодородия, включающей такие понятия, как оплодотворение Матери-земли и скота, расцветание живой природы, возобновление благополучия, продолжение человеческого рода¹⁹.

Объем накопленной за последние десятилетия информации по древним верованиям земледельцев и скотоводов Кавказа неизбежно наталкивает на попытки их интерпретации. Конкретизация различных элементов этого сложного идеологического комплекса не может быть осуществлена без глубокого знания этнографического и фольклорного материала, одними средствами археологии. Такая попытка, правда, для поры поздней бронзы, была в свое время предпринята Н. Я. Марром и Я. Н. Смирновым²⁰, а вслед за ними Б. Б. Пиотровским²¹ и М. Х. Абегианом²². В более глубокие пласты идеологии стараются проникнуть грузинские археологи, пытаясь восстановить некоторые реальные персонажи древнего пантеона жителей поселения Квачхелеби. Здесь набор культовых предметов в домах и в святилище, связанных с мужским началом (антропоморфные очажные подставки, мужские фигурки, фаллические идолы), документирует совершение обрядов (в том числе и жертвоприношений) в честь какого-то мужского божества. В этой связи особое значение приобретает один из местных топонимов, где расположено селение Квачхелеби—Твения Кохи (хижина Твения). Это наименование как будто бы тесно увязывается с именем древнего малоазийского божества плодородия Телениуса, сохранившегося в сванских обрядовых песнопениях и действиях вплоть до XIX в. По мнению исследователей, эти обряды являлись пережитками общекартвельского язычества и совершались весной, в праздник возрождения и обновления природы²³.

Паряду с мужским божеством поклонялись и женскому, среди атрибутов которого,

на Квачхелеби, в частности, бросается в глаза бронзовая днадема с изображением священной сцены с участием оленей, аистов и астральных символов. С такими символами была связана покровительница животного царства Дали, образ которой зачателен в древних грузинских народных верованиях.

Появившаяся в последние годы серия работ интерпретационного порядка направлена на толкование часто повторяющихся на древних памятниках Кавказа условных сюжетов и изображений²⁴. В Армении это направление возглавил А. А. Мартиросян²⁵, который пытается проникнуть в значение и сущность наиболее ранних композиций и символов. Отталкиваясь от семантики древнейших наскальных петроглифов Армении и привлекая в качестве сравнительного материала группу урартских неоглифических обозначений, а затем неоглифические знаки, помещенные вместе с короткими объяснениями в армянские средневековые манускрипты, автор приходит к выводу, что «в композиционно-сюжетных изображениях петроглифов Армении уже в III тысячелетии появляются символические знаки, пиктограммы, неоглифы и идеограммы, которыми обозначались различные понятия: простые предметы, антропоморфные небесные духи, небесные тела, созвездия»²⁶. При расшифровке этих понятий, графически закрепленных на каменных стенах святилищ и ритуальной посуде, автор использует материалы древневосточных мифов, армянского народного эпоса и бытового фольклора.

Почти полное отсутствие исследованных на Южном Кавказе поселений II тыс. до н. э., на которые должны были переместиться и места совершения обрядов, в определенной мере

¹⁹ К. Х. Кушитарса, Т. Н. Чубинишвили, указ. соч., раздел «Культы, обряды, верования»; А. А. Мартиросян, А. Р. Исраелян, указ. соч.

²⁰ Н. Я. Марр, Я. Н. Смирнов. Визшавы. Л., 1931.

²¹ Б. Б. Пиотровский. Визшавы. Л., 1939; его же. Археология Закавказья. Л., 1949, с. 87.

²² М. Х. Абегиан. Стелы, называемые «вишшавам», — статуи богини Астхик-Деркетю. Ереван, 1941 (на арм. яз.).

²³ А. Н. Джавахишвили, Л. Н. Глonti, указ. соч.; Л. Н. Глonti. Поселение куро-аракской культуры. Автореферат. Тбилиси, 1970, с. 21—22.

²⁴ А. Р. Исраелян. Небесные тела и светила в искусстве бронзового века. ВОН, 1968, № 5, с. 86. (на арм. яз.); его же. Следы культа солнца в Армении бронзового века. ВОН, 1967, № 4, с. 77 (на арм. яз.); его же. Культы и верования в Армении в эпоху бронзы. Ереван, 1973 (на арм. яз.); Н. Е. Урушадзе. К семантике прикладного искусства древнего Кавказа и Закавказья. СА, 1973, № 1; его же. Значение и место бронзового пояса из Самтавро как памятника древнедекоративного искусства. СА, 1970, № 1; его же. Опыт семантического анализа бронзового пояса из Михета-Самтавро. СА, 1971, № 6.

²⁵ А. А. Мартиросян. Первобытные неоглифы Армении и их урарто-армянские двойники. Ереван, 1973 (на арм. яз.); его же. Луно-солнечный календарь...

²⁶ А. А. Мартиросян. Древние неоглифы Армении и их урарто-армянские двойники. Сб. «Кавказ и Восточная Европа в древности». М., 1973, с. 39.

восполняется находками анатолийских святилищ. Последние своими конструктивными особенностями перекликаются с традиционным оформлением более ранних южнокавказских культовых мест, еще раз подтверждая тем самым единую линию историко-культурного развития древнего населения этой большой территории.

Здесь, на поселениях, в небольших домашних святилищах (domestic shrines) были поставлены алтари в виде вертикальных плит, в значительной мере напоминающие алтари Мохраблур и Баба-Дервиша. Такие алтари, установленные на каменных постаментах и окруженные культовыми атрибутами, находились, в частности, в специальных помещениях на поселении Кюль-тепе (слой I-B) и в Каракуюке²⁷. Но особенно перекликается с мохраблурским монолитом алтарь из Бейчесултана (слой V), состоящий из трех вплотную поставленных друг к другу огромных вертикальных каменных стел, высота которых достигала 3,5 м.

Несколько позднее, иногда на тех же памятниках, существовала и другая форма алтарей, выполненных в глин и представлявших собой полукруглые рогообразные конструкции с расширяющимися и затем плоско срезанными окончаниями (horns). Эти алтари, установленные в святилищах на тех же Кюльтепе, Бейчесултане, а также в Кусуре²⁸, должны рассматриваться как реминисценции существовавших на тысячелетие раньше подковообразных антропоморфных либо зооморфных подставок, обычно находимых на поселениях «куро-аракской» и «кирбет-керакской» культуры²⁹.

Концом II-началом I тыс. до н. э. датируется серия открытых за последние годы святилищ Закавказья. Это—Мецамор и Двин в Армении, Катналикхви, Ховле, Напаргора,

Мели-Геле I—II в Грузии, Сары-тепе, Баба-Дервиш в Азербайджане.

Монографически исследованный Мецаморский комплекс, расположенный так же, как и Двин, в Араратской равнине, представляет особый интерес своими сложными и неповторимыми культовыми ансамблями³⁰. Характерным его особенностям являются, во-первых, наличие разветвленной системы различных сооружений, связанных не только с отправлением культов, но и с астрономическими наблюдениями, во-вторых, особое расположение всего комплекса по отношению к поселению. Для этой цели древними строителями был выбран скалистый холм, именуемый в настоящее время Мечнабертом.

Святилища раскинулись на северо-восточном склоне холма и спускались уступами к его подножью. Это были четырехугольные постройки площадью около 40 кв. м, причем ступени, ведущие в святилища и ритуальные ниши, оказались высеченными в скалистом основании. Интерьер святилищ оформлен различными глиняными сооружениями, среди которых центральное место, как и в Двине, занимали вертикально стоящие стелы-алтари. В алтарях первого святилища Э. В. Ханзаян справедливо видит изображения антропоморфных божеств с поднятыми к небу руками. Перед алтарями находились круглые очаги для возжигания огня, по бокам—отгороженные жертвенные площадки, приспособленные для омовений и стока крови убитых животных, очаги для выпечки ритуальных хлебцев, глиняные статуи божеств, ритуальные сосуды с зерном. Спецификой всех сооружений является оформление их верхних частей чащеобразными углублениями, связанными, как полагает автор, с обрядом вызывания дождя. Интересны и другие находки в святилищах—штампы для орнаментации ритуальных хлебцев, семиротный «кernos», стилизованные бычьи головки из глины, сосуды с изображением змей, зерен злаков, воды и др. Все эти детали указывают на сложную обрядовую сторону проходивших в мецаморских святилищах молений, которые, судя по целому ряду признаков, были скорее всего связаны с отправлявшимся здесь культом плодородия.

Святилище Катналикхви располагалось в центральной части Закавказья и занимало

²⁷ W. Lamb, Some early Anatolian shrines. AS, VI 1956. S. Lloyd, J. Mellaart, Beycesultan excavations AS, 1956, pl. X b.

²⁸ W. Lamb. op. cit., pl. V. a. b. c.

²⁹ См., например, Э. В. Ханзаян, Культура Армянского нагорья в III тыс. до н. э., Ереван, 1967 табл. VII (на арм. яз.); Б. А. Куфтин, Урартский колумбарий у подножья Арарата и куро-аракский энеолит. ВМГ XIII—Б, Тбилиси, 1943, рис. 74; О. А. Абибуллаев, Археологические раскопки в Кюльтепе. Баку, 1959, табл. 31 (на азерб. яз.); Т. Н. Чубинишвили, К древней истории Южного Кавказа. Тбилиси, 1971, табл. XXII—XXIII; R. Braidwood, L. Braidwood, Excavations in the Plain of Antioch, Chicago. 1960 fig. 290—291 S. Hood, Excavations at Tabara el Akrad, AS, V. I, 1951. pl. XI, fig. 9.

³⁰ Э. В. Ханзаян, К. А. Мкртчян, Э. С. Парсаян. Мецамор. Ереван, 1973 (на арм. яз.); Э. В. Ханзаян. Культовые памятники Мецамора. ВОН, 1972, № 9, с. 52—65 (на арм. яз.).

гребень одного из холмов левобережья Курта³¹. Своей изолированностью и доминирующим положением на местности оно несколько напоминало только что описанный Мецаморский комплекс. Это была постройка, состоявшая из четырех смежных помещений общей площадью около 70 кв. м. С восточной стороны постройки были открыты, с западной к ним примыкал просторный двор.

В главном помещении находилось глиняное изображение богини плодородия, которой, как полагает Д. А. Хахутайшвили, был посвящен весь этот храмовый комплекс. Автор трактует образ этого божества как близкий образу Великой Матери-богини Нана, занесенному грузинским народным фольклором. Последняя выступает в качестве богини плодородия, связанной с растительным покровом земли и влагой, она же—богиня пробуждающейся природы и любви, связанная с деревом жизни.

Комплекс вещественных символов, обнаруженных в первом святилище (фигурки бычков и барана, модель колеса, ступки, камни от молотильной доски, каменные фаллосы, печать со свастики, изображение собаки на глиняном полу), свидетельствует о сложных церемониях, происходивших в главном помещении храма.

Второе помещение было связано с первым и всеми найденными здесь предметами (многочленные ямки с золой, глиняные «окошечки», камни молотильной доски, вкладыши сериов, костяная модель свирели, миниатюрные кувшинчики, зерновые ямы) указывало на отправление здесь того же аграрного культа.

Характерными признаками третьего помещения были глиняный креслоподобный жертвенник, украшенный скульптурными головами бычков, и своеобразной конструкции печь для выпечки священных хлебцев и приготовления ритуального угощения. Здесь, как предполагают, церемонии были обращены к божеству в образе быка (бугая-производителя), также олицетворявшего идею плодородия.

Наконец, в четвертом помещении обнаружен жертвенник круглой формы, украшенный глиняной бычьей головой. Перед ним—низенький столик и яма с золой; глиняный пол был сплошь покрыт врезными силуэтами домашних и диких животных (бык, корова, собака, коза, горная коза, олень, заяц), забитых золой, перемешанной с измельченными обгорелыми костями. Судя по изображению быка, а также серию паходок (камни молотильной

доски, песты, зернотерки, вкладыши сериов, печать со свастикой, сосуд с косточками винограда) здесь почитался бык-земледелец.

Идейное раскрытие столь сложного культового комплекса оказалось в какой-то мере возможным лишь благодаря сопоставлению с материалами грузинского фольклора, а также бытовавших еще до недавнего времени в среде восточногрузинских горцев архаичных языческих святилищ определенного типа, крайне схожих со святилищем Катналихеви.

Другой тип недавно еще существовавших в горной Грузии святилищ хорошо сопоставляется с раскопанными в последние годы на территории Кахетии культовыми площадками Мели-геле I и II и Мелаани³². Самое раннее из них—Мели-геле I—уже функционировало в середине II тыс. до н. э. Через несколько столетий на том же месте возникло Мели-геле II. Таким образом, при учете этнографических данных можно как будто бы говорить о преемственности и глубоких многовековых традициях культовых сооружений на этой территории.

Характерными особенностями всех трех вышеупомянутых святилищ являлись их изолированность и удаленность от мест поселений, а также специфика самих культовых сооружений. Это были огромные открытые круглые площадки, опоясанные либо широким рвом (Мели-геле I), либо несколькими рядами каменных оград (Мели-геле II). В центре, очевидно, находились алтари и божественные символы, перед которыми совершались жертвоприношения и клались священные дары. Масштабы самих площадок, а также количество приносимых в жертву богам предметов были поистине огромны. Достаточно сказать, что диаметр святилища Мели-геле II достигал 90 м, на площадке святилища Мели-геле I было найдено 86 000 различных пожертвованных предметов, а в Мелаани—около 1000 одних только сосудов. Кстати, на существование в эпоху бронзы на Кавказе круглых святилищ, помимо грузинских находок, указывают уникальные модели храмов из крепости Кайцунберд в Лори³³, Нор-Баязета и селения Гамд-

³¹ Д. А. Хахутайшвили. Уплисхихе I. Тбилиси, 1964, с. 16 (на груз. яз.).

³² К. Н. Пицхелаури. Основные проблемы истории племен восточной Грузии. Автореферат, Тбилиси, 1972, с. 66; его же. Основные проблемы истории племен восточной Грузии. Тбилиси, 1973, табл. XXIII—XLVI (на груз. яз.).

³³ С. А. Есаян. Бронзовые модели культовых площадок древней Армении. СА, 1971, № 1, с. 205.

лисецкаро³⁴. На близость культовых сооружений в широком ареале и в этот сравнительно поздний период указывает очень сходная модель круглого храма с о. Кипр³⁵.

Древнегрузинские святилища, судя по характеру находок, были посвящены различным божествам. Так, в Мели-геле I, по мнению К. Н. Пидхелатури, поклонялись богине Великой Матери, тесно связанной с земледелием, охотой и скотоводством. Этот последний аспект особенно хорошо прослеживается по следам почитания здесь священной овцы (глиняные фигурки овцы, женская статуэтка с овечьей маской, раздробленные кости овцы, заполнявшие зооморфные изображения полов, овечьи астрагалы), культ которой в этих районах доживает до современной этнографической действительности.

Святилище Мелаани бросается в глаза необычным составом инвентаря, среди которого преобладает боевое оружие. Достаточно сказать, что оно было найдено в количестве 234 экземпляров; помимо этого здесь были части конского убранства, фигурки вооруженных мужчин и пр. Выказана точка зрения, что это святилище было посвящено богу войны, занимавшему, подобно урартскому Халди, почетное место в пантеоне протонберийских племен.

Еще один культовый комплекс раскрыт недавно в районе р. Акстафа, на холме Сарытепе, в Азербайджане³⁶. Здесь помещенное святилище, в отличие от описанных, располагалось в центре поселения, также на высокой части холма, и спускалось уступами по склону. Вдоль глинобитных стен, украшенных лепными узорами, находились сходные с Мецамором огороженные дисковидные «гнезда», предназначавшиеся для установки ритуальных сосудов со священным вином и различными угощениями. Алтарем, очевидно, служила двухголовая фигура животного с головами кабана и барана, олицетворявших почитавшихся в этом святилище богов. Обращает на себя внимание обилие получивших различную трактовку штампов, связанных, вернее всего, с поклонением божеству—солнцу, изображе-

ние которого наносилось на ритуальные хлебцы³⁷.

Такое же центральное расположение имели святилища Ховле-гора и Нацар-гора в Шинда Картли. В первом из них, судя по зооморфным алтарям, почитались божества в образе животных, в частности барана (рис. 62, 2). Во втором алтаре напоминали плоские антропоморфные стелы Мецамора с чашеобразными углублениями, как бы обращенными к небу³⁸.

Таким образом, в начале I тыс. до н. э. на южном Кавказе наблюдается все та же тенденция сооружения общественных культовых центров, которую мы проследили по памятникам III тысячелетия (Квацхелеби, Арчи, Амнрапис-гора, Гудаберджа). Однако теперь на смену скромным родовым святилищам приходят сложные и масштабные ансамбли, обслуживавшие, очевидно, более крупные социальные подразделения.

Общественными святилищами в эту пору продолжали оставаться также места скопления пещерных изображений. Они служили средоточием ритуальных церемоний в летнее время и предназначались для той части общинников, которая сопровождала свои стада на кочевья в горы. Эти культовые заповедники, состоявшие из огромного числа территориальных групп, открыты сейчас в разных частях Кавказа—в Гегамских горах, в Варденисе, Сюнике, в районе Нахичевана, в Кобыстане и во многих пунктах Дагестана. Большинство из них, вероятно, должно быть отнесено ко второй половине II-началу I тыс. до н. э.³⁹.

Наряду с общественными святилищами в этот период прочно сохраняется традиция устройства культовых уголков в жилых помещениях. Одним из ярких примеров этого может служить доурартское поселение Тейше-

³⁷ Н. Г. Нариманов. Глиняные штампы из Западного Азербайджана. МКА, VII, Баку, 1973 (на азерб. яз.); В. Алиев. Археологические раскопки в урочище Бабадервиш. СА, 1971, № 2, с. 226.

³⁸ Г. Ф. Гобеджишвили. Холм Нацар-гора, Мимолхилвели II Тбилиси, 1951, с. 275 (на груз. яз.).

³⁹ См. А. А. Мартиросян, А. Р. Исраели, указ. соч.; Г. О. Караханян, П. Д. Сафян, указ. соч.; А. А. Формозов. Очерки по первобытному искусству. М., 1969 с. 24; Н. М. Джафаридзе. Пещерные изображения Кобыстана. Баку, 1974; В. М. Котова. Истоки и перспективы изучения древних пещерных изображений Дагестана. Материалы сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований в Дагестане в 1971—1972 гг. Махачкала, 1973, с. 13; ее же. Древнейшие писанные горного Дагестана (в печати).

³⁴ Д. Л. Коридзе. Позаботимся о защите случайно обнаруженных археологических памятниках. «Друзья памятников культуры». Тбилиси, 1969, № 15, с. 82 (на груз. яз.).

³⁵ P. Dikatos. Les cults préhistoriques dans l'île de Chypre. Paris, 1932, pl. 70—71.

³⁶ Н. Г. Нариманов. Древнее святилище (пир) в Казахском районе позднебронзового периода. ДАН Аз. ССР, т. XVI, 1960, с. 207 (на азерб. яз.).

бани, в центральной комнате каждого дома которого, у очага, неизменно повторялся один и тот же набор ритуального убранства—каменный идол в позе адоранта, а перед ним сосуд с зерном либо зерновая яма.⁴⁰ Здесь же обычно была и глиняная скамья, на которой сидели члены собравшейся для молитвы семьи. Такие культовые уголки в последнее время открыты, также в многочисленных полужемлянках поселения Дигом, около Тбилиси (рубеж II—I тыс. до н. э.)⁴¹, а для несколько более раннего времени—в каменных жилищах дагестанского высокогорного Гуннба⁴².

Весьма показательно, что и в более позднее время, уже в условиях крупных урартских городов, традиция устройства культовых уголков устойчиво сохраняется. Это было особенно наглядно прослежено в результате сплошной расчистки десятков домов в городе Аргинтихинили. В каждом из них были выявлены культовые места с небольшим идолом и ритуальными сосудами, причем они устраивались, как и в доурартском поселении Тейшебани, в центральной комнате с очагом—месте средоточия всей семьи во время общих для нее мероприятий⁴³. Такие семейные моления, происходившие, по-видимому, ежедневно, в дни всеобщих праздников переносились в специальные святилища или храмы, которые были сконцентрированы в определенном участке города. Как повествует надпись Сардур II, в Аргинтихинили был построен целый комплекс из 7—10 храмов, образующих своеобразный священный городок⁴⁴. Такой же религиозный центр, судя по другой надписи, на-

ходился в городе Тейшебани. Подобная концентрация многочисленных культовых памятников и выделение их в специальные священные городки были характерны для большинства крупных ассирийских, вавилонских и хеттских городов. Надписи же повествуют о том, какие пышные обряды с жертвоприношениями совершались в этих крупных религиозных центрах⁴⁵.

Возвращаясь к доурартскому Закавказью, следует вспомнить еще одну категорию культовых памятников, которые встречаются при раскопках могильников. Было обнаружено, в частности, что на могильниках так же, как и в святилищах, устанавливались вертикальные алтарные стелы, перед которыми происходили церемонии, связанные с погребальным культом. Здесь же совершались жертвоприношения. На могильном поле близ сел. Шамирам в Армении стояли сотни высоких хорошо обработанных менгиров; их окружали кромлехи из камней, на которых были выбиты изображения, близкие паскальным рисункам⁴⁶. Это был, по-видимому, своеобразный храм заупокойного культа. Возможно, таким же храмом являлся центральный комплекс с менгирами и кромлехом знаменитого Гошудаши в Сисиане.

Менгиры были установлены также на известном Ходжалинском могильнике в Нагорном Карабахе и в соседнем селении Норагюх⁴⁷. Два из них, около кургана Хача-тепе, представляют собой грандиозные обелиски⁴⁸, напоминающие монолит Мохраблур, а также конструктивно близкие ему алтари из упомянутого выше святилища Бейчесултана.

⁴⁰ А. А. Мартirosян. Город Тейшебани. Ереван, 1961, с. 69.

⁴¹ Р. М. Абрамишвили, А. В. Бохочадзе, А. Д. Квишинадзе, Г. Я. Мирцхулава, В. В. Николашвили, А. Т. Рамисшвили. Археологические раскопки в Дигомском ущелье. Тезисы докладов, посвященных итогам полных археологических исследований в СССР в 1970 г. Тбилиси, 1971, с. 67.

⁴² В. М. Котович. Верхнегубинское поселение. Малаккала, 1965, с. 160.

⁴³ А. А. Мартirosян. Аргинтихинили, с. 107, 112.

⁴⁴ Там же, с. 27, 46, 88.

⁴⁵ Б. Б. Пиотровский. Вавилонское царство. М., 1959, с. 220.

⁴⁶ Эти данные мне сообщил А. А. Мартirosян, за что приношу ему благодарность.

⁴⁷ К. Х. Кушнарера. Археологические работы в 1954 г. в окрестностях сел. Ходжалы. МНА, № 67, рис. 7.

⁴⁸ И. И. Меццианов. Краткие сведения о поездке археологической экспедиции в Нагорный Карабах и Нахичеванский край. Сообщения ГАНМК, вып. I, Л., 1926, рис. 5.

КУЛЬТЫ ДРЕВНЕГО ДВИНА И ИХ ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

Обращение к культовым памятникам рассмотренного ареала открывает перспективу изучения отпавлявшихся в двинских святилищах культов и совершавшихся там обрядов не изолированно, самих по себе, а в увязке с религиозными представлениями и традициями, издавна сложившимися у племен Армянского нагорья и их ближайших соседей. Как показывают факты, эти древнейшие представления и традиции с их многовековой историей органично влились в религию жившего на Армянском нагорье населения в период разложения здесь первобытной общины и перехода к раннеклассовому обществу (именно к этому времени относится раскрытый в Двине комплекс). Они оказываются чрезвычайно устойчивыми и впоследствии, доживая, обычно в преломленном виде, у большинства народов Кавказа, вплоть до современной этнографической действительности. При этом важно и другое — дохристианские религиозные верования в определенной, достаточно замкнутой этнической среде (например, у восточногрузинских горцев, армян Карабаха и др.)¹, существовали еще до недавнего времени не только как пережитки, но и как подлинная религия крестьянской массы, имевшая лишь внешний налет христианизации.

Поэтому широкое привлечение этнографического материала к интерпретации древних памятников религиозного значения, подобно открытым в Двине, нам представляется

вполне закономерным. Однако при отборе этого материала с целью попытки восстановления некоторых древних религиозных обрядов мы старались привлечь в первую очередь те сохранившиеся в народе реликтовые обрядовые действия, во время которых используются сокровенные атрибуты, адекватные или близкие атрибутам, представленным в изучаемых древних культовых памятниках.

Напомним, что конструктивно святилища Двина представляли собой просторные солидные постройки с высокими сырцовыми стенами, покоящимися на каменных фундаментах. Плоские крыши этих помещений, поддерживаемые деревянными колоннами, состояли из толстых плах, перекрытых тростниковым настилом. Стены и пол были обмазаны глиной, в стенах были сделаны глубокие ниши, куда помещалась ритуальная утварь.

Центрами всех четырех двинских святилищ служили алтарные комплексы с глиняными стенами, внешнее оформление которых несколько варьировало. В первом из них, например, алтарная стела была приподнята с помощью невысокого глинобитного возвышения — жертвенной площадки, на которой толстый слой слежавшейся золы указывал на длительное возжигание огня; здесь же находилось несколько ритуальных сосудов.

Перед алтарной стелой второго святилища оказалась полукруглая каменная ограда — жертвенник, также забитая золой и исплом; внутри были обнаружены ритуальные сосуды. Такая же полукруглая ограда была найдена в шурфе центрального квартала. По-видимому, жертвенники подобной формы перед алтарями являлись для Двина традиционными. Эта конструкция перекликается с глиня-

¹ В. В. Бардавелидзе. Древнейшие религиозные верования и обрядовое графическое искусство грузинских племен, Тбилиси, 1957; И. П. Петрушевский. О дохристианских верованиях крестьян Нагорного Карабаха, ИАЭГНИИ, т. I, Баку, 1930.

ными культовыми очагами-жертвенниками в синхронных Двину святилищах Мецамора.

Алтарное устройство третьего святилища было разрушено во время пожара, уничтожившего все постройки на Двинском холме; от него дошла только часть стелы, впоследствии удачно восстановленной в музейных условиях.

Наконец, перед алтарной стелой четвертого святилища в пределах городского квартала было зафиксировано скопление золы и угля, среди которых оказались большой карас с обгоревшим зерном ячменя и пшеницы, женский глиняный идол и ритуальный сосуд необычной формы. Иными словами, раскопки показали, что во всех четырех святилищах горел неугасимый огонь, культ которого прослеживается по многим древним памятникам Закавказья².

Как было упомянуто, вертикально стоящие алтари, перед которыми устраивались религиозные церемонии, в кавказско-анатолийско-средиземноморском мире появились еще в III тыс. Наномним упоминавшиеся уже алтари Мохраблур и Баба-Дервиша. Великолепная кипрская модель вертикального алтаря, увенчанного тремя бычьими головами, с идолом и ритуальным сосудом у подножия датируется именно этим временем³.

К разным периодам II тыс. до н. э. должны быть отнесены анатолийские алтари из Кюль-тепе, Каракуюка и Бейчесултана⁴. К началу I тыс. до н. э. традиция эта все еще сохранялась и материализовалась, в частности в Закавказье, в алтарях Двина, Мецамора, Ховле и Нацаргора. Все они, за исключением Мецамора, украшены изображениями рогатых животных. В Двине это головы быков и баранов, в Ховле — только баранов⁵, в Нацаргора — бычьими рогами⁶. По аналогии с Двином реконструируется алтарь Поплоз-Гашской крепости⁷; здесь, рядом с культовым очагом, по-видимому, стояла крупная глиняная стела с рельеф-

ными головами быка и медведя. Исключение составляют алтари Мецамора, имеющие антропоморфный характер и напоминающие своими очертаниями грубые каменные идолы из упоминавшегося доурартского поселения Тейсбеяни.

Изображения на алтарных стелах Двина являлись олицетворением древних божеств или их символов, которым поклонялись молившиеся в святилищах люди. На первый взгляд, все четыре двинские «иконы» кажутся очень близкими. При более пристальном взгляде становится очевидным, что композиции состоят примерно из одного и того же набора символов, представленных лишь в разных сочетаниях и расположениях. В отличие от живых, нередко реалистичных, полных динамики сцен и стремительно разворачивающихся сюжетных локальных картин в горах Армении, рассчитанных на проходящие сезонные группы скотоводов и охотников, пришедших на летние месяцы из долины в горы, на кочевья, двинские стелы, предназначенные для постоянно возобновлявшихся в течении года церемоний, носят статичный условно-символический характер. Композиционное распределение символов и знаков несколькими (преимущественно тремя) рядами скорее роднит их с построением рисунков на некоторых бронзовых поясах Закавказья, таких, скажем, как пояса Сананна, Байзета, Маралын-дереси и др.

В верхнем ряду алтаря первого святилища (рис. 11), открытого автором этих строк, мы видим три стилизованные головы рогатого животного. Моделировка голов в виде овалов и, главное, длинные полукруглые рога не оставляют сомнения в том, что художник здесь изобразил головы быков. Дополнительным подтверждением принадлежности рогатых голов первого святилища быкам может служить построенный нами из отдельных наскальных рисунков Армении своего рода эволюционный ряд, в начале которого стоят запяженные в колесницы быки со стилизованными, как наши двинские, головами, а в конце — только отдельные точно такие же стилизованные головки с длинными полукруглыми рогами (рис. 63).

Таким образом, этот алтарь позволяет установить, что бык в двинских святилищах был одним из почитаемых животных. Следует заметить, что весь двинский культовый комплекс пронизан следами почитания быка, нашедшего свое отражение не только в изображениях на алтаре, но и в большой серии ритуальных сосудов, украшенных все теми же

² См., например, Л. А. Ахундова. Палеоархитектоническая основа генезиса древних жилых и ритуальных сооружений. УЗАПИ. X, № 1, Баку, 1973; его же. Палеоэстетические особенности развития архитектуры стран Ближнего Востока. УЗАПИ. X, № 2, Баку, 1973.

³ American Journal Archaeology, № 76 № 3, 1972 p. 311 fig. 63.

⁴ W. Lamb., op. cit.

⁵ Очерки истории Грузии, т. I. Тбилиси, 1970, с. 344 (на груз. яз.).

⁶ Г. Ф. Гобеджишвили. Холм Нацаргора. Мимолхилвели, II, 1951, (на груз. яз.).

⁷ С. Л. Есаян. О некоторых циклопических крепостях Поемберяна. ИФЖ, 1972, № 1, с. 273.

трем скульптурно моделированным бычьими головами (рис. 23; табл. XVII).

Зарождение культа быка теряется в глубокости древности. Его истоки следует искать в далекой первобытной среде, когда человек

в календарных представлениях. А поскольку подобное в мышлении древнего человека всегда являлось родственным, рога быка стали олицетворением лунного серпа, т. е. лунного божества. Будучи астральным животным, бык

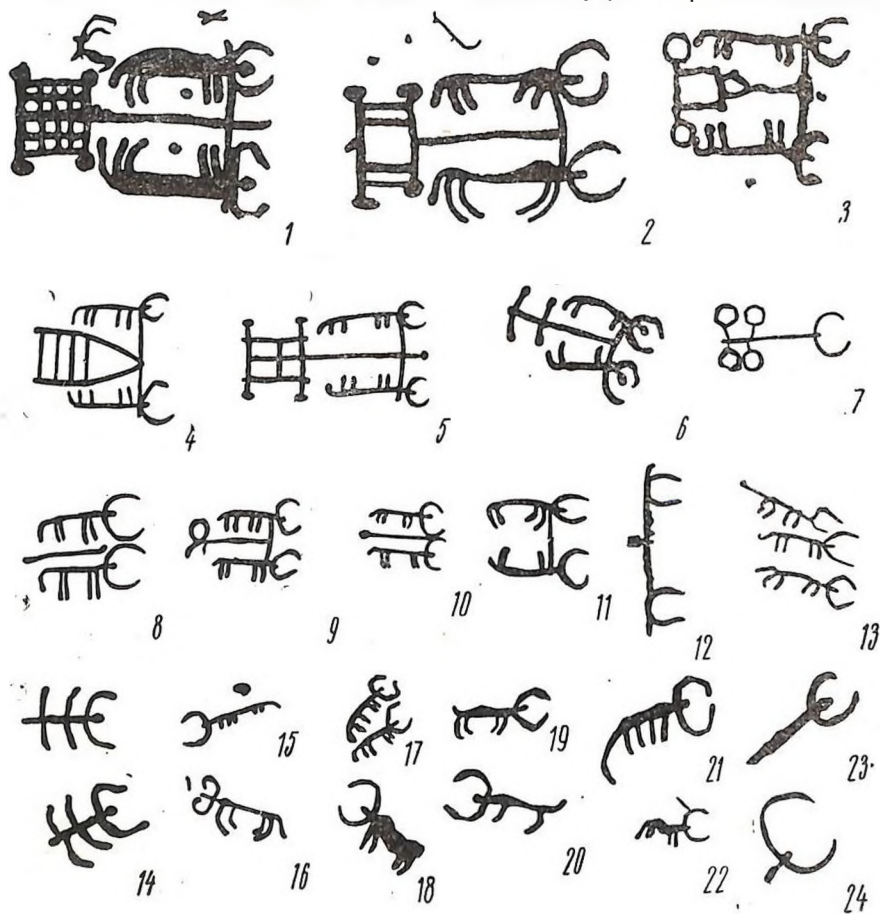

Рис. 63 Изображения быков в наскальных рисунках Армении.

мог во время охоты постоянно наблюдать это дикое и сильное животное. Магическая охота на быков и бизонов—один из традиционных сюжетов налеолитического искусства. Культ быка получил особенно яркое развитие с первыми успехами земледельцев и скотоводов. Бытует представление о том, что в основе этого культа лежит почитание первобытным человеком лунного диска, изменение которого привело к сложению примитивных земледельчес-

олицетворял собой такие явления, как гром и молния.

Одновременно бык являлся воплощением производительной силы, символом плодородия, что указывает на его непосредственную связь с дающей блага землей. Эта связь становится особенно тесной в период, когда бык начинает широко использоваться в земледелии. Таким образом, именно в этом культе

отчетливо прослеживается связь: «небо» — «бык» — «земля».

Пожалуй, самыми ранними археологическими документами, фиксирующими наличие культа быка, в настоящий момент должны считаться рогатые алтари Чатал-Гююка, где бычьи головы, либо рога, иногда так же, как в Двине, в священном числе «три» сочетаются с многими другими изображениями и божественными символами. Среди них, как мы уже говорили, особенно привлекает внимание неоднократно повторение фигуры богини плодородия с поднятыми к небу руками, а под ней — голова быка: она как бы рождает его⁸. Встречаются изображения быка и в сочетании с бараном.

Более конкретные данные донесли до нас шумерская мифология. В Шумере, например, почитаемый бык конкретизируется в образе «небесного быка цвета огня», воплощающего лунного бога Нанна-Синна или Наннара. В шумерских гимнах он воспевается как «отец Наннар, Телец сильный, с мощными рогами и лазурной бородой»⁹. Тот же культ, судя по недавним блестящим открытиям, отпирался и на востоке, в Средней Азии¹⁰. В Египте и эгейском мире небесный бык был тесно связан с солнечным божеством. Связь быка с солнцем прослеживается также по памятникам Балкан и Восточной Европы¹¹.

На Кавказе, в частности, почитание быка в своем развитии прошло ряд ступеней, что получило наглядное отражение в серии фольклорных и этнографических материалов. С первыми археологическими следами этого культа мы здесь сталкиваемся в памятниках V—IV тыс. до н. э., где обнаружены примитивные фигурки бычков из необожженной глины и кости крупного рогатого оленя¹². Преобладание последних на поселениях позволяет допустить его большую почитаемость, что, по-видимому, находило соответственное от-

ражение в обрядности в этот период. Увеличение или сохранение стада по представлению древнего человека во многом зависело от жертвоприношений этих животных или от подношений божеству заменяющих их фигурок. Последнее явление основанное для вывода о том, что миниатюрные фигурки бычков лепились специально для культовых церемоний¹³, при исполнении которых они бросались в огонь (как на поселении Арухло), либо предназначались для погребений, куда они клались взамен самого животного (как в погребении Цони).

Рост производительных сил в период ранней бронзы, увеличение роли скотоводства, бурный подъем металлургии, усилившийся на этой базе межплеменной обмен — все это повлекло за собой быстрое и повсеместное распространение новшеств не только в области материальной культуры, но и способствовало дальнейшему усложнению идеологических представлений. Памятники III тыс. донесли до нас значительно больше свидетельств отправления культов и религиозной обрядности. Для восстановления этой стороны жизни бесценные материалы дают открытые в разных частях Закавказья святилища с их сложной ритуальной обстановкой. Следы почитания быка, по-видимому, продолжавшего быть одним из главных божеств языческого пантеона, мы находим в каждом из этих древних храмов то в виде переносных «рогатых» алтарей, встречающихся в широком ареале кавказско-малоазийско-средиземноморского круга, то в виде бычьих масок, то в виде фигурок бычков¹⁴. Многие из них находили применение и в жилищах, около домашних очагов, которые неизменно служили средоточием каждой семьи.

Фигурки бычков и других животных часто оказываются «мечеными». Иногда это была раскраска красной краской, цвет которой в древности считался священным, так как связывался с солнцем и огнем. На лбу шенгавитского бычка, например, оказался знак в виде звезды, прямо указывающий на его священный характер¹⁵. Тысячелетнем позднее символические метки встречаются на лбу паверний

⁸ J. Mellaart, Catal Hüyük, fig. 19—29, 33—37, 41—42; AS, VIII, 1963, p. 62, 69.

⁹ Н. Д. Флитнер. Земледельческие культы древней Месопотамии. Труды отдела Востока Эрмитажа, т. I, Л., 1939, с. 13.

¹⁰ В. М. Массон. Раскопки погребального храмового комплекса на Алтын-депе. АО за 1972 г., с. 480; его же. Раскопки погребального комплекса на Алтын-депе. СА, 1974, № 4, с. 3.

¹¹ Б. А. Рыбаков. Космогония и мифология земледельцев энеолита. СА, 1965, № 2, с. 24, рис. 38.

¹² К. Х. Кушнарера, Т. Н. Чубинишвили. Древние культы Южного Кавказа. М.—Л., 1970, рис. 9, 17

¹³ Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М.—Л., 1966, с. 121.

¹⁴ К. Х. Кушнарера, Т. Н. Чубинишвили, указ. соч., с. 161.

¹⁵ Б. Б. Пиотровский. Поселения медного века в Армении. СА, XI, 1949, с. 176.

в виде голов бычков из Арчадзора, Толорса, на скульптурах Кедабека¹⁶.

Археологические факты хорошо сопоставляются с письменными свидетельствами. Историки сообщают, что при храме Апант в Ерзинджа постоянно паслось стадо молодых коров с пятнами на лбу. Эти коровы в праздники приносились в жертву богине¹⁷. Эта древняя традиция, устоявшаяся не одно тысячелетие, сохранилась в качестве пережитка в кавказской обрядовой действительности. Посвященному быку до недавнего времени ставили метку, означавшую, что он предназначен для жертвы¹⁸.

В святилище III тыс. Гудаберджа были найдены расписанные в виде масок бычьи черепки с рогами¹⁹. Интерпретация этих уникальных находок может быть различной. Допустимо предположение, что маски являлись частью ритуального облачения и надевались служителями культа во время церемоний. Такая трактовка в какой-то мере перекликается с еще недавно бытовавшим у многих примитивных народов представлением о том, что человек, надевший маску животного, становился олицетворением последнего. О существовании подобных же представлений в древности как будто бы можно судить, помимо масок из Гудаберджа, по обнаженной женской статуэтке с овечьей маской, найденной в святилище I тысячелетия н. э. Мелли-геле I, где овца почиталась в качестве священного животного²⁰.

С той же степенью вероятности бычьи маски можно считать черепами принесенных в святилище в жертву быков. Как известно, принесение в жертву священных животных и поедание их мяса являлось в древности у многих народов актом приобщения к божеству, которого олицетворяло убитое животное²¹. Дж. Фрезер сформулировал содержание этого

акта следующим образом: «Вкушая тело бога, он приобретает часть атрибутов и способностей бога. Когда богом является дух хлеба, то его подлинным телом является хлеб. Когда это бог винограда, то виноградный сок является его кровью. Таким образом, едя хлеб и вкушая вино, верующий реально ест тело и пьет кровь своего бога»²². Впоследствии у ряда народов Переднего Востока с высокой земледельческой культурой архаичный обряд жертвопоедания трансформировался в обряд поедания хлеба и распития вина, что, однако, по-прежнему должно было означать приобщение к божеству²³.

На Кавказе обычай принесения в жертву быков удерживается не одно тысячелетие; его поздние reminiscences предстают перед нами в достаточно архаичном виде, окажем, в сванском празднике Улишнер, который с поразительной чистотой сохранил некоторые обрядовые особенности религии времен язычества²⁴. Этнография же расшифровывает поводы, по которым давались обеты жертвоприношения. Так, во многих районах Армении до конца прошлого века существовал обычай жертвоприношения быков в праздник Вознесения с целью борьбы с разными явлениями, препятствующими хорошему урожаю (засуха, град, саранча и т. д.)²⁵. Средства на быков собирались со всей общины. В Тriaлетском районе Грузии, славящемся своими богатыми древними курганами, в которых, в частности, зафиксированы принесенные в жертву быки, почитание этого животного также сохранялось вплоть до недавнего времени²⁶. Здесь обет жертвоприношения крестьянами давался в случае болезни, в честь члена семьи, находящегося вне дома, во имя богатого урожая, размножения скота, в случае бездетности, а также при полном благополучии семьи с целью сохранения его. Во всех этих случаях дважды в год, в праздник св. Георгия, закалывали быка.

Обычай закланья быков и ритуального поедания мяса в III тыс. до н. э. на Кавказе становится также частью погребального обряда.

¹⁶ К. Х. Кушнареев. Некоторые памятники эпохи поздней бронзы в Нагорном Карабахе. СА, XXVII, 1957, рис. 5; А. А. Ивановский. По Закавказью. МАК, VI, табл. XI, 17; А. О. Мнацаканян. Находки предметов бронзового века в сел. Толорс. КСИМК, в. 54, рис. 41, 1—2.

¹⁷ Plutarchs, Lives, II, London, 1959, p. 548.

¹⁸ См.: А. Н. Сихарулидзе. К вопросу о значении изображения быка на триалетских вешах и вешапопках. КЭС, IV, Тбилиси, 1972, с. 32.

¹⁹ С. Н. Надимашвили. Гудаберджа-Цихнагора. «Тнахви», Горн, 1963, с. 150 (на груз. яз.).

²⁰ К. Н. Пицхелури. Основные проблемы... Автореферат, с. 69.

²¹ Э. Н. Соколова. Культ животных в религиях. М., 1972, с. 184.

²² Дж. Фрезер. Золотая ветвь, вып. IV, М., 1928, с. 29.

²³ С. Б. Арутюнян. Реликты благословения при общественном жертвоприношении, ИФЖ, 1971, № 3, с. 260.

²⁴ В. В. Бардавелидзе, указ. соч., с. 198—199.

²⁵ В. А. Бдоян. Земледельческая культура в Армении. Ереван, 1972, с. 456 (на арм. яз.).

²⁶ А. Н. Сихарулидзе, указ. соч., с. 32.

да, согласно которому, судя по некоторым погребениям, скажем, могильника Амранис-гора, с убитого быка праздновавшие тризну родичи снимали шкуру вместе с головой и конечностями и клали ее в могилу²⁷. Любопытно, что жертвоприношения священных быков, олицетворявших оплодотворяющую мужскую силу, в этот период совершались исключительно при погребении мужчин. Кстати, связь «бык»—«мужчина» удивительно наглядно может быть проиллюстрирована несколькими культовыми намерениями из клада Степанц-мида, где облаченные фаллические фигуры стоят на бычьих рогах²⁸. (рис. 64).

Рис. 64 Степанцмида. Бронзовое намерение.

Следы почитания быка при погребальных церемониях улавливаются на Южном Кавказе и по памятникам II тыс. до н. э. В погребениях Кировакана, Лчашена²⁹, Аднамана, а также в знаменитых триалетских гробницах был отмечен идентичный обряд положения в могилу

²⁷ Т. Н. Чубинишвили. К древней истории Южного Кавказа. Тбилиси, 1970. с. 10.

²⁸ А. М. Talgren. Caucasian monuments, ESA, V, Helsinki, 1930, fig. 12—13.

²⁹ Э. В. Хангадзи. Лчашенский курган № 6. КСИИ. в. 91, 1962.

жу жертвенных быков в виде шкур, снятых вместе с головой и конечностями³⁰. Есть основания предполагать, что снятые таким образом шкуры животных должны были символически заменять целых быков. Если же учесть аналогичную картину в более ранних могилках Амранис-гора, а также веномнить поставленные у горных родников и озер знаменитые изваяния вишанов с изображением бычьей шкуры с конечностями, которые армянское народное предание связывает с небесной стихией (рис. 65), то станет очевид-

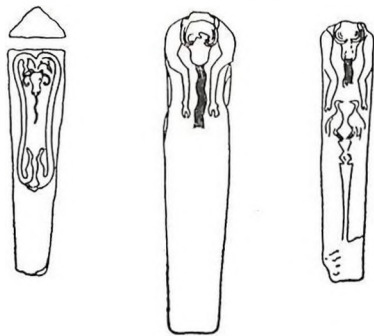

Рис. 65 Вишаны Гегамских гор.

но, что точное выполнение при жертвоприношениях именно такого ритуала было обязательно для многих поколений людей, живших на Кавказе в древности. Да и не только на Кавказе. Как отмечает М. П. Грязнов, обычай оставлять в могилах шкуры быков с головой и ногами—это вещественные следы завершающего акта сложного ритуала жертвоприношения, широко практиковался в эпоху бронзы, например, в ареале расселения катакомбных, срубных и андроновских племен³¹.

Наконец, на Южном Кавказе практиковались, по-видимому, связанные с культом животных специальные захоронения. Этот обряд, широко распространенный в памятниках Старого Света и Восточной Европы³², в нашем регионе встречен пока только дважды: мы

³⁰ Б. А. Кирфин. Археологические раскопки в Триалети, Тбилиси, 1941 с. 81—83.

³¹ М. П. Грязнов. Бык в обрядах и культе древних скотоводов. Тезисы докладов на сессии и пленуме, посвященном итогам полных исследований 1971 г., М., 1972, с. 35.

³² См. сводку Н. Behrens. Die Neolithische-Frühmetallzeitlichen Fierskelettfunde der Alten Welt, Berlin, 1964.

имеем в виду погребение быка, окруженного ритуальными предметами (курильница, скапулка и пр.) в Севанском бассейне, в местности Мртби-дзор³³, и погребение барана во II могиле Цамакаберта³⁴. Оба животных несомненно почитались в качестве священных. Обряд почитания животных через поклонение их могилам оказывается чрезвычайно живучим: до недавнего времени армяне Карабаха поклонялись могилам священных медведей. Там же существовал культ оленя, который выражался в вере в целительную силу «Оленьего родника». С этими священными животными связываются трогательные легенды³⁵.

При выявлении идейной сущности культа быка на Кавказе первостепенную роль играет установление иконографических особенностей его изображений. Недавно А. А. Мартиросяном было тонко подмечено, что запечатленные в памятниках искусства образы этого животного как бы делятся на две большие стилистические группы: с одной стороны, это реальные земные быки, показанные во время охоты, запряженными в плуг, в телегу, с другой, — фантастические животные с ирреальным строением тела и конечностей, которые как бы плывут в небесном океане³⁶. Образы этих последних запечатлены в наскальных изображениях Армении, на бронзовых поясах, на каменных изваяниях.

В Гегамских горах есть одна картина, действие которой, несомненно, происходит на небе: здесь над различными символами животных и антропоморфной фигурой в позе магического заклинания парит могучий небесный бык, изливающий на землю струю воды (рис. 66). Таких же быков, изливающих воду, мы видим на знаменитых вишавых; они сопровождаются небесными символами в виде двух водных птиц, змеи (рис. 65). С образом вишавы недавно были сопоставлены быки на известном ходжалинском поясе; у них те же символы — солярные и астральные знаки, вода, птицы, змея. Названные изображения всей своей сущностью перекликаются с образами знаменитых урских быков, олицетворявших

бога Луны «отца Наннара», синие бороды которых символизируют текущую с неба воду³⁷. В семантическом плане к ним примыкает изображение небесного быка со струящейся из рта водой на золотой чаше из Хасанлу. Недавно вся композиция была интерпретирована как иллюстрация к одному из сюжетов Авесты, связанному с Анахитой, где бык олицетворяет небесные воды, обновляющие землю³⁸. Наконец, связь быка с небом и водой великомерно прослеживается по северо-осетинскому эпосу, в котором легендарный герой Амран для того, чтобы попасть на небо, облачается в шкуру быка, вышедшего из моря³⁹.

Рис. 66 Наскальная композиция в Гегамских горах.

Таким образом, мы видим, что сюжет небесного быка, связанного с громом, молниями и небесными водами, изливающимися на землю, был одним из ведущих религиозных сюжетов населения в широком ареале кавказско-месопотамско-иранского мира.

О существовании астральных культов в древнеармянском пантеоне, среди которых почетное место занимал небесный бык, мы узнаем из трактата крупнейшего теолога Езника Кохбаци, который в V в. вел борьбу с язычниками. Здесь бык выступал еще в качестве бугая (*զուլի համառակութիւնի*), связанного с идеей оплодотворения и почитался в образе одного из созвездий Зодиака — созвездия Тельца. Не вызывает сомнения то обстоятельство, что все эти языческие представления,

³³ Е. А. Лалиян. Раскопки курганов Советской Армении. Ереван, 1931, с. 79 (на арм. яз.).

³⁴ А. О. Мнацаканян. О двуцветной керамике Ачамена. Изв. АН АрмССР, 1957, № 5, с. III.

³⁵ Ст. Лисицян. Армяне Нагорного Карабаха; рукопись, хранится в отделе этнографии Института археологии и этнографии АН АрмССР, с. 124.

³⁶ Подробно об этом см.: А. А. Мартиросян. Первобытные неолиты Армении и их урартто-армянские двойники. Ереван, 1973, с. 36 (на арм. яз.).

³⁷ Н. Д. Флитнер. указ. соч., с. 13.

³⁸ Г. Н. Курочкин. К интерпретации некоторых изображений раннего железного века с территории северного Ирана. СА, 1974, № 2, с. 34.

³⁹ Б. Б. Пиотровский. Вишавы, с. 26.

стойко жившие в народе еще в период раннего средневековья, имели глубочайшие исторические корни и должны были как-то воплотиться в древние памятники искусства религиозного характера. Отражением этих представлений, в том числе и представления о небесном быке, символизирующем зодиакальное созвездие Тельца, и являются, согласно высказанной точке зрения, фантастические молниенеподобные фигуры быков второй группы.^{39а}

Мы уже отмечали, что культ быка на Кавказе претерпел ряд трансформаций. В пережиточном этнографическом материале Грузии отразились также те глубинные пласты языческого пантеона, когда этот культ сводился к почитанию бугая-производителя. Таким, во всяком случае, был первоначальный облик бога Боселы, уделом которого была забота об оплодотворении домашнего скота⁴⁰. Со временем функции его все возрастают в своем значении и он превращается во всевышнее божество, верховного покровителя оплодотворения земли и изобилия. Как полагают исследователи, божеству бугая-производителю, стоявшему у истоков развития культа быка на Кавказе, было посвящено третье помещение синхронного с Двином святилища Катна-лихви, с его крестообразным алтарем, украшенным головами быков.⁴¹ В целом, это святилище предположительно было посвящено богине плодородия Великой Матери Нана. Через это божество, символизирующее солнце, бык в Грузии оказался связанным с дневным светилом. С солнцем увязывается и культ быка в Армении⁴². Связь небесного быка с солнечным божеством и в древности как будто подтверждается заменой глаз солярными знаками у быков на упоминавшемся уже ходжалниском поясе.

Связь «бык—земля» становится особенно неразрывной, когда это животное начинает применяться в земледелии. Этот важнейший момент в истории развития земледелия, когда человек превратил быка в тяговое животное и впряг в орудие пахоты, нашел своеобразное преломление в одной сванской легенде. Она гласит: «Однажды Джгыраг сказал Пусду: «Я привяжу к быку бечевку: если

животное разорвет ее, пусть тогда бык останется (по-прежнему) твоим, но если он не сможет этого сделать, тогда пусть принадлежит мне. Пусд согласился, подумав: «Разве возможно, чтобы бык не смог разорвать такой бечевы? А если он не в состоянии это сделать, то на что мне нужен такой (беспольный) бык. Джгыраг завязал бечевку быку. Много старался бык, но не смог разорвать ее. Разгневанный Пусд ударил его своим посохом и расколол ему копыта надвое. С того дня повелись двукопытные быки»⁴³. Джгыраг, как известно, олицетворял древнегрузинское божество луны, покровительствующее земледелию, а Пусд первоначально являлся божеством-хозяином крупного рогатого скота.

С того времени почитание быка тесно переплетается со всевозможными земледельческими культами, что нашло свое яркое отражение не только в верованиях племен Кавказа, но и многих других народов. Условно символическое отображение этой стадии почитания быка, распадающейся, в свою очередь, на отдельные акты сложного и растянутого во времени аграрного цикла, Н. Е. Урушадзе видит в изображении на бронзовом поясе из Самтавро⁴⁴. Ее концепция сводится к тому, что каждая из трех повторяющихся фигур быков, несущих на себе символические атрибуты земледельческих орудий, условно передает один из главных этапов земледелия— вспашку, сеяние, боронование и сбор урожая. Таким образом, на самтавском поясе, с точки зрения автора, условно переданы образы «быка-пахаря», «быка-сеятеля», являющегося одновременно и «бороныщим быком», и «быка-собирающего урожая» (рис. 67). В расшифровке этого сложного и крайне условного сюжета весьма существенную помощь оказывает пережиточный этнографический материал, в котором названные эпостаси быка находят отражение в формах ритуальных хлебцев, выпекаемых к сванскому аграрному празднику Илалашне («лалаш»—в переводе означает семя); они изображают быков, пахущих волов, бороныщих волов, рога, лемех, ярмо, борону (рис. 68)⁴⁵. Обычай выпекать в новогоднюю ночь хлебцы или печенья в форме животных и кормить для обеспечения плодородия наступающего года ими скот до недавнего времени

^{39а} А. А. Мартиросян, указ. соч.

⁴⁰ А. К. Сохадзе. Пережитки скотоводческих культов у западнотуркменских горцев. Труды VII МКАЭН, т. 8, М., 1970, с. 110.

⁴¹ Д. А. Хачутиани. Общинное святилище протоберийских племен на рубеже II—I тыс. до н. э. (в печати).

⁴² Н. Н. Петрушевский. О дохристианских верованиях крестьян Нагорного Карабаха, с. 41.

⁴³ В. В. Бардавелидзе, указ. соч., с. 222.

⁴⁴ Н. А. Урушадзе. Опыт художественного образного анализа и реконструкции бронзового пояса из Самтавро. СА, 1970, № 1, с. 67.

⁴⁵ В. В. Бардавелидзе, указ. соч., с. 192, табл. XXV—XXVI.

существовал и в деревнях Армении⁴⁶; для этого в крестьянском хозяйстве держались специальные деревянные или глиняные штампы, сохранявшие, по утверждению этнографов, очень архаичные формы. С этой же целью ритуальные хлебцы надевались под Новый год на рога быков и волов⁴⁷.

Огромная роль быка в условиях аграрного хозяйства запечатлена в серии фольклорных и этнографических документов. Среди них, в частности в Армении, обращает на себя внимание деревенский обычай вешать черен быка с рогами на фронтоне дома или на колоннах вместо канителей. В этих случаях бык выступает как почитаемый труженик дома. Прославляют специальной молитвой быка и во время печения лаваша, когда паленчают в тондыр первый хлеб. О хлебе говорится как о «продукте работы справедливого быка» (записано со слов информатора Б. Арутюняна). Такого быка в Армении называют волом (*lq*). Вообще, в армянском и грузинском фольклоре бык-земледелец неизменно рисуется другом крестьянина, участником его хозяйства, кормильцем, спасителем, борющимся со злыми силами. Это отложилось в армянском народном лексиконе, в котором слово «бык» часто заменяется словом *hndsh*, что означает «борющийся», «борец»⁴⁸.

Любопытные данные в этом плане дает и этнография Дагестана. Здесь ритуальная пища,готавливаемая у всех дагестанцев для совершения наиболее архаичных обрядов, представляет собой зерно, сваренное с крупной костью быка⁴⁹.

Этнографические и фольклорные материалы как будто бы хорошо корреспондируются с данными археологии. Устанавливается, что традиция выпекания ритуальных хлебцев идет из глубокой древности, что документируется находками специальных круглых штампов для нанесения на хлебцы различных (преимущественно «солнечных») символов. Топография известных находок позволяет считать,

что хлебцы штамповались в святилищах, очевидно, служителями культа.

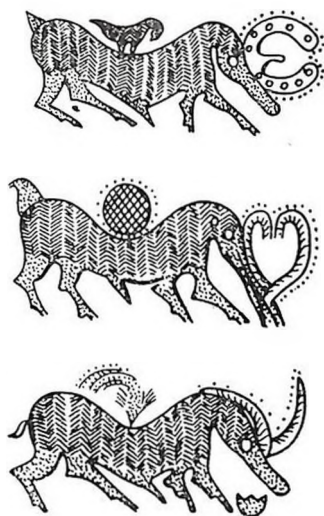

Рис. 67 Изображения быка на Самгарвском поясе (по Н. Е. Урушадзе).

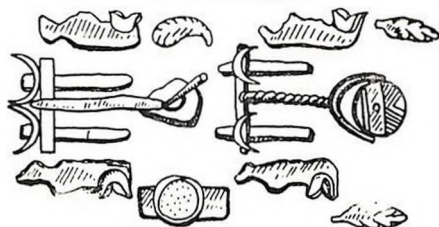

Рис. 68 Свадебные ритуальные хлебцы.

Самый ранний из штампов обнаружен в описанном выше святилище Гудаберда (III тыс. до н. э.) Большая серия таких штампов известна из более поздних культовых комплексов: Сары-тене, Мечамор, Катнахевн, Мели-геле, Мелаани и др.⁵⁰ Важно и то, что в Мечаморе и Катнахевн помимо штампов были найдены глиняные имитации хлебцев с отпечатками соляных знаков, точно таких же как на штампах⁵¹.

Однако для нашей темы наибольший инте-

⁴⁶ А. Одабашян. Некоторые обрядовые пережитки, связанные с христианским Новым годом. Изв. АН АрмССР, 1965, № 3, с. 90—91 (на арм. яз.).

⁴⁷ В. А. Бодян, указ. соч., с. 443.

⁴⁸ А. Ш. Минаканян. Армянское орнаментальное искусство, Ереван, 1955 (на арм. яз.), с. 537—538; А. К. Сохадзе, указ. соч.

⁴⁹ М. О. Османов. Географическая среда и производящие формы хозяйства. Конференция «Формы перехода от приспанивающего хозяйства к производящему и особенности развития общественного строя», М. 1974, с. 70.

⁵⁰ Н. Г. Нариманов. Глиняные штампы из Западного Азербайджана, МКА, VII, Баку, 1973; Э. В. Ханзадян и др., указ. соч. рис. 134—135; Д. А. Хачатурян, Ульписские I; К. П. Пичхелаури, указ. соч., табл. XXXIX, 2.

⁵¹ Э. В. Ханзадян и др., указ. соч., рис. 116—117.

рее представляют глиняные штампы другого типа, известные по раскопкам высокогорного дагестанского поселения Верхний Гуниб⁵². Функциональное назначение этих предметов выявляется на основе их локализации около этнографически четко определимых печей-коров, служивших до настоящего времени в горном Дагестане для выпечки хлеба. Гунибские штампы представляли собой небольшие глиняные «доски» с рельефными изображениями

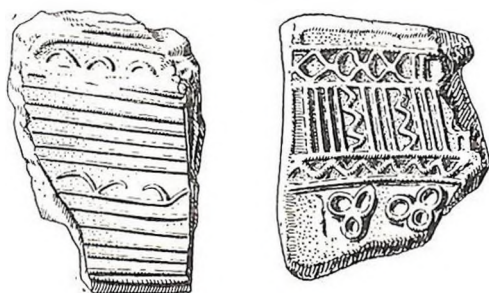

Рис. 69 Гунибское поселение. Глиняные штампы для выпечки ритуальных хлебцев.

(рис. 69), общим характером сходными с наленными узорами на нахских алтарях. Здесь, как и в Двине, в качестве символов изображены рога, однако на двинских алтарях они неизменно встречаются в священном числе три, а в Гунибе распределяются парами. Такое размещение животных, заключенных в пучки параллельных линий, дало справедливое основание В. М. Котович увидеть в них доживающий до недавнего времени в кавказских ритуальных хлебах сюжет пашущих волов.

Все сказанное позволяет утверждать, что во II—I тыс. до н. э. культ быка-возделывателя земли сопровождался на Кавказе сложным и разнообразным ритуалом. Следы этого культа особенно ярко улавливаются в убранстве и специфических атрибутах святилищ. Его особая почитаемость выразилась, в частности, в изображении быков на алтарях, перед которыми проходили главные церемонии. Помимо Двина скульптурами быков оформлены алтари Катнахиэви и Понлоз-Гаши. Каменная статуэтка быка стояла около культового очага в Тмбальерской крепости⁵³. Образ быка мелькает то на двинских

сосудах, то в меаморских бычьих стилизованных амулетах⁵⁴, то на связанных с магией опоясывания бронзовых поясах⁵⁵, служивших скорее всего атрибутами жреческой одежды⁵⁶.

Аграрный характер этого культа великолепно иллюстрируется и всем остальным комплексом находок в святилищах. В Меаморе, например, это статуя богини плодородия, сосуды с зерном, изображения колосьев на сосудах, глиняные имитации ритуальных хлебцев и штампы для их орнаментации. Наиболее полный набор предметов, связанных с культом плодородия, почитавшемся в образе быка-возделывателя земли, представлен в святилище Катнахиэви. Здесь были найдены жемини молотильной доски, яма с золой, сосуды с косточками винограда, вкладыши серпов, зернотерки, печать со свастики для штамповки ритуальных хлебцев и, наконец, глиняная имитация самого хлеба. В Двине этот набор примерно повторяется: это сосуды с зерном, косточки винограда, зернотерки, песты, вкладыши серпа.

Таким образом, даже на основании рассмотренных выше материалов, которые по существу представляют лишь некоторую часть кавказских памятников, связанных с культом быка, последний выступает в образе астрального, солнечного божества, тесно связанного с культом плодородия и земледельческими религиями.

В. В. Бардавелидзе, уделившая в своей книге большое внимание вопросу почитания быка в Грузии, пишет, что «... по крупной роли культа быка и почетного значения этого животного в разнообразных обрядах и обычаях древнегрузинская религия входит в обширный религиозный мир древних культурных народов Передней Азии и Средиземноморья. В частности, следует отметить, что древнегреческий культ в честь Зевса Сосиполиса в Магнесии, на Меандре, проявляет почти полную адекватность с обрядовой стороны и со стороны основного замысла со сванским ласкарным праздником Улишнер, но, как показывает характер социальных организаций, осуществлявших эти два параллельных религиозных института, сванский праздник кажется архаичнее древнегреческого культа. В то же время бой священных быков и курули груз-

⁵² Э. В. Ханзаян и др., указ. соч., рис. 131—132.

⁵³ Б. Б. Пиотровский. Археология Закавказья, с. 95; А. Р. Иералян. Охотничьи сцены на бронзовых поясах Армении. ИФЖ. 1966. № 2.

⁵⁶ С. Деисджян. Золотые и серебряные украшения из второго погребения Лорийской крепости. ИФЖ. 1971. № 1 (на арм. яз.).

⁵⁴ В. М. Котович. Верхнегунибское поселение. Материалы, 1965, рис. 57.

⁵⁵ С. А. Есип. Древняя культура племен северо-восточной Армении, Ереван, 1976, табл. 155.

зинских племен находят ближайшие аналогии в крито-микенской культуре с ее мощным культом быка, широко распространенными сценами игр с быками и другими культовыми зрелищами»⁵⁷.

Наблюдение это, само по себе чрезвычайно важное, представляется особенно интересным в плане выявления близкого языческого пантеона и единой религиозно-обрядовой традиции в широком ареале кавказско-малоазийского культурного круга.

Послужившие же отправной точкой для нашего экскурса изображения бычьих голов на первой стеле дивинского святилища вводят нас в мир астральных представлений и земледельческих культов древних жителей Араратской равнины.

Средний пояс этой композиции отличается от всех изображений на алтарях Двина тем, что он обрамлен рамкой, взят как бы в картуш. Быть может, этим художник хотел подчеркнуть особую значимость этого пояса. Кстати, заключение в рамку отдельных частей сложных композиций было широко распространено в этот период на бронзовых поясах Закавказья.

В картуше нашей стелы изображены с помощью налепа три небольшие абстрактно стилизованные фигурки животных с высоко поднятой, оформленной в виде роговидного отростка головой. Идентификация их с каким-либо определенным животным затруднительна, хотя Т. Н. Чубинишвили аналогичную скульптурную фигурку из святилища Амрапс-гора называет бычком⁵⁸. Независимо от принадлежности этих изображений тому или иному животному, наиболее существенным здесь представляется то, что каждая из них окружена знаками в виде вдавленных кружков, один из которых, над всеми тремя фигурами, имеет больший размер, нежели другие. Подобные знаки в виде кружков, сочетающихся с другими знаками, хорошо известны по серии наскальных петроглифов Армении, на которых с удивительной наглядностью выражены астральные понятия древних аборигенов. Иногда это отдельные светила, иногда целые созвездия⁵⁹.

Таким образом, астральная сущность изображенных в картуше животных, с нашей точки зрения, как будто бы не подлежит сом-

нению. Исходя из предложенной трактовки ряда наскальных композиций, можно предположить, что большой круг должен скорее всего символизировать солнце или полную луну (?), а остальные—какие-то созвездия. Следовательно, эти фигурки, так же как и бычьи головы, должны восприниматься как элементы небесного мира.

Наконец, нижний горизонт стелы состоит из девяти налепных, вписанных друг в друга полудуг, провисающих до нижней ее кромки. Частые насечки на них создают впечатление волнистой поверхности. Комплекс символов, имеющихся в нашем распоряжении, приводит нас к заключению, что художник таким образом старался передать воду. Вода, изображаемая чаще всего на керамике, условно передавалась древними мастерами в виде волнистых линий, либо полудуг⁶⁰, трактующихся, в частности Б. А. Рыбаковым, как условное изображение облаков и туч в значении запасов небесной воды⁶¹. Волнистая линия в четырехугольном картуше—мотив, распространенный на южнокавказской посуде,—читается А. А. Мартиросяном как иероглиф «вода»⁶². Своеобразной предтечей дивинских полудуг является широко распространенный, особенно на керамике периода средней бронзы, аналогичный узор, выполненный то красками, то пунктирным штампом. Особенно широко этот узор использовался жителями поселения Узерлик-тепе в Мильской степи (рис. 70)⁶³. Быть может, здесь, в условиях безводной степи, изображение воды на сосудах должно было приравниваться к магическому действию вызывания дождя.

Однако бесспорное отождествление дивинских полудуг с водой может быть доказано некоторыми параллелями из более поздних памятников—одного из сасанидских бюд (рис. 71) и фрески храма Светиспахвети в Мцхете (рис. 72), где компактно сконцентрированные аналогичные полудуги выступают в прямом значении воды, что подчеркивается плавающими в ней рыбами⁶⁴.

⁵⁷ В. В. Бардавелидзе, указ. соч., с. 200.

⁵⁸ Т. Н. Чубинишвили. К древней истории..., с. 73, табл. XIX.

⁵⁹ А. А. Мартиросян, А. Р. Нераелян, указ. соч.; А. Р. Нераелян. Культы и верования..., с. 70; А. А. Мартиросян. Первобытные петроглифы Армении..., с. 13.

⁶⁰ В. М. Массон. Поселение Джейдун. М., 1971, табл. XXV, XXIX—XXX.

⁶¹ Б. П. Рыбаков. Космогония и мифология земледельцев эпохи бронзы. М., 1965, № 2.

⁶² А. А. Мартиросян, указ. соч., с. 74.

⁶³ К. Х. Кушнерова. Поселение эпохи бронзы на холме Узерлик-тепе. МИА, № 67, рис. 12, 14; см. же. Новые данные о поселении Узерлик-тепе. МИА, № 125, рис. 23.

⁶⁴ П. А. Урушадзе. К семантике прикладного искусства древнего Кавказа и Закавказья. М., 1973, № 1, рис. 7—8.

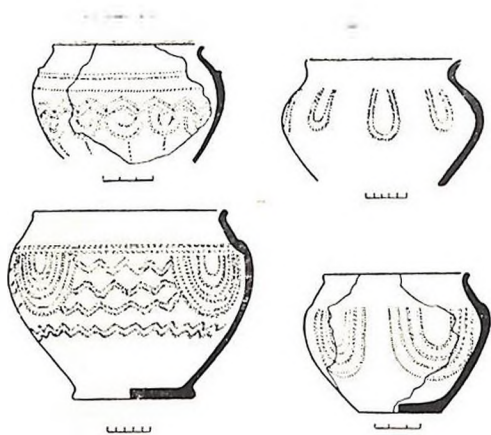

Рис. 70 Поселение Узерлик-тепе. Сосуды с изображением воды.

Рис. 71. Изображение воды на Сасанидском блюде.

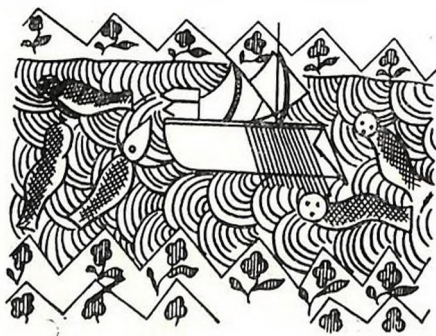

Рис. 72 Изображение воды на фреске храма Светицховели.

Включение условного изображения воды в алтарную композицию первого двинского святилища, на котором, как мы только что показали, представлены астральные животные и светила, позволяет считать, что в данном случае речь должна идти о небесной воде или небесном океане, являвшемся, согласно космическим представлениям древнего человека, первоосновой мироздания.

Итак, можно констатировать, что вся композиция на первой стеле состоит из элементов, воплощающих небесную символику. Иными словами, это картина неба или «верхней стихии».

При интерпретации рельефа на второй стеле (рис. 18, табл. VII) мы сталкиваемся с изображением другого животного. Три головы в верхнем ряду имеют значительно более короткие, чем у быков, полукруглые рога, что позволяет отождествить этих животных с баранами. Такие же головы украшают верхний ряд алтарной стелы четвертого святилища (рис. 58). Уверенность в правильности такого отождествления придает одна из гегамских сюжетных композиций, изображающая полностью фигуры молниеносного быка и барана с точно такой же, как на двинских стелах, головой, в окружении луны, солнца и птицы. Полагая, что в этой композиции бык представляет созвездие Тельца, а баран—созвездие Овна, А. А. Мартиросян видит в ней древнейшую иллюстрацию к легенде о сотворении Вселенной⁶⁵.

Небесная же принадлежность этих животных на двинских стелах подчеркнута совмещением их изображений с другими хорошо читающимися символами: на второй стеле головы баранов расположены на фоне 16 знаковых нам уже по первой стеле провисающих полудуг с насечками, символизирующих воду, точнее, небесный океан (такие же полудуги, направленные в противоположную сторону, имеются и в нижней части стелы); на четвертой же стеле к головам животных вплотную подведены рельефные окружности с налетом посередине—бесспорное изображение солярного знака.

Баран или оза, игравшие наряду с быком огромную роль в хозяйстве населения Кавказа и соседних территорий, издревле становятся здесь объектом почитания, что нашло свое отражение в помещении их изображений не только на алтарях Двина и в наскальных рисунках, но так же в росписях, мелкой скульптуре, рельефах на очагах и на ритуальной посуде. Самые древние, из известных, их рисунки, пожалуй, дают росписи Чатаал—Гююка. Изображениями головок барана, таких как на двинских стелах, нестряет наскальные рисунки Армении. Культ барана бесспорно отправлялся и в упомянувшемся святилище Арпча. Особая его почитаемость здесь отмечена крупным масштабом нескольких фигур баранов (рис. 73) по сравнению с фигурками

⁶⁵ См.: А. А. Мартиросян, указ. соч., с. 30.

других животных и людей⁶⁶, что по всей вероятности, связано с ведущей ролью мелкого рогатого скота при отгонной форме скотоводства, которая в условиях горного рельефа Кавказа в основных своих чертах складывалась уже в III тысячелетии. Любопытно в этом плане находка в Ариче маленькой фигурки пастуха с посохом—персонажа, от которого теперь зависит сохранность стада в древнем обществе. Памятники III тысячелетия характеризуются также находками миниатюрных фигурок баранов и специфическими очажными подставками культового назначения, оформленными в виде закрученных рогов барана.

Следы почитания мелкого рогатого скота, удельный вес которого в хозяйстве со временем возрастает, прослеживается и по находкам более поздних периодов. Особенно эффектный в этом плане материал дают южнокавказские святилища рубежа II—I тыс. до н. э. Устанавливается, что некоторые святилища были связаны с почитанием этих животных. В Ховле, например, вертикальный глиняный алтарь был увенчан четырьмя головами круторогих баранов (рис. 62)⁶⁷, точно таких же, как на ритуальных азербайджанских сосудах из туффида⁶⁸. В Сары-тепе баран почитался наряду с кабаном—их изображения также венчали алтарное сооружение. Множество вещественных следов древних обрядовых действий, посвященных культу барана (овцы), открыто в святилище Мели-Геле I. Здесь оказались изображения баранов на сосудах (в одном случае в пасть барана вползает змея), их небольшие скульптурки, кости мелкого рогатого скота, перемешанные с золотом и служившие для инкрустации различных зооморфных изображений на полу святилища, кучки бараньих астрагалов, наконец женские фигурки с овечьими масками. Культ барана отразился и в погребальных памятниках.

Весьма выразительные материалы по этому культу в Закавказье сохранила этнография. В тех районах Грузии, где особенно было развито овцеводство, до недавнего времени существовали баини, в которых держали священных овец, олицетворявших божество. Зафиксировано, что в сел. Цда, например, культ овцы был связан с божеством плодородия

для Квириа. Божество, покровительствующее мелкому рогатому скоту, было и у еванов. Его имя—Тар бединери. Перед священными овцами или их изображениями в праздничные дни совершались ритуальные церемонии⁶⁹.

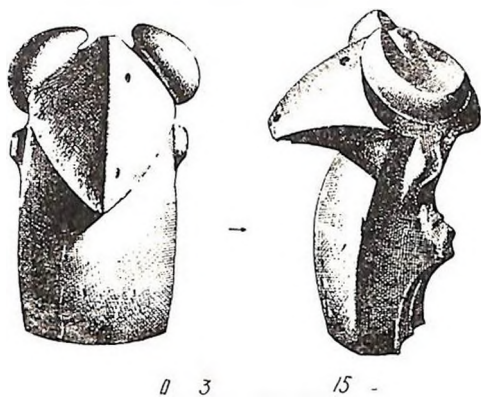

Рис. 73 Аричское поселение. Глиняные фигуры баранов.

Вернемся ко второй двинской стеле. В центре ее, под рельефными головами баранов, на фоне провисающих полудуг поперек всей ее поверхности проходит рельефное волнообразно изогнутое тело змеи с небольшой головкой. Над змеей, у головы и хвоста, помещены те же солярные знаки. Вдоль всего тела змеи распределяются круглые налпы, перемежающиеся с вдавленными кружками, символизирующие, как и на первой стеле, небесные светила. Иными словами, змея здесь так же, как и бараны, имеет астральную сущность.

Археологические и этнографические материалы показывают, каким многоликим образом змеи были в древности. Культ змеи очень характерен для народов древнего Египта, Передней Азии, Греции. Как элемент верхней стихии—неба—она олицетворяла небесную воду, Млечный путь, молнию, летящее копьё. Особенно часто изображения змеи переплетаются с рисунком воды⁷⁰; в определенном сочетании змея олицетворяла воду, как элемент подземного мира или нижней стихии⁷¹. Нако-

⁶⁶ Т. С. Хачатрян. Древняя культура Ширака, Ереван, 1975.

⁶⁷ Очерки истории Грузии, т. I, Тбилиси, 1970, с. 344 (на груз. яз.).

⁶⁸ Г. С. Исмаилов. О некоторых каменных сосудах из древнейших памятников Азербайджана. МКА, VII, Баку, 1973, с. 90.

⁶⁹ К. Н. Ницхелаури. Основные проблемы... Автореферат, с. 69; А. К. Сохадзе, указ. соч., с. 112.

⁷⁰ Н. Я. Марр, Я. П. Смирнов, указ. соч., с. 88; Н. А. Урушадзе. К семантике прикладного искусства... СА, 1973, № 1, с. 67—68.

⁷¹ Б. Б. Пиотровский, указ. соч., с. 29; А. Р. Исраелян, указ. соч., с. 39.

пещ, змея у многих народов считалась также символом плодородия⁷². Многоликость образа змеи была «протена» в свое время И. И. Мещаниновым по росписям на керамике Элама. «Там устанавливается,—пишет он,—связь нижней тверди с твердью верхней и змий не только снабжается крыльями, но отдельные его части витают по небу: Toscana устанавливает рождение молнии со змеиным жалом, а если зигзаг—та же молния, то соединяются водно небо и земля. Получается круг, в который входит небо, земля и преисподняя»⁷³.

Следы почитания змеи прослеживаются по кавказским археологическим памятникам уже с V—IV тыс., когда на керамике начинают встречаться изображения паленных змеек в окружении других символов. Позднее, в эпоху бронзы, этот образ становится составной частью многих символических композиций на поясах, посуде, мечах, топорах, булавах, пряжках. От этого периода осталась большая серия змеиноголовых браслетов, выполнявших роль амулетов⁷⁴. На всех этих предметах изображение змеи было призвано оберегать от злых духов, отгонять их, награждать силой, способностью воспроизводить и пр.

Отголоски древних представлений, оказавшихся чрезвычайно живучими, бытовали в местной среде вплоть до недавнего прошлого. Почти у всех народов Кавказа сохранились предания и сказки, в которых змея является главным персонажем. Змее приписываются сверхъестественные способности вызывания дождя, сохранения влаги, охраны содержимого сосудов. В некоторых районах Армении змеи считались тотемными животными и жили в домах, принося счастье. Существовал обычай кормить этих змей⁷⁵. По верованиям осетин, и сейчас змея, появившаяся в хлеве или доме, считается добрым началом; почитая ее в качестве патрона дома и охранительницы очага, такую змею также кормят. Образ змеи—покровительницы семьи—закреплен и в Сванетии⁷⁶. В грузинских преданиях и в партском эпосе змея также связыва-

ется с волшебной бусинной, «бусинной желанием», приносящей счастье⁷⁷.

Таким образом, изображение на второй алтарной стеле, так же, как и на первой, состоит из элементов верхней стихии—солнца, звезд, небесных баранов (которые, как полагают, символизировали созвездие Овна), змеи и небесной воды. Следовательно, и здесь художник изобразил картину неба.

Мы уже говорили, что стела второго святилища, законсервированная в поле, со временем стала распадаться: отслоилась фасадная облицовка, под которой оказалась более древняя, хуже сохранившаяся поверхность. Последняя была лишена рельефных изображений и сплошь покрыта процарапанным по сырой глине растительным орнаментом «в елочку» (рис. 19).

Замена одного фасада другим, к тому же резко отличающимся своим характером от изображений предыдущего, могла быть продиктована появлением каких-то новых веяний в иконографии культовых памятников Армении. По-видимому, такие изменения в конце II—начале I тыс. до н. э. действительно имели место, в частности у племени Араратской долины, так как иконографические повествования подмечены не только на двинских алтарях, но и на идолах доурартского поселения у Кармир-блур. Здесь в четко читающихся сменявшихся друг друга слоях были найдены две группы каменных идолов⁷⁸. Более архаичные, обнаруженные в жилищах нижнего слоя, оказались покрытыми врезным ветвистым узором, символизирующим «древо жизни» и находящим прямую аналогию в растительном орнаменте на древнем фасаде второй алтарной стелы Двина (рис. 74).

Более поздняя группа кармирблурских идолов, приуроченная ко второму строительному горизонту, характеризуется полным исчезновением ветвистого покрытия и появлением вполне оформленных лицевых частей (рис. 75). Кстати, в Армении к этому периоду должно быть приурочено появление серии антропоморфных идолов, которые стояли в святилищах Мецмора (рис. 76), Гориса, а также в культовых уголках жилых помещений (рис. 77).

⁷² Э. В. Ханзадян и др., указ. соч., с. 124.

⁷³ И. И. Мещанинов. Змея и собака на вещественных памятниках архаического Кавказа, ЗКВ, I, с. 244.

⁷⁴ С. А. Есаян. Бронзовые браслеты Гос. музея Армении, Изв. АН АрмССР, 1964, № 2 (на арм. яз.).

⁷⁵ Х. Самвелян. Культура древней Армении. Ереван, 1931, т. I, с. 195 (на арм. яз.).

⁷⁶ В. В. Бардавелидзе. Календарь сванских народных праздников. Тбилиси, 1939, с. 161 (на груз. яз.).

⁷⁷ Б. В. Техов. Очерки древней истории и археологии Юго-Осетии. Тбилиси, 1972, с. 196; М. Манушк. Из области народной фантазии. СМОМПК, в. XVIII, с. 253.

⁷⁸ А. А. Мартиросян. Идолы из раскопок Кармир-Блур. ИФЖ, 1958, № 2; его же. Город Тейшебаини. Ереван, 1961, с. 69 и сл.

Именно это явление, т. е. тенденцию к антропоморфизации изображений божеств можно констатировать и для Двины, если обратиться к разбору стелы третьего

мы расположены фигуры вписанных друг в друга углов, образованных такими же валиками и насечками.

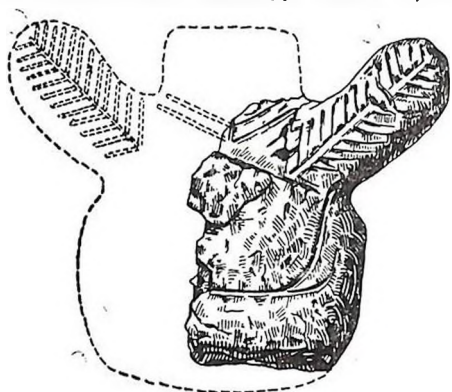

Рис. 74 Каменный идол из доуартского поселения Тейшебанин.

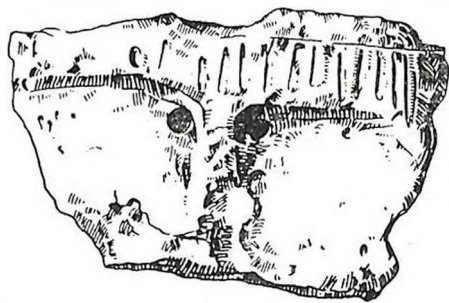

Рис. 75 Каменный идол из доуартского поселения Тейшебанин.

Рис. 76 Мецмор. Глиняный идол.

Рис. 77 Антропоморфные идолы из Армении: 1-сел. Яйджик. 2-сел. Явур. 3-Горисский музей

святилища (рис. 25, табл. XII, XIII, 2). Здесь, на крупной глиняной плите, несколько суживающейся книзу, мы видим нанесенные тем же способом рельефные изображения, скомпонованные в несколько горизонтальных рядов. В двух верхних рядах расположено семь условно трактованных человеческих лиц, в которых некоторые исследователи усматривают мужскую и женскую принадлежность. От самых верхних лиц спускаются как бы волнами знакомые нам полудуги. Ниже, через три прямых горизонтальных валика с насечками, поперек всей поверхности стелы тянется извивающаяся змея в окружении круглых знаков, которые мы «читаем» как символы звездного неба. Затем идет пояс из тех же, но уже семи горизонтальных валиков с насечками, под кото-

Изображения на этой стеле служили уже объектом обсуждения. Так, К. Г. Кафадарян считает, что более крупные человеческие лица на нашей стеле символизируют главных богов языческого пантеона древней Армении, а остальные—второстепенных⁷⁹. Другую идентификацию предлагает А. Р. Исраелян; с ее точ-

⁷⁹ К. Г. Кафадарян. О времени основания города Двина и о языческом храме на вышгороде, ИФЖ, 1966, № 2, рис. 6.

ки зрения, человеческие лица здесь воплощают небесный мир или какое-то созвездие, связанное одновременно с культом предков⁸⁰. Обе трактовки не противоречат друг другу в том плане, что образы эти должны быть воплощением верхней, небесной стихии.

Божественная сущность человеческих изображений хорошо увязывается с расположенными ниже волнами небесной воды в виде характерных полудуг и фигурой змеи, быть может в том же значении. Иными словами, две верхние трети стелы оказываются связанными с астральным миром.

Рис. 78 «Солнечные» подвески-амулеты.

Трактовка нижних треугольников как символов гор (т. е. земли) вполне укладывается в рамки представлений древнего человека о мироздании как о трех стихиях. Однако, если два круглых налета на этих треугольниках должны символизировать какие-то светила, то изображенные здесь горы являлись скорее всего священными. Почитание гор и горных перевалов—широко распространенное явление у многих древних и современных народов. Горы в условиях Кавказа издревле играли огромную роль в хозяйстве аборигенов; отголоски их почитания до сих пор сохранились в местной среде⁸¹. Отгон скота на высокогорные пастбища, охота, добыча руды, защита от врагов и пр., все это было связано с пребыванием человека в горах. Естественно, что в прикладном искусстве Кавказа тема гор должна была воплотиться в определенной условной символике. Помимо треугольных фигур, в значении гор выступал орел, тесно связанный с горным ландшафтом и олицетворяв-

ший горное божество. Графическое слияние гор и орлов наглядно демонстрируют элементы орнаментального пояса знаменитого шахтагинского сосуда. Символом гор как будто бы должна была считаться и змея со знаком треугольника вместо головы.

Таким образом, композиция на алтарной стеле третьего святилища складывается из тех же элементов неба. Если же изображенные здесь горы должны были символизировать землю, то и это не противоречило бы космогоническим представлениям древнего человека.

Остается разобрать композицию четвертой стелы (рис. 58, табл. XXVIII, 2). В ее верхней части расположены все те же три бараньи головы, к каждой из которых подведен традиционный солярный знак—окружность с точкой посередине. Солярные знаки различной величины в сочетании с астральными символами размещены и в других частях стелы, причем солярные знаки как бы пронизывают всю композицию. Это придает более конкретный аспект отправляемому в Двине культу и еще раз подтверждает, что баран, в частности, здесь также связывался с солнечным божеством.

Под верхними, самыми крупными солярными символами расположены полудуги в значении воды. Астральная сущность последних акцентирована небольшими символическими кружками вдоль этих изображений. Нижняя треть стелы в своей верхней части содержит те же острые углы, которые должны были, по-видимому, обозначать горы.

Особенно ярко в этой композиции отразился культ солнца, отправлявшийся древнейшим населением Кавказа повсеместно⁸². Это нашло свое яркое преломление в разнообразных культовых предметах и наскальных композициях. Изображениями солнца являлись круглые подвески-медальоны, встречающиеся постоянно в памятниках эпохи бронзы Кавказа (рис. 78) и доживающие в значении амулетов предохранительной силы, скажем, в архаичной дагестанской среде вплоть до наших дней⁸³. Любопытно, что такие солярные медальоны изготавливались, в частности, в двинской металлообрабатывающей мастерской,

⁸⁰ А. Р. Исраелян. Автореферат, с. 6; ее же. Культ и верования..., с. 38.

⁸¹ Ст. Лисицян. «Святыни» у перевалов. СЭ. 1936, № 4—5, с. 20; Г. Ф. Чурсин. Почитание гор, скал и камней у кавказских народов. БКИЛТИ в Тифлисе. № 4. 1948, с. 19; Л. И. Лауров. Донсламские верования адыгейцев и кабардинцев. ТИЭ, т. I, 1959, с. 196 и сл.; Н. Е. Урушадзе. К семантике..., рис. 2, с. 61.

⁸² О культе солнца на Кавказе см.: А. Р. Исраелян. Культ и верования..., с. 44; С. А. Есаян. Амулеты, связанные с культом солнца из Армении. СА, 1968, № 2; А. А. Мартиросян. Первобытные неоглифы Армении..., с. 13.

⁸³ А. А. Миллер. Элементы неба на вещественных памятниках. Изв. ГАИМК, вып. XLV, рис. 12.

около самих святилищ, где почиталось солнечное божество (рис. 43).

Согласно некоторым древневосточным мифам, солнечное божество выступало то в человеческом образе, то в образе животных; с ним, в зависимости от времени года, были связаны образы птицы и льва, солнечными оказывались и кони. С солнцем, по сходству, отождествлялось колесо, которое в свою очередь имело тесную связь с повозкой и нагруженными в нее быками. Отсюда встречающиеся часто в наскальных изображениях Армянской повозки и быки должны восприниматься как синонимы солнечного божества.

Почитанием солнца пронизаны верования кавказских народов и в последующие времена. В грузинском пантеоне периода раннеклассового общества одно из божеств верховной триады—Мзе или Мзе-кали—было связано с солнцем⁸⁴. Солнце олицетворял в армянском эпосе сасунский богатырь Мгер⁸⁵. Солнцепоклонники, объясняющие жизнедеятельность всех живых существ воздействием солнечного божества, управляли свой культ в раннесредневековой Армении. Известно, что крупнейший теолог V в. Езник Кохбацци вел борьбу с язычниками, в том числе и солнцепоклонниками⁸⁶. Позднее, в XII в. эту борьбу продолжал католикос Нерсес Шнорали. Наконец, отголоски этих верований в обрядах и поговорках существуют на Кавказе и поныне. Ст. Лисицкиан сообщает, что еще в конце XIX в. в армянской среде старики и старухи поклонялись солнцу и луне и произносили молитвы перед восходом или закатом, обращаясь к этим главным светилам⁸⁷.

Итак, возвращаясь к нашим святилищам, мы видим, что символические знаки четвертого алтаря варьируют в пределах изображений, знакомых по трем предыдущим стелам. Это все та же картина небосвода, небесного океана, только здесь доминантой является солнце.

В целом, изображения на наших стелах представляют собой определенный, четко отобранный набор символов неба; это солярные и астральные знаки, антропоморфные существа в значении небесных духов или божеств, небесные вода, быки, бараны, змея. Разумеется, символика неба, представленная

на наших стелах, отнюдь не исчерпывала понятий о небе, которые сложились у древнего человека. Они были во много раз сложнее. С небом, как уже говорилось, связывались образы птицы, льва, коня, колеса, повозки, летящего коня и топора в значении грома и молнии, и многие другие. По остроумному замечанию Н. Я. Марра, «приходится мириться с тем, что у понятия «небо» столько же семантических аспектов, сколько звезд на небе»⁸⁸.

Неоднократное повторение одних и тех же символов на двинских алтарных стелах говорит о широко применявшейся в религиозной практике Кавказа того времени условно-символической системе, приближающейся по своему значению к пероглифическим обозначениям. Заметим, что подобная точка зрения была уже высказана на основе анализа других категорий памятников—наскальных изображений, керамики и бронзовых поясов⁸⁹. С помощью этой системы художники, оформлявшие двинские алтари скорее всего по заданию местного жречества, в определенной мере отражали представления племен древней Армении о мироздании. Это понятия о первородном небесном океане и трех горизонтах или трех стихиях. Все символы на наших стелах оказываются связанными с верхней стихией или небом, которое являлось источником благодати для человека тех времен и было тесно связано с плодородием земли.

Итак, взоры молящихся в двинских святилищах людей были обращены к небу, воплощением которого были алтарные «иконы». О чем же они молились? Судя по неизменно повторяющемуся на каждой стеле в разных символических интерпретациях сюжету воды, древние земледельцы Араратской долины взывали к небу прежде всего о том, чтобы на их поля пролилась живительная влага и урожай был обильным. В основе идеи плодородия, тесно связанной с водной стихией, у многих древних земледельческих народов лежал образ богини Матери-Прародительницы, Владычицы неба и всей живой природы⁹⁰. В честь Прародительницы всего сущего—Матери богов Адити исполнялись самые древние гимны

⁸⁸ Н. Я. Марр. Из семантических дериватов «неба». ДАН СССР, 1924, с. 24.

⁸⁹ А. А. Мартиросян. Первобытные пероглифы Армении...; его же. Древние пероглифы Армении...; Н. А. Урушадзе. К семантике...

⁹⁰ Б. А. Рыбаков. Космогония и мифология... ч. I; Е. О. James. The Cult of Mother-Goddess. London, 1959; R. Briffault. The Mothers, A study of the Origins of Settlements and Institutions. London, 1927, v. III.

⁸⁴ В. В. Бардавелидзе, указ. соч., с. 11.

⁸⁵ И. А. Орбели. Армянский героический эпос, Ереван, 1956, с. 120.

⁸⁶ Езник Кохбацци. Книга опровержений, Ереван, 1968.

⁸⁷ Ст. Лисицкиан. Армяне Нагорного Карабаха.

Ригведы⁹¹. Образ Адити переплетался с небесными и земными водами. Народный эпос сохранил имя одной из древнейших богинь армянского языческого пантеона. Это великая Цовинар—богиня водной стихии и плодородия⁹². Письмена многих народов донесли до нас образы древних богинь и других языческих пантеонов; они оказываются тесно связанными с водой, плодородием земли, пробуждающейся природой, умножением скота, продолжением рода человеческого. В Египте это была Хатор-Изида, в Шумере—Нингурсаг, Иннана-Иштарь, в Иране—Ардви, в Греции—Гея, в Армении—Анаит, в Грузии—Нана. Многие из них известны нам по дошедшим изображениям.

Изображения богинь мы находим и в двинских святилищах, рядом с нашими «небесными» алтарями. Все они решены в абстрактно-символической манере, но в каждом случае по-разному. Первый женский идол, найденный в четвертом святилище, стоял прислоненным к алтарной стеле и являлся тем самым как бы неотъемлемой его частью. Идол оформлен, как мы уже говорили, в виде овального корытообразного сосуда, выпуклая часть которого являлась его фасадом (рис. 57). Высота идола 65—70 см. К сожалению, голова и нижняя его часть оказались утраченными. Два симметричных конусообразных выступа в верхней трети тела указывают на женскую принадлежность идола. Часть поверхности покрыта косой штриховкой, напоминающей как бы складки одежды. Вместе с тем, общий характер рисунка, сходный с рисунком на открывшемся древнем фасаде стелы второго святилища, не оставляет сомнения в том, что в основе его лежит растительный сюжет. Итак, скорее всего перед нами изображение женского божества в соотнесении с каким-то растением.

Во время просмотра керамической коллекции древнего Двина наше внимание привлёк один из сосудов, форма и орнаментация которого отличались от остальных (рис. 30, 2; табл. XV, 2). Высота сосуда около 60 см. Необычность его заключалась прежде всего в трех вытянутых вверх цилиндрических горловинах, средняя из которых наверху несколько расширялась и украшенная верхней половиной широкого биконического тулова шестнадцатью конусовидными выступами. Находка этого сосуда на территории святилища, а так-

же уникальность его формы и декорации указывали на необходимость его смыслового «прочтения». При сопоставлении нашего сосуда с другими культурными реалиями Кавказа нами было обращено внимание на сходство его трех горловых частей с верхним очертанием женских каменных идолов доурартского поселения Тейшебаши: три направленных вверх отростка изображали здесь голову и поднятые к небу руки, а растительное покрытие их давало повод видеть в них одновременно женское и растительное (древо жизни) начало (рис. 79). Таким образом, не оставалось сомнения в том, что двинский сосуд являлся прежде всего идолом. Тогда шестнадцать соседних налетов в верхней его половине должны были традиционно выступать в значении женской груди, тем более, что аналогично трактованные в виде заостренных выступов грудь имеется не только что описанном двинском первом идоле, а также на серии женских статуэток древней Армении. По-видимому, перед нами лик какого-то второго божества.

Третий идол отличается от предыдущих своими миниатюрными размерами (рис. 24, табл. XXII, 1). Высота его была всего 10,5 см. Верхняя часть оказалась, к сожалению, отломанной. Это стройная абстрактно трактованная фигурка с широкими треугольными отростками по бокам, которыми традиционно, как на ряде архаичных среднеазиатских скульптурках, обозначаются руки. Поверхность фигурки, спереди и с боков покрытая неправильно прочерченными по сырой глине полукругами, напоминающими складки женской одежды, а также условно трактованные в виде врезных линий вдоль спины длинные волосы указывают на женскую принадлежность нашего идола. Необычность изображения усугубляется множеством неравномерно нанесенных на поверхность точек. Асимметричный характер распределения этих точек и вместе с тем некоторая закономерность в их размещении говорят о том, что они не имели чисто орнаментального характера, а скорее несли определенную символическую нагрузку.

Бросается в глаза и миниатюрность идола, придающая фигурке портативный характер. Последнее наводит на мысль, что подобно маленьким кавказским и среднеазиатским моделям алтарей⁹³ наш идоличек не являлся стационарным атрибутом убранства святилища, а скорее мог служить для совершения

⁹¹ Б. А. Рыбаков, указ. соч., ч. 1, с. 33.

⁹² В. А. Бдоян, Земледельческая культура в Армении. Автореферат, Тбилиси, 1968, с. 114.

⁹³ П. Н. Хлобин, Модель крупного жертвенника из Ялангач-депе, КСИА, вып. 98, 1964, с. 47; К. Х. Кушнера, Т. Н. Чубиншвили, Древние культуры, с. 166.

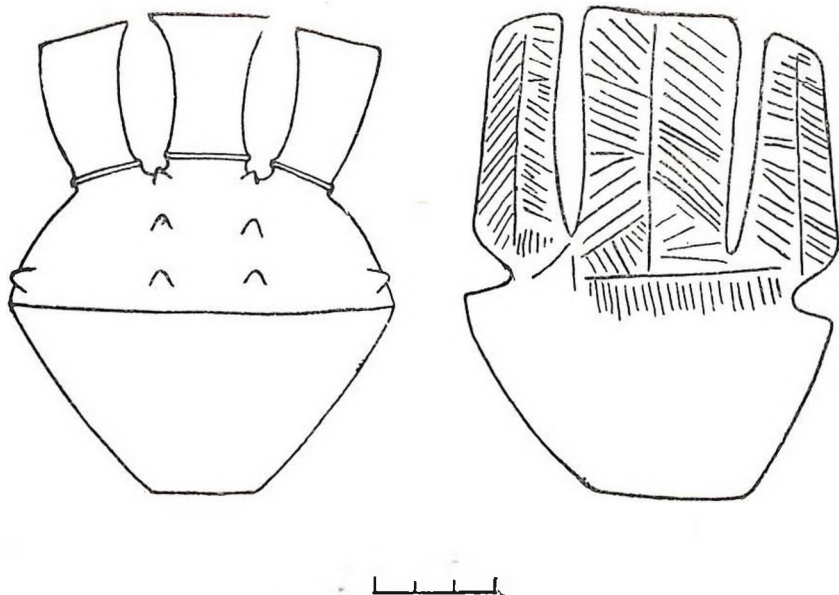

Рис. 79 Сосуд-идол из святилища Динна и каменный идол из доурартского поселения Тейшебани.

молитвенных обрядов за их пределами, в местах, где не было алтарей или крупных изображений божеств.

Вопрос о том, какие божества олицетворялись нашими идолами—один из самых сложных. Что это—три ипостаси одного и того же божества или изображения разных персонажей? Языческая действительность многих древних народов насчитывала в своих пантеонах множество божеств, которые олицетворяли различные явления в природе и даже отдельные вещи. Шумерский пантеон, где соблюдалась строгая иерархия, насчитывал, например, несколько сот богов и богинь, из которых 50 было «великих» и семь «вершающих судьбы»⁹⁴. Боги имели антропоморфный облик. «Каждое из этих антропоморфных, но сверхъестественных существ,—пишет С. Н. Крамер,—ведаёт определенной частью мироздания и действует по строго определенным правилам. Одному поручено следить за землей, другому—за небом, остальным кому за морем, кому за воздухом, кому за тем или иным небесным телом (солнцем, луной, отдельными планетами и т. д.). В шумерском пантеоне были божества, ведавшие урагана-

ми, бурями, ветрами в атмосфере; реками, горами и равнинами на земле. Были особые божества для каждого города, страны, плотины, канала, для каждого поля и хозяйства и даже божки для таких орудий труда, как мотыга, плуг, форма для выработки кирпича»⁹⁵. И. М. Дьяконов считает, что религиозные верования шумеров пронизаны культами местных общинных божеств с чертами божеств плодородия⁹⁶.

Множеством богов отличался и урартский пантеон, ставший известным благодаря открытию ванской ланидарной надписи «Мхер-Капуси». Здесь упоминается 79 богов, причем место их на иерархической лестнице строго определено объемом приносимых им жертвоприношений. Во главе урартского пантеона стояла верховная триада⁹⁷.

Политеизм и строгую иерархию богов языческого пантеона донесла до наших дней и кавказская этнографическая действительность. В скрупулезно и убедительно восста-

⁹⁴ С. Н. Крамер. История начинается в Шумере. М., 1965, с. 101.

⁹⁵ И. М. Дьяконов. Общественный и государственный строй древнего Двуречья. М., 1959, с. 16.

⁹⁷ Б. Б. Пиотровский. Ванское царство. М., 1959, с. 221.

⁹⁴ В. М. Массон. В. И. Сарганияди. Среднеазиатская терракота эпохи бронзы. М., 1973, с. 100.

повеленном В. В. Бардавелидзе пантеоне богов протоберийских племен насчитывалось три великих и множество мелких общинных божеств. Каждое божество было наделено своими специфическими чертами и олицетворялось определенными символами.

Различными символами наделены и двинские идолы. На первом, помимо женской груди, мы видим растительный орнамент, который бесспорно выступает в значении «древа жизни», являвшемся олицетворением идейной сущности культа плодородия. Это позволяет нам осторожно высказать предположение, что, очевидно, главным предназначением богини, воплощенной в первом двинском идоле, было покровительство плодородию растительного мира.

Богиня с «древом жизни» — едва ли не самый популярный образ в древней мифологии. В разных иконографических интерпретациях он проходит через все религии земледельцев Переднего Востока. Так, одна из главных богинь шумерского пантеона — Инна — покровительница плодородия, изобилия, растительного мира, являвшаяся центральной фигурой аграрной мистерии, имела в качестве эмблемы тростниковую ветвь⁹⁸. В различных шумерских мифах Инна то высаживает дерево в саду и ухаживает за ним, то окропляет «водой жизни» деревья, заставляя их расти. Богиней растений в шумерских мифах была и Утту. Священное дерево являлось объектом почитания в урартской религии⁹⁹.

С веткой оливкового дерева изображалась и армянская богиня плодородия Анаит — покровительница растительного мира. Как свидетельствуют армянские историки, перед ее алтарным изображением обычно клали венки и пышные ветки. Ей были посвящены особые леса¹⁰⁰. Кстати, мотив «древа жизни» и в средневековые широко бытует в прикладном искусстве Армении¹⁰¹. По-видимому, подобных же богинь в древности олицетворяла группа южнотуркменистанских женских фигурок с веткой растения на груди¹⁰².

В связи со сказанным, вернемся к третьему двинскому идолчику с загадочными точ-

ками на его импровизированной в виде полудуги одежде. Крайняя условность всего изображения в целом не позволяет однозначно расшифровывать его символику. Тратовка знаков может быть различной. Так, небрежно прочерченные по сырой глине полудуги при сопоставлении с только что разобранными аналогичными изображениями на алтарях должны как будто бы символизировать воду. Тогда рассыпанные по ней точки, так же как и кружки на небесной воде четвертого двинского алтаря, могут выступать в значении астральных тел, указывающих на то, что и здесь вода оказывается связанной с небом. Если предположить эту трактовку верной, то тогда наш идолчик, подобно «госпоже небес» шумерской Иннае, «дочери чистых небес» лагашской Гатумдур или особенно тесно связанной с водной стихией богиней Нанше¹⁰³, быть может олицетворял какое-то местное божество, связанное с небесными водами.

Однако точечное оформление идолчика вызывает и другие ассоциации. Из археологических параллелей Армении следует вспомнить двурогий алтарь аринского святилища III тыс., покрытый врезными линиями и точками, (рис. 62,2), которые Т. С. Хачатрян трактует как борозды и брошенные в землю зерна¹⁰⁴. На память приходят также трипольские статуэтки из глины, перемешанной с зерном, фигурки с вложенными внутрь глиняными шариками, имитирующими зерна, или покрытые точечной росписью¹⁰⁵. Напомним, что точечное покрытие имеют и некоторые архаичные египетские и критские статуэтки¹⁰⁶. Эти атрибуты, символизирующие «зерна жизни», демонстрируют идейную сущность подобных фигурок. Учитывая «зерновую» основу многих древних женских статуэток, можно предложить и вторую рабочую гипотезу — рассыпанные по поверхности нашего идолчика точки,

¹⁰³ В. М. Массон, В. И. Сарцианиди, указ. соч., с. 109—110; E. Dhorme. Les religions Babylonie et d'Assyrie, «Mana», II, Paris, 1949, p. 114.

¹⁰⁴ Т. С. Хачатрян. Древняя культура Ширака.

¹⁰⁵ С. Н. Бибииков. Раннетрипольское поселение Лука-Врублевская на Днестре. МИА СССР, № 38, 1953, табл. 77, 78, 80, 82, и др.; А. П. Кусургаева. Антропоморфная пластика из поселения Новые Русеши I. КСИА, в. 123, М., 1970, с. 69; А. П. Погосева. К вопросу о технологии изготовления раннетрипольских статуэток. КСИА, в. 134, М., 1973, с. 32.

¹⁰⁶ R. Ucko. Anthropomorphic figurines of predynastic Egypt and neolithic Greece with comparative material from the prehistoric Near East and Mainland Greece, London, 1968, p. 50, fig. 51, p. 240, fig. 154.

⁹⁸ В. М. Массон, В. И. Сарцианиди, указ. соч., с. 104, 108.

⁹⁹ Б. Б. Пиотровский, указ. соч., с. 228.

¹⁰⁰ К. В. Мелик-Пашаян. Культ богини Анаит, Ереван, 1963 (на арм. яз.).

¹⁰¹ С. Ш. Минацаканян. Армянское орнаментальное искусство. Ереван, 1955, с. 14.

¹⁰² В. М. Массон, В. И. Сарцианиди, указ. соч., рис. 13.

возможно, следует воспринимать как зерна хлебных злаков. Тогда оформление спускающихся вдоль спины длинных волос в виде пересекающихся линий, образующих квадраты и прямоугольники, быть может, следует рассматривать как засеянное поле. Заметим, что знак «поле с зерном» часто встречается в земледельческой символике Триполья и ряда других культур¹⁰⁷. Присутствие же воды на нашей фигурке, традиционно переданной полудугами, не может противоречить такого рода объяснению, т. к. вода является основным условием для всхода посевов.

Такая трактовка, в свою очередь, коррелируется с определенным образом богинь зерна, донесенным до нас мифами древности. Р. Бриффо в числе четырех прототипов, к которым восходят все женские божества, называет «мать-зерно»¹⁰⁸. С идеей зерна, скорее всего, следует связывать первоначальный образ шумерокой богини мудрости Нинданы¹⁰⁹. Более конкретное предназначение имеет богиня Ашнан; она «хранительница зерна» и одновременно его олицетворение¹¹⁰. В значении «мать-зерно» выступает позднейшая греческая богиня Деметра—герония элевсинских мистерий, являвшаяся обрядовым выражением культа плодородия. Статуи богинь, олицетворявших идею зерна, очевидно, стояли и в закавказских святилищах. Одна из них была найдена в предрартском святилище Мецамо-ра (рис. 76)¹¹¹. Ее верхняя часть была украшена орнаментом, имитирующим отпечатки зерен.

Следы почитания зерна отразились в армянском фольклоре и эпосе. Здесь следует вспомнить образ Матери Земли (старуха Нанэ), которая вместе с дочерью питается ячменем своего маленького поля¹¹². Дальним отголоском культа зерен хлебных злаков можно считать одну армянскую песню, где термин «орнаментированное зерно» выступает в значении талисмана, обеспечивавшего хороший урожай¹¹³. Наконец, этими же мотивами пронизаны некоторые загадки¹¹⁴.

Таким образом, оба двинских идола олицетворяли богинь плодородия с различными

предназначениями. Причем, можно думать, что первая из них должна была быть покровительницей растительного мира, а вторая, разумеется, если принять последнее ее осмысление, имела более конкретное предназначение—являлась духом зерна.

Наконец, обратимся к третьему идолу—сосуду с тремя высокими вытянутыми вверх горловинами, имитирующим голову и поднятые руки. (рис. 79). Как было сказано, его антропоморфный характер установлен нами по аналогии с неоднократно упоминавшимся каменным идолами Кармир-блур, голова и руки которых оформлены в виде трех направленных вверх отростков. Теперь смысловому прочтению поддаются аналогичные сосуды, найденные и в других местах Армении, а также в Грузии; это сосуд из Лори-бердского могильника¹¹⁵, случайная находка из Арзни¹¹⁶, а также сосуд из кургана в урочище Судуга, в Кахетии (рис. 80)¹¹⁷.

Рис. 80 Сосуд-идол из кургана в урочище Судуга.

О том, что двинский идол символизировал женское божество, говорят шестнадцать соседних паленов на верхней его половине, которые должны «читаться» как многократное повторение женской груди.

Весьма характерна и поза нашего идола—обращенные к небу руки. Образ божества в позе магического заклинания, влетающий

¹⁰⁷ В. А. Рыбаков, указ. соч., ч. I, рис. 7, 17; рис. 8.

¹⁰⁸ R. Briffault. The Mothers, p. 47.

¹⁰⁹ E. Dhorme, op. cit., p. 136.

¹¹⁰ С. Н. Крамер, указ. соч., с. 134.

¹¹¹ Э. В. Ханзадян и др., указ. соч., рис. 142—143.

¹¹² Н. А. Орбели, указ. соч. Ереван, с. 104.

¹¹³ А. Ш. Мнацаканян, указ. соч., с. 93.

¹¹⁴ С. Б. Арутюнян. Отражение древневосточной жатвенной мифологии в загадке о пшенице. ИФЖ, 1969, № 11, с. 67.

¹¹⁵ С. Г. Деведжян, Лори-бердский могильник, СА, 1974, № 2, рис. 11, 7.

¹¹⁶ Хранится в Гос. историческом музее Армении.

¹¹⁷ К. Пицхелаури, Ш. Ледабришвили. Предварительные итоги полевых работ Кахетской археологической экспедиции. «Друзья памятников культуры», № 33, Тбилиси, 1973 (на груз. яз.).

в иконографию многих древних религий, хорошо знаком и по культовым памятникам нашего ареала. Вспомним женские божества плодородия Чатал-Гююка или изящную фигурку на сосуде из открытого недавно энеолитического поселения Храмис Диди-гора (рис. 81)¹¹⁸. Помимо кармирблурских идолов, это близкие к ним антропоморфные стелы ме-

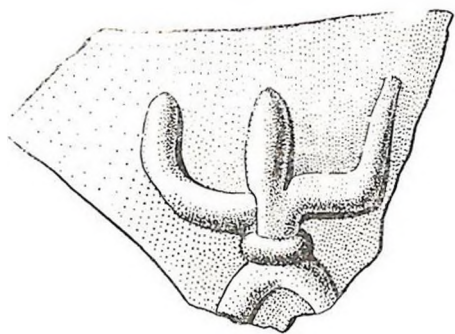

Рис. 81 Изображение божества на сосуде из Храмис Диди-гора.

наморских святилищ, а также изображения божеств в наскальных композициях, на керамике и бронзе. К той же серии изображений следует отнести фигуру адоранта, выбитую на кизыльванской намогильной плите¹¹⁹. Кстати, точечным покрытием эта фигура несколько напоминает дивинский миниатюрный идолчик.

Акцентировка женского начала многократной условной передачей женской груди в виде круглых или сосцевидных напелов — сюжет, достаточно распространенный в керамическом искусстве многих древних народов¹²⁰. Очевидно, этот символ следует «читать» как благопожелание людям, чтобы сосуды их всегда были наполненными. Однако наиболее выразительными в этом плане являются многогрудые арханские женские статуэтки. Их мы знаем по серии убедительных фигурок богинь или духов, иногда с головами рептилий и младенцами на руках; помимо обычной женской гру-

ди, на плечах этих фигурок имеются напелы — шишечки, выступающие в том же значении¹²¹. Этот иконографический образ богини встречается также в древностях Средней Азии¹²². Наконец, древней Артемидой назвал Б. А. Рыбаков арханскую антропоморфную статуэтку из Моравии¹²³. Культ многогрудой Артемиды Эфесской является позднейшим воплощением почитания древних многогрудых богинь, имена которых навсегда для нас утеряны. Греческая Артемида, культ которой связан с глубокими традициями, своим главным предназначением имела покровительство плодородию людей и животных¹²⁴. Вероятно, с какой-то подобной сферой божественной деятельности в представлениях людей было связано божество, которому поклонялись в одном из святилищ Двина и олицетворением которого являлся наш многогрудый идол.

Сам факт обнаружения антропоморфного сосуда с подчеркнутым женским началом — явление отнюдь не уникальное. Антропоморфные сосуды стали появляться в Передней Азии, начиная с хассусского времени (Хассуна, Тель эс-Савван)¹²⁵; позднее они получили широкое распространение в эгейском мире (Троя и др.)¹²⁶. Идейное содержание определенных женских сосудов-идолов хорошо раскрывают их кавказские этнографические параллели. В деревнях Армении, например, и сейчас бытуют глиняные и тканевые сосуды с подчеркнутыми женскими признаками, в которых обычно хранится соль (табл. XXX). Соль, согласно древним армянским верованиям, связывается с плодородием, благополучием дома¹²⁷.

Итак, перечисленные выше иконографические признаки идолов указывают на то, что божества, представленные ими, являлись олицетворением плодородных сил земли, стимулирующих рост растений и злаков, способству-

¹¹⁸ Л. Глonti, А. Джавахишвили, Т. Кизурадзе. Антропоморфные фигурки из Храмис Диди-гора «Друзья памятников культуры», № 33, Тбилиси, 1973, рис. 11 (на груз. яз.).

¹¹⁹ А. А. Нессен. Изображение человека на плите из Кызыл-Ванка. КСИА, 1963, вып. 94, рис. 32.

¹²⁰ См., например, Б. А. Рыбаков, указ. соч., рис. 10; А. А. Формозов. Прикубанье в эпоху каменного века и неолита. М., 1965, рис. 34, 65.

¹²¹ Г. Чайлд. Древнейший Восток в свете новых раскопок. М., 1956; табл. XVIII; В. М. Массон. Средняя Азия и древний Восток. М.—Л., 1964, рис. 27; В. М. Массон, В. Н. Сарганиди, указ. соч., рис. 10.

¹²² В. Н. Сарганиди. Энеолитическое поселение Геокюр. Груды ЮТАКЭ. Х. Анхабад, 1960, табл. XII.

¹²³ Б. А. Рыбаков, указ. соч., рис. 11, 1.

¹²⁴ E. James, op. cit., p. 151.

¹²⁵ J. Oates. The Baked Clay Figurines from Tell-ess-Savvan. Iraq, 1966, XXVIII, p. 2.

¹²⁶ H. Bossert. Altanatolien, Berlin, 1942, fig. 54.

¹²⁷ В. А. Бодян. Армянские солонки с фигурой женщины как конспирация статуи богини Анаит. Материалы по этнографии Грузии, т. XV—XVII Тбилиси, 1972, стр. 261.

ющих плодородию людей и животных. Различия же этих признаков, так же как, скажем, различия в знаках на среднеазиатских статуэтках¹²⁸, должны были, по-видимому, подчеркивать конкретные предназначения, определенные стороны богинь плодородия, которыми они наделялись.

Таким образом, символика идолов, так же, как и символика алтарных стел, вводит нас в мир языческих божеств и духов, назначение которых, если их воссоединить, сводилось к покровительству плодородия в самом широком, всеобъемлющем смысле этого слова.

В эти представления полностью вписывается и символика изображений, которые мы находим на сосудах. Вообще, при просмотре керамической коллекции с открытого участка доурартского Двина обращает на себя внимание одна любопытная особенность—здесь почти полностью отсутствует посуда, связанная с повседневной-бытовой стороной жизни его обитателей. Редко встречаются, в частности, так называемые кухонные сосуды (грубые неглазурованные горшки разных размеров), служившие для варки и подогрева пищи. Посуда либо очень крупных, либо миниатюрных размеров покрыта отличным лощением, имеет нестандартные формы и несет на себе отпечаток какого-то особого, парадного величия, которое должно быть интерпретировано лишь в увязке с функциональным назначением открыток в Двине культовых комплексов.

Сосуды в помещении, примыкавшем к третьему святилищу, представляли значительную часть керамической коллекции. Среди них резко выделяется группа больших сильно раздутых карасов высотой 0,7—1 м, сплошь покрытых символическими изображениями. Карасы эти, как выясняется, служили для хранения и освящения обрядового зерна. Характерной особенностью изображений на них является предельная их насыщенность солярными знаками. Сосуды как бы пронизаны этими знаками, что роднит их, в частности, с алтарем четвертого святилища. По поводу наиболее сложной композиции на одном из этих карасов А. А. Мартиросян и А. Р. Исраелян пишут следующее: «Изображения эти расположены в отдельных узких, или широких, горизонтальных поясах в следующем порядке: под венчиком сосуда резной техникой выведены гирлянды кружков и большие солнечные рисунки с крестообразной сердцевинной, которые оставляют впечатление звездного неба.

Под ними в отдельной, очень широкой полосе, между крупными солнечными изображениями расположены налепные фигуры козлов, оленей и других животных-светил с астральными или лунными символами вместо глаз и длинными лучеобразными когтями. В этой среде астральных и зооморфных фигур центральное место занимают антропоморфные солнечные божества, наделенные «лучистой» головой, распростертыми руками, растопыренными пальцами, с дубиной или копьем, в значении покровителя животных. Здесь присутствуют также фигуры фантастических вишавов с рыбьим торсом, змеиной головой, лучистым окончанием ног и крыльев. Олицетворяя собой идею грома-молнии и сонутствуя солнечному божеству, эти фантастические существа, вероятно, также связываются с культом плодородия в качестве представителей небесной воды и других могучих сил стихии. В остальных поясах описываемого сосуда те же самые астральные знаки изображены в сочетании с остроконечными шипечками и фигурами длинных извивающихся змей... Те же божества солнца, грома-молнии, стихии выступают в своих доурартских формах и почти в двинских хронологических рамках, в урартской глиптике, на так называемых «ассирийских» печатях, в нескольких иных сочетаниях. Интересно, например, изображение фаллического солнечного божества с «лучистыми конечностями», вместе с древом жизни и крылатым конем-негасом. Здесь, несомненно, подчеркнута земледельческая функция божества. На двух сторонах другой урартской печати представлены аналогичная фигура стоящего бога-громовика и такая же коленопреклоненная фигура солнечного божества под ассирийским крылатым диском ашшурсолища. Эти глиптические изображения указывают не только на то, что в урартской религии божества стихии мыслились и изображались в общей взаимосвязи, как в наскальных рисунках, но и на то, что они носили формы древних петроглифов, несмотря на значительные собственно урартские или ассирийские интерполяции. Разница, по сути, заключается в том, что «пешине» бог-громовик древних петроглифов в урартских изображениях выступает на спине быка и носит малоазиатское название бога Тешуба, равно как солнечное божество получает мусасирское имя Ардини или собственно вавилонское имя Халди»¹²⁹.

Изображения на втором карасе выполне-

¹²⁸ Е. В. Антонова. К вопросу о происхождении и смысловой нагрузке знаков на статуэтках анаусской культуры. СА, 1972, № 4, с. 5.

¹²⁹ А. А. Мартиросян, А. Р. Исраелян, указ. соч., с. 41.

ны в той же манере—врезной техникой, сочетающейся с рельефом (рис. 26; Табл. XI). Верхний ряд многоярусной композиции занимают традиционные кружки и шишечки, символизирующие звездное небо. Ниже идет центральный широкий пояс, в котором изображены пререальные фигуры козлов, с отходящими от рогов и конечностей «лучами». Они не стоят, а находятся как бы во взвешенном состоянии. Над каждым из них—крупный солярный знак. По бокам сосуда изображены фантастические птицы, от которых также отходят лучеобразные штрихи. В этой детали содержится намек на то, что здесь представлены астральные животные, они как бы сияют на небосводе. Ниже—рельефная ползущая змея в том же звездном окружении.

Третий карас (рис. 27; Табл. X, 1) номимо описанных символов имеет дополнительно в верхней части скульптурно стилизованные головки молодых безрогих бычков, точно таких же, как на серии чернолощенных двинских сосудов. Затем следует пояс бегущих козлов с длинными рогами, моделированных рельефом, еще ниже, друг под другом, две рельефные ползущие змеи—все на фоне солярных и астральных знаков.

Центральный пояс четвертого караса состоит из тех же рельефных бегущих козлов, в трех других поясах—прочерченные волнистые линии, охватывающие корпус сосуда: они либо символизируют змей, либо выступают в значении воды. Крупные астральные знаки, разбросанные по всему корпусу сосуда, дополнены зигзагообразным обрамлением, намекающим на то, что звезды мерцают (рис. 20; Табл. IX, 2).

Пятый карас как бы окольцован тремя рельефно выполненными ползущими змеями, две верхние из которых сопровождаются все теми же «мерцающими звездами» (рис. 28; Табл. IX, 1). Наконец, последний карас лишен небесного фона; никаких изображений, кроме двух змей, на нем не имеется. Здесь обращает на себя внимание одна деталь—тело верхней змеи покрыто рисунком, имитирующим кожу, в то время как нижняя лишена такого покрова (рис. 29).

Двинские ритуальные карасы, покрытые сложными символическими изображениями, резко контрастируют с основной массой хорошо известной и достаточно разнообразной посуды Армении начала I тыс. до н. э. Они имеют прямые параллели лишь в одном памятнике этого времени—в ритуальной посуде святилища Мецамор. Однако мецаморские карасы, также предназначенные для хранения

обрядового зерна, лишены сложных композиционных сцен¹³⁰. Здесь лейтмотивом является змея, окольцовывающая корпус сосуда. В одном случае тела двух змей, так же как в Двине, покрыты рисунком, имитирующим кожу.

К ритуальной посуде должна быть отнесена также серия менее крупных чернолощенных котлов, неизменно украшенных в верхней части тремя рельефными головками молодых бычков и бесспорно связанных с отпразднованием в Двине культом быка (рис. 23; Табл. XVII). Если большие сосуды с небесными козлами и змеями служили для хранения связанного с обрядами зерна, то в бычеголовых котлах, по-видимому, готовилась ритуальная пища. В упорно повторяющихся головках молодых бычков быть может содержится намек на то, что в жертву приносились именно такие животные. Кстати, бычеголовые сосуды, имеющие аналоги в доурартском поселении Тейшсбанин, нашли свое воплощение и в урартских материалах, где они встречаются не только в глине, но и в металле¹³¹. Еще позднее мы их встречаем в слоях эллинистического времени в том же Двине. Только теперь они светло-ангобированные с расписной орнаментацией¹³².

Итак, комплекс символов, представленных на ритуальной посуде, примерно повторяет комплекс символов, известных нам по алтарям. Это—бык, змея, астральные и солярные знаки. Новым мотивом здесь являются козлы, небесная сущность которых подчеркнута их пререальными формами и звездным окружением. Образ этих животных, часто встречающихся в различных иконографических интерпретациях на паскальных изображениях, на посуде, бронзовых поясах, подвесках-амулетах, тесно переплетается с космическими и астральными образами и представлениями древних абортенов Кавказа, выражает все ту же идею грозно-могущих¹³³. Некоторые изображения козлов Б. Б. Пиотровский связывает с охотничьей магией. Козлам, как и на двинских сосудах, чаще всего сопутствуют один и те же символы—солнечный диск и змея. Идейную «грозную» сущность конкретного образа—козла с расходящимися от спины и ног лучами, которого мы видим на одном из двин-

¹³⁰ Э. В. Ханжадян и др., указ. соч., рис. 120—123.

¹³¹ Б. Б. Пиотровский. Ванское царство. М., 1959, табл. X IV, рис. 38—39.

¹³² Г. Кочарян. Керамика Двина эллинистической эпохи. ВОН. 1974, № 5, рис. 8.

¹³³ Об этом подробно см.: Б. Б. Пиотровский. Археология Закавказья, с. 87; А. А. Мартиросян, указ. соч., с. 21.

ских ритуальных сосудов, как нельзя лучше выражает одна армянская поговорка: «Сам козел, спина — некра»¹³⁴.

Наконец, особняком стоит относительно небольшой асимметричный сосуд со смещенной пабой горловиной (рис. 56; Табл. XXI, 2): он был обнаружен перед алтарной стеной четвертого святилища, в пределах центрального квартала. Горло сосуда и ручку украшают налены в виде головок каких-то фантастических птиц с подчеркнуто большими глазами и закругленным клювом. Весь корпус же сосуда охвачен как бы отпечатками трехналых птичьих лап, глубоко процарапанных по сырой глине; впереди эти фигуры замыкаются изображением креста.

Комплексе символов на этом сосуде не имеет аналогий в Двине, однако он хорошо известен по другим памятникам культового назначения — пашкальным рисункам и керамике III—II тыс. до н. э. Здесь птицы представляются в разных сочетаниях — с солнечным диском, луной и звездами, с почитаемыми астральными животными — быком, бараном, козлами. Образ птицы выступает как дериват неба и связан, судя по целому ряду мифов и поверий, с весенним солнцем, пробуждающей природу¹³⁵.

Таким образом, символические изображения на двинских культовых сосудах так же, как и на алтарных стенах, отображают все те же могучие силы верхнего горизонта (небесный океан, солнце, звезды, гром-молнию), связанного с плодородием земли. Если же принять точку зрения, что образы некоторых почитаемых животных (бык, баран) олицетворяли и в древности конкретные созвездия Зодиака (Телец, Овен), упоминаемые в VII в. в трудах Анания Ширакаци¹³⁶, то в отправлявшемся в Двине культе плодородия, нашедшего свое отражение, в частности, в изображениях на алтарях именно этих животных, обряды, посвященные весеннему солнцу, пробуждению и обновлению природы, должны были занимать значительное место. Ибо эти созвездия в календаре древних земледельцев могли символизировать весенние месяцы.

Культе плодородия, зафиксированный письменными источниками у ряда древних

народов, облекался в сложную и многозначительную процедуру¹³⁷. Дополнительный и очень яркий материал привносят, как мы видим, данные археологии, особенно те, которые получены в результате раскопок святилищ. В Двине — это алтари с изображением астральных божеств и их символов, женские идолы, тесно связанные с растительным миром, ритуальная посуда, обрядовое зерно, различные сельскохозяйственные орудия, астрагалы, штампы для ритуальных хлебцев. Расшифровать все эти атрибуты в какой-то мере удастся лишь привлекая этнографические параллели. Кавказ в этом плане донес до нас очень многое.

В двинских святилищах, перед алтарями и изображениями божеств, безусловно, проходили сложные церемонии. Как показал анализ алтарных изображений, где символы воды присутствуют повсюду, здесь во время религиозных церемоний значительное место должно было быть отведено молениям о дожде и влаге. Последнее представляется вполне объяснимым в условиях резко континентального, засушливого климата Армянского нагорья, где земледелие было главной отраслью хозяйства. Бесспорно, с этим обрядом были связаны не только алтари, но и определенные ритуальные сосуды, в частности сосуды с изображением змей, олицетворявших воду. На некоторых из них мы видим только змей, на других — змей с растительным орнаментом, либо с фигурами козлов, небесная принадлежность которых акцентирована особой символикой.

Напомним, что некоторые крупные карасы, поверхность которых «околыцована» телом ползущей змеи, были наполнены зерном; точно такие же карасы стояли и в мечаморских святилищах. И если змея на этих сосудах должна была восприниматься в значении воды, то, вероятно, это должно было означать благопожелание, сводящееся к формуле — «чтобы зерно было полно». Предназначение такого зерна, найденного в святилищах, как будто бы расшифровывается с помощью некоторых этнографических данных. До недавнего времени, например, армяне Нагорного Карабаха приготовленные к посеву семена освящали в церкви.

С обрядом вызывания дождя как будто бы связываются некоторые детали убранства святилищ Мечамоора. Здесь, в верхних частях глиняных антропоморфных алтарей и расположенных возле них жертвенников обнаруже-

¹³⁴ С. Б. Арутюнян. Армянские народные загадки. Ереван, 1965 с. 111 (на арм. яз.).

¹³⁵ Об этом подробнее см.: А. А. Миллер. Элементы неба... Б. Б. Пиотровский, указ. соч., с. 92; А. А. Мартиросян, указ. соч., с. 63.

¹³⁶ А. Ширакаци. Космология и календарь. Ереван, 1940, с. 20 (на арм. яз.).

¹³⁷ См. подробно: А. Р. Исраели. Культы и верования... с. 142.

по множеству чашеобразных углублений, как бы обращенных к небу¹³⁸. Согласно трактовке Э. В. Ханзадяна, эти своеобразные молитвенные чаши служили для совершения обрядов, направленных на получение небесной влаги. Кстати, такие же глиняные чаши имеют синхронный культовый комплекс Нацар-гора в Юго-Осетии, что указывает на близкий характер совершавшихся там обрядов. Моления, связанные с вызыванием дождя, совершались, судя по археологическим остаткам, и у многих других древних народов. У трипольцев, в частности, по мнению Б. А. Рыбакова, с этой целью возносились к небу специальные молитвенные чаши, иногда с изображением женской груди, часто в сочетании со змеей, воплощавшей Великую богиню неба и дождя¹³⁹.

Отголоски подобных представлений сохранялись в кавказской народной среде еще до недавнего времени. Обряды, направленные на борьбу с засухой, занимали значительное место в религиозных верованиях многих кавказских народов¹⁴⁰. С. Лисицян, наблюдавший различные обряды у армян Карабаха, пишет следующее: «Глубокой древностью несет от обычаев, связанных с вызыванием дождя в засуху, и обратное, с вызыванием солнца во время продолжительных ливней. В соху вместо волов впрягалось несколько пар женщин, а другие их погоняли, обливая водой и браня самыми площадными словами. «Волы» в платье заходили в ручей, канаву или лядью для водной уродника и проводили соху несколько раз борозды по воде, а вся толпа женщин вызвала к небу, прося испослать дождя. Затем, помолвившись в церкви и зажечь свечи, приносили общественную жертву»¹⁴¹. Очень сходный обряд совершался во время засухи в некоторых армянских селах Загезура¹⁴² а также у курдов Лачинского района. В последнем случае обязательным условием было выражение в соху старых вдов¹⁴³. Любопытно, что все эти обряды выполнялись женщинами, тогда как мужчины оставались лишь зрителями. Этнографы объясняют это тем, что эти архаичные обряды восходят к периоду за-

рождения сошного земледелия, когда в роли пахаря выступала еще женщина.

В памяти ряда народов Кавказа сохранились и другие обряды, направленные на получение влаги и обычно сопровождаемые песнями. Армяне, зывая о дожде, обращались к женскому божеству, которое именовалось по-разному—Нурин, Чоли или Году¹⁴⁴; кумыки молились божеству Земпре¹⁴⁵. С магией вызывания дождя связан и обряд обрызгивания водой, доживающий в распространенном в Армении и Малой Азии популярном народном празднике Вардавар¹⁴⁶.

У адыгов подобный обряд носит название ханше-гуанше—«лопата-хозяйка». Грузины во время обряда носят куклу Лазаре¹⁴⁷. Абхазы оформляют лонату в виде куклы и кладут ее на зажженный плот, который затем пускают по реке. Кумыки для подобного обряда делали куклу из крутого теста, она была ростом с новорожденного ребенка¹⁴⁸. Ее также носили к реке и поливали водой.

В связи с почитанием в Двине «древа жизни», изображения которого мелькают то на груди идола, то на фасаде алтарной стены, то на ритуальных сосудах, обращает на себя внимание одно любопытное обстоятельство: в одной из ям третьего святилища были найдены обгорелые ветви винограда, присутствие которых в культовом помещении вряд ли можно рассматривать как находку случайного характера. Быть может, объяснение этого факта следует искать в этнографической действительности Грузии, где в качестве священного дерева с незапамятных времен почиталась высокоствольная виноградная лоза, обвивающаяся вокруг чинара. Именно такое священное дерево видит В. В. Бардавелидзе в изображении на ритуальном серебряном кубке из пятого кургана Триалети, по времени несколько предшествовавшего нашим святилищам¹⁴⁹. В хевсурских, пшавских, хакетинских и др. обрядовых песнях повествуется о том, что у врат божества растет чинар или подобное ему дерево, на вершине которого имеются посевные виноградные гроздья¹⁵⁰. Вокруг этого дерева юноши и девушки совер-

¹³⁸ Э. В. Ханзадян и др., указ. соч., рис. 110, 113.

¹³⁹ Б. А. Рыбаков, указ. соч., ч. 1, рис. 1—3, 10.

¹⁴⁰ В. А. Бдолян, указ. соч., с. 467.

¹⁴¹ Ст. Лисицян, Армяне Нагорного Карабаха (рукопись), с. 132. Хранится в архиве ЦАЭ АН Арм.ССР.

¹⁴² Ст. Лисицян, Армяне Загезура, Ереван, 1969, с. 129 (на арм. яз.).

¹⁴³ Г. Гудиев, Материалы о культе воды в Азербайджане, ДАН АЗССР, 1961, № 11 (на азерб. яз.).

¹⁴⁴ В. А. Бдолян, Автореферат, с. 120.

¹⁴⁵ С. III. Гаджиева, Кумыки, М., 1961, с. 323.

¹⁴⁶ Ст. Лисицян, Очерки этнографии дореволюционной Армении, КЭС, М., 1955, с. 264.

¹⁴⁷ Ш. Д. Пнал-Пна, Абхазы, Сухуми, 1965, с. 125.

¹⁴⁸ С. III. Гаджиева, указ. соч., с. 324.

¹⁴⁹ Б. А. Кудфин, Археологические раскопки в Триалети, табл. СХII.

¹⁵⁰ В. В. Бардавелидзе, указ. соч., с. 55 и сл.

ируют обрядовые танцы, во время которых они вкушают виноград. Не съевшие спелые виноградные ягоды умирают безвременю. Таким образом, согласно древним верованиям, спелые ягоды священной виноградной лозы сохраняли людям жизнь, иными словами, растущая в святилищах высокоствольная лоза почиталась здесь как «древо жизни и изобилия», являвшееся символом божества.

В приведенных сведениях для нашей темы представляют особенный интерес два обстоятельства: во-первых, сам факт почитания виноградной лозы, которая в древнем центре виноградарства—Аратской долине¹⁵¹—должна была играть не меньшую роль, чем в долинах Восточной Грузии; во-вторых, традиция посадки виноградной лозы в святилищах. Напомним, что у восточногрузинских горцев культивирование деревьев в святилищах являлось одной из главных форм почитания божеств этих святилищ. Принадлежность выращенных в святилищах деревьев к категории «древя жизни» подчеркивалось существовавшим еще до недавнего времени архаичным обрядом «подкапывания» к ним младенцев, символически имитирующим рождение последних от божества¹⁵². Священным деревьям повсюду поклонялись и в армянской народной среде¹⁵³.

Почитание виноградной лозы, дающей питательный сок, у многих кавказских народов тесно переплетается с культом вина¹⁵⁴, улавливающегося и по некоторым археологическим памятникам. Выращивание винограда, судя по находкам в поселениях Шому-тепе и Шулаверис-гора косточек культурного его вида¹⁵⁵, практиковалось в Закавказье по крайней мере уже с V—IV тыс. до н. э. Для III—II тыс. до н. э. нам известен сорт *vitis vinifera* из поселений Хизанаант-гора, Сары-

тепе, Узерлик-тепе¹⁵⁶. Написанные в первых веках I тыс. до н. э. многочисленные ассирийские и урартские клинописные тексты красочно повествуют о разведении виноградников в широком ареале расселения племен Урарту—в бассейнах озер Ван и Урмия, а также рек Арацани и Верхнего Тигра¹⁵⁷.

Но особенно яркие и красноречивые материалы о виноградарстве в Аратской долине происходят из крепости Тейшебани, исследованной в течение многих лет Б. Б. Пиотровским. По приведенным подсчетам, здесь в специально отведенных просторных кладовых хранились запасы вина общим количеством 400 тысяч литров¹⁵⁸. При этом, помимо косточек *vitis vinifera*, принадлежащих чрезвычайно распространенному в наши дни в Армении сорту Воскеат (Харджи), находки документируют разведение и других сортов—Мсхали, Аратати и Черного винограда. Все это говорит о высокой культуре виноградарства в древней Армении.

Можно предполагать, что виноградный сок—вино, культ которого хорошо известен по пережиточному этнографическому материалу Закавказья, был связан с какими-то обрядами в интересующее нас время. В какой-то мере это может быть подтверждено и данными археологии; так, в центре одной из кладовых урартской крепости Тейшебани, где хранились большие запасы вина, был обнаружен глиняный жертвенник со следами возжигания огня, куряльца и глиняные фигурки богов—хранителей здоровья, отгонявших злых духов¹⁵⁹. Соседнее с этой кладовой помещение было заполнено огромным количеством пержеженных костей молодых особей крупного и мелкого рогатого скота, оставшихся здесь в результате жертвоприношений¹⁶⁰. Таким образом, в урартских винных кладовых совершались какие-то церемонии, направленные, скорее всего, на предохранение и освящение вина.

Эти археологические данные хорошо кор-

¹⁵¹ Б. Б. Пиотровский, указ. соч., с. 142; Н. В. Арутюнян, Земледелие и скотоводство Урарту. Ереван, 1964, с. 117.

¹⁵² В. В. Бардавелидзе, указ. соч., с. 61.

¹⁵³ Ст. Лисицян, Армяне Нагорного Карабаха, с. 131.

¹⁵⁴ Н. С. Топурия, Из истории материальной культуры грузинского народа (обычаи, связанные с виноградарством и виноделием в Западной Грузии). Автореферат, Тбилиси, 1954.

¹⁵⁵ Н. Г. Нариманов, О земледелии эпохи неолита в Азербайджане, СА, 1971, № 3, с. 4; О. М. Джанридзе, А. Н. Джавахишвили, Результаты работы Кюмо-Картлийской археологической экспедиции (1965—1966 гг.), «Маци», 3, Тбилиси, 1967.

¹⁵⁶ В. М. Негруль, Археологические находки семян винограда, СА, 1960, № 1, с. 117; Н. Г. Нариманов, Древнее «святнище» (пир) в Казахском районе позднебронзового века, ДАН АЗССР, т. XVI, № 2, 1960, с. 208; К. Х. Кушнерова, Новые данные о поселении Узерлик-тепе, с. 99.

¹⁵⁷ Н. В. Арутюнян, указ. соч., с. 102.

¹⁵⁸ Б. Б. Пиотровский, Некуство Урарту, Л., 1962, с. 40.

¹⁵⁹ Б. Б. Пиотровский, Кармир-блур, II Ереван, 1952, с. 40.

¹⁶⁰ Б. Б. Пиотровский, указ. соч., с. 23—24.

респондируются с верованиями некоторых кавказских равнинных и предгорных жителей, согласно которым забота о получении обильного урожая винограда выражалась в религиозных и магических действиях, молитвах и жертвоприношениях¹⁶¹. В деревнях Армении, например, ежегодно в середине августа, в праздник Богоматери, в церквях происходило освящение винограда. По этому поводу священник произносил специальную молитву¹⁶². В некоторых районах Грузии в новогоднюю ночь выпекались ритуальные хлебцы в форме виноградной кисти. Любопытно, что культ вина и виноградного сока у грузин привел не только к почитанию виноградной лозы, олицетворявшей «древо жизни», но и к почитанию самого винохранилища (марани), которое считалось священным и оберегалось от злых духов и дурного глаза¹⁶³. Марани обычно располагались около святилищ.

У многих кавказских народов все более или менее значительные моменты в жизни человека—рождение ребенка, помолвка, свадьба, похороны, семейные и общественные праздники,—сопровождались ритуальным распитием вина дома, в виноградниках и специальных винохранилищах. Как недавно убедительно показал С. Б. Арутюнян, обычай этот своими глубокими корнями восходит к архаичному обряду торжественных пиршеств, суть которых заключалась в приобщении к богу¹⁶⁴. Последнее осуществлялось через жертвоприношение священного животного, символизировавшего бога, и поедание его мяса. Без вина не обходились и боги. Посвященное богам вино носило специальное название; у грузин оно называлось *зедаше*. *Зедаше* готовили из урожая, в частности, полученных с виноградников, принадлежавших сельским святилищам. Оно употреблялось в общине храмовые праздники. Коллективная форма потребления посвященного божествам вина, с точки зрения В. В. Бардавелидзе, служит одним из свидетельств древности *зедаше* и, следовательно, культа винограда и виноградного сока, поскольку эти формы представляют собой пережитки общинных *зедаше*, посвящаемых из виноградников, находившихся в общинных владениях¹⁶⁵.

Обращение к двинским святилищам как будто бы дает дополнительный материал по

затронутой теме. Напомним, что одно из помещений этого культового комплекса было буквально забито различными сосудами. Среди них оказалась серия кувшинов с сильно раздутым туловом и узким высоким горлом (рис. 30; табл. XIV, XV). Эти сосуды, емкостью 15—20 литров, без всякого сомнения должны были служить для временного хранения вина, предназначавшегося, очевидно, для ритуального распития во время церемонии. Любопытно, что именно к этой серии должен быть причислен трехгорлый сосуд-идол, олицетворявший, как мы уже пытались показать, какое-то женское божество. Если наше предположение правильно, то винное содержание идола, обладавшее божественной силой почитавшегося издревле виноградного сока, семантически слитого с «древом жизни» (олицетворявшегося в Закавказье виноградной лозой) вероятно было призвано усилить связь представленного идолом женского божества с идеей плодородия. Помещение же, в котором находились сосуды для вина, функционально напоминало восточногрузинские хранилища—марани, считавшиеся священными.

На возлияния, происходившие в древних святилищах во время церемоний, указывают обычно также миниатюрные кувшинчики, емкостью 0,1—0,3 литра, служившие винными бокалами. В двинских святилищах такие сосудики обнаружены в количестве нескольких десятков (рис. 22). Та же картина наблюдается в святилищах Катнахлеви, Мели-геле. В последнем, расположенном в славящейся своими виноградниками Алазанской долине, возлияния принимали массовый характер, о чем красноречиво говорят 50 тысяч таких бокалов, окончившиеся за длительное время на культовой площадке¹⁶⁶. Присутствие же миниатюрных сосудов в некоторых могилах, вероятно, следует воспринимать как свидетельство обряда тризны, совершенного во время похорон¹⁶⁷.

Итак, мы установили, что главные церемонии в святилищах Двина были связаны с отправлением различных аграрных культов, что вполне увязывается с земледельческой экономикой племен, расселенных в конце II—начале I тыс. до н. э. в плодородной Араратской долине. Забота об урожае и размножении скота—вот основная идейная направлен-

¹⁶¹ И. С. Топурия, указ. соч., с. 6.

¹⁶² К. В. Мелик-Нашаян, указ. соч., стр. 137.

¹⁶³ В. В. Бардавелидзе, указ. соч., с. 65—66;

И. С. Топурия, указ. соч.

¹⁶⁴ С. Б. Арутюнян, Реликты благословения...

¹⁶⁵ В. В. Бардавелидзе, указ. соч., с. 68.

¹⁶⁶ К. Н. Ницхелашури, указ. соч., табл. XXV—XXVI.

¹⁶⁷ А. А. Мартиросян, Т. С. Хачатрян, Комплекс изделий из могильника Такна. Изв. АН АрмССР, № 11—12, 1959, рис. 9—10.

ность пропеходивших здесь церемоний. Однако среди всей массы археологических документов, указывающих на отравление земледельческих культов, есть прямое свидетельство о том, что в Двине происходили также церемонии, связанные с охотничьим промыслом. Мы имеем в виду уникальный глиняный кубок из первого святилища с охотничьими сценами (рис. 13; Табл. VIII). Эта интереснейшая находка вполне увязывается с той значительной ролью охоты, которую она играла в хозяйстве племен Закавказья во II—I тыс. до н. э. Б. Б. Пиотровский подчеркивает усиление ее роли в связи с переходом к отгонной форме оководства. Очевидно, весной, перед угоном стад на высокогорные пастбища—яйлагы, рядом с которыми располагались лесные массивы охотничьих угодий, в святилищах—в долинах и на равнинах—совершались церемонии, направленные на реализацию удачного охотничьего сезона. Об этом повествует серия предметов искусства (бронзовые пояса, сосуды и др.) с нанесенными на них сложными композиционными сценами магического характера. Летом, оказавшись в горах и продолжая испытывать потребность в совершении религиозных обрядов, пастухи и охотники, нанося на скалы различные магические сцены, устраивали для себя временные, сезонные культовые заповедники.

Двинокский кубок, слепленный из двух продольных половинок, из которых дошла до нас лишь одна, имел емкость примерно около одного литра. Поверхность его покрыта тончайшей гравировкой и своим техническим оформлением прямо напоминает хорошо всем известные гравированные бронзовые пояса Закавказья. Это пока единственный предмет из глины, украшенный с такой необычайной тонкостью и изяществом. Необычна и форма кубка, имеющая лишь несколько аналогий в древних памятниках Закавказья и Ирана; широкая раструбная воронка горловины постепенно суживается к средней части, которая предназначалась для обхвата рукой; ниже идет опять незначительное расширение, переходящее в небольшое плоское дно.

Отсутствие подобных сосудов в бытовых и хозяйственных памятниках Кавказа, характер тех комплексов, в которых они были найдены (святилища, погребения), и, наконец, специфика изображений на всех известных экземплярах заставляют не сомневаться в специальной культовой атрибуции этих сосудов. Находки сосудов-кубков в богатых погребениях Самтавро, Триалети, Гостибе¹⁶⁸

как будто бы свидетельствуют также об употреблении их во время тризны с последующим положением в могилу умершему. Характерной особенностью перечисленных грузинских находок является сплошное «ковровое» покрытие поверхности врезным геометрическим орнаментом, в который иногда вкомпанованы схематичные фигуры животных.

Другая группа кубков, выполненных в золоте и бронзе, ведет свое происхождение из районов северо-западного Ирана. Это золотые сосуды из погребений Амлаша¹⁶⁹, тене Гиссара¹⁷⁰, а также серия бронзовых кубков из Луристана¹⁷¹. Особенно интересны два луристанских сосуда: на одном изображены священные животные—козлы с солярными знаками над ними¹⁷², на другом—птица, солярные знаки и стилизованные растения, выступающие скорее всего в значении «древа жизни»¹⁷³.

Датировка всех известных южнокавказских и иранских кубков укладывается в рамки первых веков I тыс. до н. э. Однако кубки такого рода употреблялись и раньше. Их мы видим в руках участников процесса и сидящего божества на знаменитом серебряном кубке из пятого триалетского кургана¹⁷⁴. Композиция на кубке не раз привлекала внимание исследователей, однако несколько ограниченный, чисто искусствоведческий подход к ее интерпретации неизменно рождал концепции, которые не трудно было опровергнуть¹⁷⁵. Подробный анализ этого интереснейшего сюжета, предпринятый В. В. Бардавелидзе с позиции изученных ею древних пережитков в верованиях грузинских племен, привел автора к выводу о том, что здесь показаны «общинные божества, которые собрались у врат своего племенного патрона и под его главенством выполняют обряд «славословия» в глав-

Триалети, рис. 66—68; М. А. Менабде, Триалети в эпоху поздней бронзы—раннего железа. Автореферат. Тбилиси, 1973, с. 13, табл. III.

¹⁶⁹ R. Ghirshman, Iran, Paris, 1964, fig. 36.

¹⁷⁰ Survey of Persian Arts, London—New-York 1938, v. IV, pl. 21 A.

¹⁷¹ Op. cit., p. 69 D.

¹⁷² Op. cit., pl. 68 B.

¹⁷³ L. Vanden Berghe, De Bronscultuur van Luristan, Brussel, 1968, fig. 15, II.

¹⁷⁴ Б. А. Куфтин, указ. соч., с. 90, табл. XCI.

¹⁷⁵ III, Я. Амрачанашвили, История грузинского искусства, т. I, М., 1950, с. 30; П. Ушаков, Хеттская проблема. К вопросу о генезисе и взаимоотношениях индоевропейских и картельских языков. ТТГУ, XVIII, Гюмри, 1941, с. III.

¹⁶⁸ Б. А. Куфтин, Археологические раскопки в

ный праздник племени»¹⁷⁶. При этом происходит традиционное расщепление священного пашткы.

Композиция на двинском кубке представляет не меньший интерес. Поверхность его разбита тонким горизонтальным пояском на два широких яруса, в пределах каждого из которых разворачивается определенная сцена. Кстати, таким принципом распределения изображений наш кубок напоминает ритуальный фаянсовый кубок с Кипра¹⁷⁷.

К сожалению, отсутствие второй половины двинского кубка, а также сильно пострадавшие от пожара изображения на найденной его части не позволяют восстановить целиком круговую композицию.

В верхнем ярусе два стоящих друг над другом охотника стреляют из луков, очевидно, в каких-то животных, фигуры которых, к сожалению, не сохранились. На охотниках птичьи маски, длинные камзолы, затянутые в талии, широкие шаровары и высокие мягкие сапоги с загнутыми носами. Они только что выпустили свои стрелы из небольших луков: правая рука еще высоко поднята в воздухе.

За пешими лучниками, очевидно, мчалась колесница; изображение последней, так же как и фигура на ней, к сожалению, утрачены. От этой группы сохранились лишь четыре коня в подчеркнuto стремительном беге. Две средние лошади взяты в упряжку, третья, правая, — пристяжная; крайняя левая несется свободно. На дышле колесницы сидит птица. Еще две птицы парят в воздухе. Здесь же пасется козлик.

В нижнем ярусе сохранился лишь торс охотника. На нем птичья маска и сплошной комбинезон, напоминающий птичье оперение; любопытно, что левая рука охотника, держащая щит, имеет как будто бы форму птичьей лапы с характерным рудиментарным пальцем. Над ним парит птица. Перед охотником какое-то пасущееся животное (сохранилась лишь задняя часть), над которым также парит фигура птицы.

Вся композиция производит, на первый взгляд, странное впечатление. С одной стороны, она как будто бы реалистична (охотничьи доспехи лучников, упряжка лошадей). Однако реалистический план резко нарушается лучниками и фигурой «ряженого» охотника с его птичьими лапами. Скорее всего, здесь изображены лесные духи или божества, тем более, что вся композиция сопровождается изобра-

жениями птиц, неизменно выступающих на культовых памятниках как символ неба. Композиция, как мы сказали, сохранилась не полностью. За конями, бесспорно, неслась колесница с возницей в кузове. Реконструировать эту часть изображений нам в какой-то мере помогают сцены на других памятниках искусства Кавказа, в частности на бронзовых поясах¹⁷⁸, семантически связанных с небом («пояс» — «арка» — «небесный свод») и имевших значение предохранительной силы¹⁷⁹. Особенно интересен в этом плане пояс из 14-го погребения Астхилурского могильника¹⁸⁰. На нем изображена аллегорическая сцена охоты, в которой участвуют пешие лучники и конные конейники в львиных масках, а также колесницы, запряженные четырьмя конями. В открытом кузове каждой из трех колесниц стоит женская фигура с плетевидным предметом в правой руке; кстати, такой же атрибут имеет фигура возницы на известном дилижанском сосуде¹⁸¹. Кроме того, одна из астхилурских фигур в левой руке держит щит с изображением креста, издревле олицетворявшего солнечное божество. Композиция с двух сторон замыкается фигурами оленей.

Повторяющиеся женские фигуры на астхилурском поясе интерпретируются как изображения жриц или богини, благославляющей охоту. Этот образ приводит на память женский антропоморфный образ духа зверей — богини Дали, запечатленный в героическом эпосе, ритуальных обрядах и хороводных песнях некоторых горных кавказских народов (сваны, рачины и др.), сохранявших до недавнего времени архаический слой фольклора¹⁸². Богиня эта именуется по-разному: она «Королева Дал», «Лесная царница», «Повелительница зверей», «Госпожа зверей». Дали не одна: есть «Дали скал», «Дали вод», «Дали леса». Дали имеет отношение и к погоде, она может наслать наводнение, снежный обвал, бурю. Она покровительница зверей: туров,

¹⁷⁸ См.: А. Р. Исраелян. Охотничьи сцены на бронзовых поясах...; см. же. Культ и верования...

¹⁷⁹ Б. Б. Пиотровский. Археология Закавказья, с. 95

¹⁸⁰ С. А. Есаян. Погребение № 14 Астхилурского могильника. ИФЖ. 1967, № 1, табл. II.

¹⁸¹ А. А. Мартиросян. Армяны в эпоху бронзы... рие. 46; С. А. Есаян, Г. А. Оганесян. Каталог археологических предметов Дилижанского краеведческого музея. Ереван, 1969, табл. XVI, с. 127.

¹⁸² Е. Вирсаладзе. Образы хозяев леса и воды в кавказском фольклоре. IX МКАЭН. Доклады советской делегации. М., 1973, с. 7; см. же. Грузинский охотничий эпос. Автореферат, Тбилиси, 1963.

¹⁷⁶ В. В. Бардавелидзе, указ. соч., с. 104.

¹⁷⁷ H. G. Buchholz, Vassos Karageorgis, Berlin, 1971. p. 454. NN 1671a, 1671b.

олений, ланей, коз, косуль и когда хочет, дарит их охотникам. Ежегодно, в феврале, в день праздника плодородия в Сванетии исполняется целый цикл песен, связанный с этими сюжетами и сопровождается ритуальными плясками и песнями. В числе их—ритуальный плач о погибшем по воле хозяйки зверей охотнике, который исполняется на месте его воображаемой гибели, у подножия скалы в сел. Жабеш (1800 м над уровнем моря). Такие же церемонии до недавнего времени устраивались и в Раче у подножия скалы недалеко от сел. Геби (1700 м над уровнем моря).

Таким образом, в образе Дали выступает многоликое божество, объединяющее различные образы божественной природы. Дали тесно связана и с культом плодородия. Образы многоликих богинь—покровительниц охоты и леса—сохранил фольклор и ряда других народов. Это, например, эскимосская Седна, немецкая Лорелей¹⁸³. Согласно мнению этнографов¹⁸⁴, богини плодородия—«Великие матери богов» первоначально были горными божествами. В период господства охоты это были хозяйки гор, лесов и зверей. С переходом же к земледелию образы их трансформирова-

лись в образы богинь плодородия; архаичный, первоначальный облик этих богинь проглядывает то в известном изображении Кибеллы, стоящей на горе с двумя львами, то в рассказе Гомера о том, что Рея когда-то была богиней гор и охоты, то в легенде об Аттисе, где боги рисовались в образах пастухов и охотников.

Сказанное позволяет высказать осторожное предположение, что и на двинском кубке могло быть изображено женское божество, осяцающее представленную перед ним охоту. Тогда и остальные фигуры композиции получают свой особый символический смысл: кони и птицы должны были выступать в значении солнца и леба, ряженные охотники—в значении лесных божеств или духов. В целом же вся композиция на нашем кубке была призвана отобразить сцену магической охоты, совершающейся под покровительством главного божества.

Таковы некоторые предварительные итоги, вытекающие из изучения материалов двинских святилищ. К сожалению, многое другое за давностью времени оказалось навсегда утраченным. Но и то, что сохранилось, донесло до нас отголоски сложных и многозначных явлений, происходивших в сфере религиозной жизни населения Армении в первых веках I тыс. до н. э. А это, в свою очередь, значительно обогащает наши представления по истории духовной культуры древнего населения Кавказа в целом.

¹⁸³ A. D. Jensen. *Mytos und Kult bei Naturvölkern*. Wiesbaden, 1951, p. 174.

¹⁸⁴ Л. Я. Штернберг. *Первобытная религия в свете этнографии*. Л., 1936, с. 385. 417.

ГЛАВА IV

ДВИНСКАЯ МЕТАЛЛООБРАБАТЫВАЮЩАЯ МАСТЕРСКАЯ И КУЛЬТ МЕТАЛЛА

Памятники религиозного характера составляли лишь часть открытого на Двинском холме древнего комплекса. Мы уже упоминали, что во время препарации преарартского слоя в Двине была выявлена одна любопытная закономерность—на раскрытом пространстве площадью около 1000 кв. м встречались предметы либо культового, либо производственного назначения. Последние строго локализовались на участке между первым и вторым святилищами и вместе с открытыми здесь каменными фундаментами стен представляли собой остатки мастерской по обработке металла и изготовлению ювелирных изделий. Стратиграфическими наблюдениями была установлена синхронность мастерской с находившимися по соседству двумя святилищами.

Мастерская открыта не полностью: ее северный участок остался под мощным пятиметровым средневековым слоем. Однако вскрытая (большая) часть мастерской предоставила в распоряжение археологов достаточно выразительный и разнообразный материал. Топография находок в границах мастерской проливает некоторый свет на размещение производственных участков в пределах последней. Так, в северной ее части рядом с металлургическим горном были обнаружены глиняное сопло и бесформенные кусочки металла, оказавшиеся, как показали анализы, отходами производства. Здесь происходила плавка слитков и металлолома, а также отливка изделий. Несколько южнее на сравнительно небольшом

участке (около 15 м²) была сконцентрирована большая часть бронзовых изделий (их свыше 30). Здесь же находились формы для отливки наконечников стрел, бус и других украшений, а также медная болванка и несколько слитков металла. Бесспорно, часть готовых изделий отлита тут же, на месте. Лучшим доказательством этому служат, в частности, отлитые в первой форме наконечники стрел с «неуклюжими», непомерно длинными крыльями (рис. 16, 1; Табл. XXIV, 2). Отлитая во второй формочке стрелка, имеющая специфическое подтреугольное перо так и осталась нераскованной (рис. 16, 4; табл. XXIII, 4).

Однако среди находок есть не только целые изделия, но и поломанные, а также некомплектные вещи: это—секира, куски сосудов, один псалый и др. Последние, быть может, служили металлоломом и, находясь в мастерской, предназначались к переплавке. Иными словами, есть основание считать, что этот участок мастерской был использован под свособразный оклад, где хранились готовые вещи, литейные формы и запасы металла.

Наконец, в южном секторе мастерской, на маленьком компактном участке, оказалась огромная россыпь голубого пастового бисера, несколько сот раковин каури и других моллюсков, большое количество сердоликовых и агатовых бус, каменные поделки, бусы из глазури и др. Здесь же были подобраны круглый в плане уплощенный с двух сторон камень со следами работы, несты разной конфигурации, в том числе и несты с орнаментированной рабочей частью, и другие каменные орудия.

Подвлияющее большинство раковин оказалось заготовками, не превращенными еще в

¹ Подробно о раскопках мастерской см. в гл. I, с. 28.

бусы; лишь на некоторых были спилены «спинки». При расчистке было обращено также внимание на необычное залегание пастового бисера: он лежал слоями, причем сплошь и рядом попадались непарезанные отрезки тонких трубочек, являвшихся заготовками бисера. Все это указывало на конкретную стадию производства этого бисера здесь же, на месте. Возможно, часть бисера находилась на просушивании, пастовые же трубочки—заготовки были приготовлены для нарезки.

Таким образом, в Двинне некогда работала своеобразная универсальная мастерская, где плавил слитки и металлолом, отливали оружие, орудия и предметы украшений, изготавливали пастовый бисер, обрабатывали раковины и полудрагоценные камни.

На отсутствие здесь первичной стадии металлургии указывает ряд прямых и косвенных свидетельств, среди которых следует назвать большую удаленность Двини от значительных месторождений меди, бесцесный характер всей прилегающей местности² и, наконец, отсутствие крупных металлургических шлаков на территории самого поселения. Первичная выплавка металла из руды была, как правило, оторвана от поселений и происходила вблизи месторождений, в местах, где были большие запасы топлива. Наиболее ранней моделью такого рода работ на Южном Кавказе пока что является, пожалуй, система добычи и выплавки сурьмы в Горной Раче, относимая археологами ко II тыс. до н. э.³ К началу I тыс. до н. э., с развитием металлургии, количество таких пунктов значительно возрастает. В Армении в это время работают обогащательные и плавильные устройства Мецамо-ра, горы Лчашен, Агарцина⁴. Крупномасштабная переработка сырья идет в различных пунктах по р. Чолоки (р-н Кобулетн), в Саркиша, около Мхета⁵.

² В данном случае мы опираемся на мнение географов и палеоботаников, утверждающих, что климат и флора Кавказа за последние несколько тысячелетий не подверглись существенным изменениям. См., напр., Н. А. Гвоздецкий. Физическая география Кавказа, М., 1954.

³ Г. Ф. Гобеджишвили. Археологические раскопки в Советской Грузии. ВАН ГрузССР, 1952, с. 54 (на груз. яз.).

⁴ Э. В. Ханзадян, К. А. Мкртчян, Э. С. Парсаян. Мецамор. Ереван, 1973 (на арм. яз.); С. Гогинян. К истории древней металлургии в Армении. ИФЖ, 1964, № 3.

⁵ Д. А. Хачутайшвили. Вопросы истории городов Иберии. Тбилиси, 1955, с. 128 (на груз. яз.).

Из многих перерабатывающих первичное сырье пунктов металл доставлялся на поселения, в металлообрабатывающие мастерские. Для установления путей такого обмена особенно актуальным становится вопрос о конкретных источниках снабжения каждого из вновь открываемых ремесленных центров. Вопрос этот должен решаться лишь на основе большой серии анализов изделий из этих центров и поиска близких химических составов в местных или более отдаленных рудопрооявлениях.

Для районов Предкавказья такая работа оказалась уже в основном проделанной⁶. Безусловные успехи достигнуты и в области изучения памятников Южного Кавказа. Осмотр месторождений и сопоставление их составов с анализами большой серии предметов из Армении, подвергнутых последующей статистической обработке, привели к выводу Л. Ц. Геворкяна к выводу относительно того, что возможности древней медно-рудной базы республики, по-видимому, значительно переоценивались. Он полагает, что в период ранней бронзы, в частности, лишь половина рудников по своим геолого-геохимическим признакам могла удовлетворить древних горняков-рудопроизводителей⁷. Судя по близости химической характеристики меди низконикелевых групп III тысячелетия, в этот период могли эксплуатироваться, в частности, Анкадзорское и Антоновское местные месторождения⁸. Одновременно высоконикеллистая бронза поступала в Закавказье из южных и юго-западных областей⁹.

Очень любопытную картину дали анализы металла из Лчашенских и Норадзухских погребений¹⁰. Несмотря на близкое расположение этих памятников, резко бросается в глаза разница их химико-металлургических характеристик. Последнее прямо указывает на использование древними металлургами различных источников, пока, правда, еще не установленных, и может быть является намеком на существование уже и в глубокой древности столь хорошо известной по многочисленным этнографическим наблюдениям системы

⁶ Е. И. Черных. История древнейшей металлургии Восточной Европы. М., 1966.

⁷ Л. Ц. Геворкян. Древнейшая металлургия и горное дело в Армении. Автореферат. М., 1972, с. 7; его же. О древнейшей медиорудной базе Армении. СА, 1973, № 4, с. 32.

⁸ Л. Ц. Геворкян, указ. соч., с. 6; его же. Древняя разработка меди. АО за 1971 г., М., 1972, с. 493.

⁹ Л. Ц. Геворкян. Древнейшая металлургия..., с. 14.

¹⁰ Там же, с. 20.

сохранения в тайне профессиональных секретов. Этнографией устанавливается, что обособившиеся раньше других специалистов родового коллектива кузнецы и литейщики, записавшиеся опасным и несколько таинственным делом, с самого же начала уже проявляют тенденцию к территориальному отдалению, пытаясь тем самым сохранить секреты производства. Еще одной гарантией сохранения профессиональных тайн являлась передача их по наследству—от мастера к его сыну или ближайшим родственникам. Это явление засвидетельствовано на разных континентах как в качестве пережитков у некоторых современных народов, так и у многих племен, находящихся на первобытной стадии развития.

Вместе с тем для Южного Кавказа все же имеются некоторые данные, позволяющие судить о конкретных рудных источниках тех или иных древних комплексов. Известно, например, что мастера, изготавлившие ювелирные изделия для представителей родоплеменной верхушки, погребенных в Лчане, применяли золото из Зодского месторождения¹¹. Для ювелирных же изделий богатого жреческого погребения Лорн-Берда использовалось золото Арманиси¹².

Установлено также, что меаморский производственный комплекс снабжался одним источником—Кагзванским месторождением, расположенным на расстоянии 35—40 км¹³. Работавшая же одновременно с Меамором мингечаурская мастерская получала металл из нескольких мест—Кедабегского, Биттибулахского, Джульфинского и Зангезурского месторождений¹⁴.

Все перечисленные факты представляют бесспорный интерес с точки зрения установления конкретных контактов и связей древних племен, обитавших в различных частях Южного Кавказа. В этом плане химико-металлургическая проработка всего двинского металла представляется в высшей степени важной. Пока удалось сделать лишь небольшую часть анализ, которая не предоставляет возможности ответить на вопрос—откуда, из какого источника получали сырье двинские ремеслен-

ники. Выясняется лишь, что отливавшиеся в Двине изделия изготовлялись из оловянистой бронзы, иногда с содержанием олова до 10—15% и с незначительным, скорее всего естественным, содержанием таких металлов, как мышьяк и свинец (табл. II).

Двинская мастерская особенно интересна тем, что она документировала полный процесс металлообработки. Известно, что металл для вторичной обработки поступал в мастерские в виде слитков; другим сырьем являлся разнородного рода металлолом. В Двине, в частности, были обнаружены слитки в форме характерных круглых плоско-выпуклых лепешек и продолговатых болванок (рис. 16, 14—18; Табл. XXII, 3, 5); некоторые же находки в мастерской (обломки поясов, поломанная сокира, куски листовой бронзы и др.) могут быть интерпретированы как предназначенные к переплавке вещи.

Тигли для нагревания металла и приготовления сплавов в нашей мастерской, правда, не найдены, однако на имевшие здесь некогда место работы такого рода указывает характерная конфигурация некоторых кусков металла: плоские или округлые с нижней стороны они являются как бы застывшим слепком с доннышка тигля, верхняя же бугристая поверхность документирует процесс кипения металла в тигле.

Отсутствие в Двине глиняных тиглей, бесспорно, обусловлено какими-то случайными причинами. Скорее всего эти тигли еще будут найдены на соседних участках. Характер подобных предметов хорошо восполняется находками в других памятниках Армении того же периода, среди которых прежде всего надо назвать доурартское поселение Тейшебаини¹⁵, Меамор, Астхиблур, Армавир и Артикский могильник¹⁶. Это были грубые толстостенные относительно небольшие сосуды с круглым, либо плоским дном, бытовавшие без видоизменений в течение многих столетий.

Остатки горна, (рис. 40; Табл. V, 1), а также лежащих поблизости сопел (рис. 41; Табл. XXII, 1—2) и кусочков металла фиксируют происходившую здесь некогда плавку. По-видимому, в Двине было еще несколько горнов, частично скрытых средневековым слоем в северной части участка. Наконец, жидкий металл разливался по формам, которые в Двине найдены уже в количестве шести

¹¹ Э. В. Мадатян. К истории разработок Зодского золоторудного месторождения. Изв. АН АрмССР (Наука о земле), XVIII, № 3—4, 1965. (на арм. яз.).

¹² С. Деведжян. Золотые и серебряные украшения из второго погребения Лорн-Берда. ИФЖ. 1971. № 1, с. 271 (на арм. яз.).

¹³ Э. В. Ханзадян и др. указ. соч., с. 104.

¹⁴ Г. Асланов, Р. Ваидов, Г. Ноне, Древний Мингечаур. Баку, 1959, с. 136.

¹⁵ А. А. Мартиросян. Армения в эпоху бронзы и раннего железа, табл. XIX.

¹⁶ Т. С. Хачатрян. Материальная культура древнего Артика. Ереван, 1963, с. 66.

Результаты спектральных анализов некоторых предметов из металлообрабатывающей мастерской

№	Наименование предмета	Cu	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni	Co	Mn	Au
1.	Секир/с поломанной рукоятью	осн.	5.0	—	0.11	0.042	0.004	—	0.1	0.38	0.034	0.02	0.25	0.0003
2.	Обломок неопред. предмета	осн.	0.07	—	—	—	0.0003	—	—	0.0003	0.0045	—	0.04	0.0003
3.	Пронизка	осн.	6.7	0.07	—	0.043	0.003	0.33	—	0.44	0.036	0.005	0.09	—
4.	Проколка	осн.	2.4	0.07	—	0.0065	0.002	0.25	2.1	0.18	0.045	—	4.0	—
5.	Колечко	осн.	0.11	0.001	—	—	0.0003	—	—	0.05	—	—	0.15	—
6.	Обломок сосуда	осн.	12.5	0.4	—	—	0.005	—	0.45	0.08	0.045	0.042	1.4	—
7.	Обломок сосуда(?)	осн.	6.7	0.007	—	0.043	0.002	—	0.06	0.5	0.007	0.005	0.9	—
8.	Слиток	осн.	0.012	0.2	3.4	0.1	0.31	—	0.1	0.44	0.027	—	0.062	—
9.	Обломок пояса	осн.	0.012	5.2	1.2	0.08	0.084	—	—	1.2	0.027	0.0021	0.062	0.0003
10.	Обломок неопред. предмета	осн.	1.75	0.007	0.15	0.001	0.0006	—	—	0.18	—	—	1.4	—
11.	Обломок ручки сосуда	осн.	15.1	0.055	—	0.053	0.31	—	—	0.44	0.28	0.054	0.3	0.001
12.	Обломок неопред. предмета	осн.	10.2	0.09	0.11	—	0.025	—	0.12	0.44	0.023	0.023	0.24	0.0003
13.	" " "	осн.	4.5	0.37	0.25	0.006	0.0003	—	—	0.37	0.045	—	0.38	—
14.	" " "	осн.	0.38	0.001	—	0.0012	0.0003	—	—	0.18	—	—	0.48	—
15.	" " "	осн.	4.5	2.3	0.25	0.0045	0.07	—	0.045	0.22	0.025	—	0.9	0.0003
														0.001

экземпляров (рис. 42—47; Табл. XXIII—XXIV); Для окончательной подправки отлитых предметов служили каменные песты, молоточки и предметы типа наковален, обнаруженные на той же территории (рис. 17, 53; Табл. XXVI, 7).

Доследованный нами горн, к сожалению, дошел в разрушенном состоянии. Его предположительная реконструкция может быть сделана лишь при учете лучше сохранившихся сооружений. Для Южного Кавказа сама по себе находка такого рода не является новостью, а историческая традиция этой категории памятников уводит нас в глубь III тыс. до н. э. Именно в это время впервые для интересующего нас региона были зафиксированы ранние металлургические горны, конкретно указывающие на быстрое развитие местной металлургии.

Горны в III тысячелетии были уже дифференцированы. На поселениях Гарин и Баба-Дервиш¹⁷ это были глиняные печи так называемого горшечного типа. Прототипом двинского горна скорее надо считать металлургическую печь из мастерской Амиранис-гора, представлявшую собой прекрасно сохранившееся круглое сооружение из камня со сводчатым перекрытием. Мастерская Амиранис-гора датируется первой половиной III тысячелетия.

Надо отметить, что остатки литейного дела обнаружены почти на всех ключевых поселениях так называемой куро-аракской культуры¹⁸. Любопытно, что и в Двине, в слое III тысячелетия была обнаружена нижняя часть небольшого грубого тигля (рис. 2, 1), указывающего на глубокую древность металлургических традиций в этом районе.

От II тыс. до н. э. горны пока до нас не дошли, хотя на процесс плавки металла в пределах поселений указывают находки глиняных тиглей и шлаков на поселении Узерлик-тепе¹⁹. Таким образом, несмотря на отсутствие промежуточных звеньев между горнами ранней и поздней бронзы, если не считать прямоугольных каменных печей Верхнегунбского поселения в Дагестане²⁰, можно утверждать, что местная их традиция в Закавказье к началу I тыс. до н. э. насчитывала по крайней мере двухтысячелетнюю историю.

В этот период в Закавказье литейное дело достигло своего апогея. Металлургические горны работали повсеместно. Они известны из Лчашена, Агарцина, Ленинакана, Мингечаура²¹. По первому впечатлению двинская на-

¹⁸ К. Х. Кушнарера, Т. Н. Чубинишвили, указ. соч., с. 62, рис. 21.

¹⁹ К. Х. Кушнарера. Новые данные о поселении Узерлик-тепе. МИА, № 125, 1965, рис. 11.

²⁰ В. М. Котович. Верхнегунбское поселение, рис. 24—25.

²¹ А. А. Калантар. Открытие дохалладского поселения близ Ленинакана. ПИДО, 1934, № 9/10, с. 165; Г. Асланов и др., указ. соч., рис. 102—103.

¹⁷ Э. В. Ханзадян. Гарин IV. Ереван, 1969, с. 169 (на арм. яз.); Ф. А. Махмудов, Р. М. Мунчаев, Н. Г. Нариманов. О древнейшей металлургии Кавказа. СА, 1968, № 4, с. 21.

ходка очень напоминает мингечаурские печи. Последние были сложены тоже из камня и имеют цилиндрическую форму; в них так же, как и в нашей мастерской, проходила вторичная выплавка металла.

Для реконструкции древних горнов Кавказа чрезвычайный интерес представляют материалы из крупной металлургической мастерской в Квемо-Кеди, в Кахетии²². Здесь было открыто множество плавильных печей, а также серия связанных с процессом плавки инструментов и приспособлений.

Из последних находок в двинской мастерской обращают на себя внимание два массивных двуструбных сопла, служивших для подачи воздуха в печи (рис. 41; Табл. XXII, 1—2). Форма их несколько выпадает из известных в настоящее время древних сопел и указывает на достаточно высокий уровень воздуходувной системы, применявшейся в Закавказье уже в начале I тыс. до н. э. Несколько позднее через такие сопла нагнетают воздух при сыродутном процессе выплавки железа.

Более архаичные сопла в виде небольшой глиняной трубы с полым каналом конической формы встречаются на Южном Кавказе, начиная уже с III тыс.²³, когда они, наряду с примитивными горнами, документируют литейное дело. Употреблявшиеся в конце II тыс. до н. э. сопла ничем, по существу, не отличаются от своих прототипов; их мы знаем по доурартскому поселению Тейшебани и мастерским в Лепинакане. Двинские же сопла, значительно большие по размеру и имеющие уже две трубки, соответствующие двум работавшим попеременно кожаным мехам, впервые фиксируют момент сдвига в системе оборудования южнокавказских литейных печей, происшедший где-то в первых веках I тыс. до н. э.

Судя по разнообразию изготовленных в двинской мастерской изделий, здесь должно было быть в ходу значительно больше литейных форм, нежели их было найдено. Правда, часть предметов должна была отливаться с помощью восковой модели—процесса, не оставляющего естественных остатков. На раскрытой площади обнаружено пока только шесть литейных форм (для плоского топорика, 2 для наконечников стрел и 3 для мелких украшений), причем отлитые в четырех из них

изделия так и не обнаружены. Бронзовые позитивы имеют только две формы для отливки черенковых стрел.

Пять из шести форм были двусторонними, хотя ни одна из них не дошла в полном комплекте. Односторонней оказалась лишь базальтовая форма для отливки универсальных плоских топориков, широко бытовавших долгое время не только на Кавказе, но и в сопредельных странах. Наша форма дошла не полностью; сохранилась лишь ее рабочая половина, имеющая расширенно сегментовидную лезвийную часть. Отсутствие тыльной части препятствует отнесению отливавшихся здесь орудий к конкретному типу существующих в литературе классификаций²⁴. Следует лишь заметить, что все известные многочисленные экземпляры этого времени имеют в верхней части упоры—плечики, облегчающие прочное соединение топора с рукояткой.

Такая законченная форма возникла отнюдь не сразу. Плоские металлические топоры-теса отливались уже в III тысячелетии, ярким показателем чего могут служить массивные теса из сравнительно недавно открытого Приереванского клада²⁵. Документирует местное происхождение топоров подобного типа и односторонняя форма из Квасхелеби²⁶. Однако тесловидные топорники на первых порах становления местной металлургии были, судя по единичным их находкам на Южном Кавказе (Дигоми, Караз), распространены значительно меньше, нежели известные уже в количестве нескольких десятков разнообразных проушных топоры²⁷. Здесь, правда, следует сделать поправку на случайный характер большинства находок, при котором объективная сторона дела может быть в какой-то мере нарушена. 10 плоских медных тесел из Приереванского клада заставляют несколько по-иному взглянуть на удельный вес этих орудий в древности.

Возникнув на базе местных каменных прототипов, плоские топоры продолжают свое длительное развитие по линии уменьшения и совершенствования форм и приходят, через

²⁴ Б. А. Куфтин. Урартский колумбарий у подножия Арарата и курораракский энеолит. ВГМГ, XIII—В. Тбилиси, 1944, с. 29; Г. Асланов и др., указ. соч., рис. 62.

²⁵ А. А. Мартirosян, А. О. Мнацаканян. Приереванский клад древней бронзы. КСИА, № 134, 1973, с. 122.

²⁶ А. Н. Джавахишвили, Л. Н. Глonti, Урбинси 1, сводная таблица

²⁷ К. Х. Кушнарeва, Т. Н. Чубинишвили, указ. соч., рис. 41; А. А. Мартirosян, А. О. Мнацаканян, указ. соч.

²² К. П. Пицхелаури. Основные проблемы истории племен восточной Грузии, табл. X—XVI.

²³ К. Х. Кушнарeва, Т. Н. Чубинишвили, указ. соч., рис. 40, 1—2, 11—12.

промежуточный все еще архаичный кирово-каспский вариант, к множеству специализированных разновидностей, которые получают особенно широкое распространение на Кавказе и в сопредельных странах во второй половине II-начале I тыс. до н. э.²⁸ Присутствие такого топорика в «погребении плотника» в известном Артинском могильнике свидетельствует об употреблении этих орудий в частности в деревообделочном деле²⁹. Вообще же эти орудия были универсальными и применялись, очевидно, в самых различных ремеслах. Дополнительные сведения о технике их изготовления дают литейные формы из нескольких южнокавказских мастерских: помимо Двина они найдены в Мецаморе, Муханнатане, Мингечауре³⁰. Недавно две каменные формы впервые обнаружены в погребении в Гапнади. Последнее особенно интересно тем, что являло собой типичное «погребение литейщика», где мастер был окружен полным набором профессиональных инструментов, которыми он пользовался при жизни³¹.

Формы для отливки стрел из нашего поселения являются первой находкой такого рода на Южном Кавказе (рис. 45—46; Табл. XXIII, 4; XXIV). В Предкавказье, в памятниках рассматриваемого периода, аналогичные находки были сделаны дважды—в Сержене-Юртовском³² и Бамутском поселениях³³. Однако отливаемые там стрелы весьма специфичны и резко отличаются от таковых по эту сторону Кавказского хребта. Обе наши формы—каменные. Следы многократного употребления в виде оббитого стержня и замены штифтовых отверстий свидетельствуют о налаженном в Двине серийном производстве этого вида оружия. К сожалению, найдены лишь две некомплектные створки—но одной от двух двусторонних форм. В каждой створке вырезано по два негатива, так что одновременно в од-

ной форме можно было отливать два наконечника. Негативы обеих форм отличаются деталями; в первой, например, усики стрелок завершаются длинными каналами, служившими для отвода избыточного металла и газов; эти непомерно длинные усики «окусывались» после отливки специальным инструментом; отлитые в этой форме стрелки с длинными «нескусанными» еще усиками обнаружены неподалеку от нее (табл. XXIV). Негативы второй формы не имеют отводных каналов; один из отлитых в ней позитивов оказался полуфабрикатом, т. е. не был еще подвергнут дополнительной расковке (табл. XXIII, 4).

В целом же отливаемые в обеих формах наконечники стрел благодаря своим характерным особенностям—подтреугольному очертанию пера с арочными выемками, длинным крыльям, наверху толстому, внизу более тонкому стержню—очень близки между собой и целиком вписываются в широко применяющееся в археологической литературе понятие «стрелы закавказского типа», наиболее архаичные варианты которых датируются XII—XI вв. до н. э. По классификации С. А. Есаяна, двинские стрелы ближе всего стоят к его шестому типу³⁵. Способ скрепления этих наконечников с древком хорошо расшифровывается, в частности, находками в мингечаурских могилах: черешки вставлялись в расщепленные стволы камыша, в прутья деревьев или кустарника и плотно обматывались сыромятным ремнем или тонкими прутьями³⁶.

Стрелы, судя по графическим рисункам на бронзовых поясах, хранились в колчанах, прикрепленных к поясам воинов-лучников. Колчаны были кожаными, деревянными либо металлическими. В богатых могилах мы находим колчаны, отделанные даже серебром (например, Топ-Кар в Триалети)³⁷. В нашей мастерской среди металлических изделий привлекает внимание верхняя часть колчана из листовой бронзы (рис. 48, 5). Судя по отверстиям, расположенным по краю, округло согнутый лист бронзы скреплялся затем штифтами. Внутренняя его часть скорее всего была выложена кожей. Верхняя часть нашего колчана украшена тремя парами горизонтальных поясков, обрамляющих ряды вертикальных семечковидных выпуклостей. В целом такая «многоэтажная» система украшений отдаленно напоминает оформление урартских кол-

²⁸ А. А. Мартиросян. Армения в эпоху бронзы..., с. 64, 102, 116, 123, 134; Т. С. Хачатрян. Орудия труда эпохи поздней бронзы и раннего железа Армении. ТГИМА, V, Ереван, 1959, с. 234.

²⁹ Т. С. Хачатрян. Материальная культура..., с. 191, табл. 3, рис. 10; Г. Е. Арешян. Орудия труда Артинского могильника. ИФЖ, 1970, № 3, с. 255.

³⁰ Г. Асланов и др., указ. соч., рис. 62, 1, 13; табл. XII, 2.

³¹ Г. Б. Авалишвили. Погребение литейщика из могильника в Гапнади. СА, 1970, № 4, с. 183.

³² В. И. Козенкова, Е. И. Крупинов. Исследование Сержене-Юртовского поселения. КСИА, вып. 106, 1966, рис. 36, 10.

³³ А. Р. Магомедов. Бамутское поселение—новый памятник кобанской культуры. СА, 1972, № 2, рис. 8.

³⁵ С. А. Есаян. Оружие и военное дело древней Армении. Ереван, 1966, с. 47.

³⁶ Г. Асланов и др., указ. соч., с. 79.

³⁷ Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Цалкинском районе в 1947 г. Тбилиси, 1948, табл. XVI.

чанов и поясов, обнаруженных, в частности, в крепости Тейшебаши³⁸.

Употреблявшиеся в этот период деревянные луки ни в одном случае до нас не дошли. Однако те же рисунки на наскальных изображениях, поясах и керамике дают о них достаточно ясное представление. В ходу были луки двух типов—огромные, почти в человеческий рост, трехчастные и относительно небольшие, простые одночастные. Великолепное изображение воинов с небольшими луками второго типа песет на себе и ритуальный кубок из первого двинского святилища (рис. 13).

Как уже было отмечено, в двинской мастерской обнаружены еще три литейные формы. Однако в отличие от уже разобранных нами форм для отливок топоров и наконечников стрел, последние предназначались исключительно для изготовления украшений.

Оставляя пока в стороне вопросы, связанные с работой ювелиров в нашей мастерской, коснемся набора предметов вооружения и орудий труда, отливавшихся в Двине. Из крупных вещей привлекают к себе внимание обломки мечей и прекрасно сохранившийся кинжал. Оба меча принадлежат одному и тому же типу тяжелого закавказского оружия (рис. 48, 1—2). Длинное, иногда заостренное, иногда закругленное массивное лезвие имеет центральное ребро твердости и украшение в виде двух продольных желобков, обрамленных наверху полудугами и «бегущей спиралью». Полая внутри рукоятка сделана путем отковки и закругления боковых сторон; ее внутренняя часть заполнена деревом, скрепленным с металлом тремя рядами мелких бронзовых гвоздиков. Ажурный с треугольными прорезями набалдашник также инкрустирован деревом. Специальное исследование показало, что для этой цели употреблялись особые его породы³⁹.

Появление мечей связано с наивысшим расцветом кавказской бронзовой металлургии. Мечи изготавливались во многих местных мастерских. Сложная их конфигурация, а также наличие украшений, позволяют думать, что отливка мечей производилась по восковому слепку, с последующей утратой модели. Мечи, прототипами которых являлись определенные виды местных кинжалов, имеют значительную дифференциацию, усложняющуюся по мере

обнаружения все новых и новых типов⁴⁰. В качестве одного из наиболее ярких примеров, иллюстрирующих этот процесс, может служить история изучения так называемых кахетских мечей. В свое время Г. К. Ниорадзе⁴¹ установил, что мечи и кинжалы этого типа изготавливались на обширной территории к северу от Куры. Картографирование 153 «кахетских» мечей и 97 кинжалов привело позднее К. Н. Пицхелаури⁴² к четкому установлению в пределах намеченных ранее границ уже трех производственных районов, в каждом из которых работала группа мастеров, специализировавшихся на выпуске мечей и кинжалов определенного «фасона». В целом этот ведущий тип оружия на указанной территории, по классификации К. Н. Пицхелаури, последовательно развивается в четыре подтипа, причем последний включает три группы, первая из которых выражается в двух вариантах.

Разработка дробной классификации мечей для южных и юго-восточных районов Закавказья пока представляется более затруднительной в силу того, что на этой обширной территории находки мечей представлены в значительно меньшем количестве. Вместе с тем известные экземпляры уже поддаются определенной дифференциации и распределяются на следующие типы—«с вильчатой рукояткой», «цельнолитые с рамочной рукояткой», «цельнолитые закавказского типа»⁴³; к последнему и примыкают экземпляры из Двины. Ареал бытования этих мечей суммарно определяется средним течением рек Куры и Аракса, где они найдены в серии таких могильников, как Головино, Хаштарак, Ленинкан, Ханлар, Арчадзор и др., и датируются примерно концом II-первых веками I тыс. до н. э. Южнее Аракса ни одного меча этого типа не встречено. Последнее обстоятельство, равно как и широкое их распространение у племен, обитавших между Курой и Араксом, заставляет искать пункты их изготовления именно на этой территории. Двинская находка точно указывает на один из многих произ-

³⁸ Б. Б. Пиотровский. Археология Закавказья, с. 81; К. Х. Кушиарова. Некоторые памятники эпохи поздней бронзы в Нагорном Карабахе. СА. XXVII, 1957, с. 159; С. А. Есаян, указ. соч., с. 77.

³⁹ Г. Ниорадзе, Das Grab von Semoawtschala, Bulletin du musée de Georgie, VI Tiflis, 1931, p. 207, таб.

⁴² К. Н. Пицхелаури. Древняя культура племен, населявших территорию Иордо-Алазанского бассейна. Тбилиси, 1965, с. 61 (на груз. яз.).

⁴³ С. А. Есаян, указ. соч., с. 77.

³⁸ Б. Б. Пиотровский. Кармир-блур I. Ереван, 1950, рис. 24, таб. 14—15; его же. Кармир-блур II. Ереван, 1952, рис. 19.

³⁹ В. А. Паланджян. Бронзовые головки кинжалов с деревянной инкрустацией из раскопок бассейна оз. Севан. Изв. АН АрмССР, № 7, 1955 (на арм. яз.).

водственных пунктов, работавших в густо заселенной Араратской равнине.

Двинский клижал (рис. 48, 7; Табл. XXV, 1) стоит особняком от известных в Армении экземпляров. Точных его реплик мы не знаем. Он достаточно длинный (34 см) и отлит вместе с плоским язычком для пасажки рукояти. Деревянная обкладка последней не сохранилась, но на способ ее скрепления с язычком указывает бронзовый штифт в центре последнего. Центральная часть клинка имеет продольно-уплощенное утолщение, которое переходит к лезвийному краю двумя хорошо профилированными ступеньками. Ступенчатое строение клинка двинского клижала перекликается с особенностями строения клижала из девятого кромлеха Норагуса⁴⁴, хотя последний заостренно утолщен в центре; отличается от двинского и рукоять поратусского клижала—она имеет рамочную форму. По-видимому, названные клижалы надо рассматривать как варианты одного и того же типа, бывшего в ходу в Армении в IX—VIII вв. до н. э.

Среди двинского металла сохранилась и нижняя часть ножен, как будто бы соответствующая размерам клижала описанного выше типа (рис. 48, 6). Ножи сделаны из свернутого листа бронзы и в самой нижней части имеют отверстие. Они своей скромностью резко отличаются от уникальных, богато ornamentированных экземпляров, которые мы знаем, скажем, по пышным захоронениям Лчашен⁴⁵.

Специальный интерес представляет бронзовая секира, найденная в мастерской в последний сезон раскопок (рис. 49). Обушная ее часть оказалась обломанной. Рабочая лопасть неширокая и составляет примерно две трети ее высоты. Веерообразная лезвийная часть заканчивается закругленными не сильно загнутыми концами. По форме рабочей лопасти двинская секира, пожалуй, ближе всего стоит к экземпляру из Алаверди⁴⁶. В целом же наша секира являет собой типичный пример специфического закавказского оружия конца II-начала I тыс. до н. э.

Известные экземпляры топоров подобного типа документируют конечный, завершающий этап их развития. История же создания оружия этого типа начинается где-то в III тысячелетии, когда на основе синтеза проушных и

трубчатобушных топоров, появляется новая гибридная форма. Еще до недавнего времени первым в длинном эволюционном ряду стоял асимметричный топор из Грма-Геле⁴⁷ в Тбилиси, а за ним с большим временным разрывом следовала кироваканская секира середины II тыс. до н. э. В последнее время количество архаичных топоров увеличилось за счет находок на территории Армении; это два топора из Шамшадина, два из Артика и один из Ленинакана⁴⁸. Вместе с грубой аналогичных топоров на обширном пространстве Армянского нагорья (Ван, Сивас, Эрзерум) закавказские ранние топоры составляют уже довольно выразительную серию. Теперь и кироваканский топор приобретает более твердое место, являясь связующим звеном между самыми архаичными топорами и их конечными, завершенными формами. Он при асимметричной еще обушной части имеет, как и поздние секиры, почти полуцилиндрическую рабочую лопасть.

Основная масса секир, а также форм для их отливок падает в Закавказье на XII—X вв. до н. э. В Армении они имеют и более дробные хронологические подразделения—секиры XIII—XII вв. (Лчашен, Артик), секиры конца XII—XI в. (Ленинакан, Ворнак, Ахтала, Аштарак), секиры конца XI—IX в. до н. э. (Такна, Вардакар)⁴⁹. Позднее секиры встречаются очень редко. Разработана также и их типологическая классификация⁵⁰.

Находки поздних секир сосредоточены в восточной и центральной частях Южного Кавказа. Северная граница их распространения доходит до Кавказского хребта, южная приближается к Араксу. Западная граница неустойчива; в западных районах секиры чаще всего встречаются в многочисленных кладах с предметами, типичными для колхидской культуры. Явление это, так же как и находки в различных частях кавказского региона предметов, характерных для западного Закавказья, наглядно иллюстрирует наличие широкого межплеменного обмена в эпоху поздней бронзы. В этом плане весьма любопытной представляется случайная находка в сел. Гарн (Рача), где среди других вещей был обнаружен бронзовый топор необычной для Южного Кавказа формы; последний мог явиться результатом слияния типичной закав-

⁴⁷ Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, с. 17—18, рис. 20.

⁴⁸ С. А. Есаян, указ. соч., табл. V, 7, 8; Т. С. Хачатрян, указ. соч., табл. 3, 2.

⁴⁹ А. А. Мартиросян, указ. соч., с. 60, 101, 103, 123, 133.

⁵⁰ С. А. Есаян, указ. соч., с. 33.

⁴⁴ А. А. Мартиросян, указ. соч., рис. 76, 7.

⁴⁵ А. О. Мнацаканян. Лчашенские курганы. КСИА, вып. 85, 1961, рис. 25.

⁴⁶ С. А. Есаян, указ. соч., табл. VI, 2.

казской секеры и топора колхидского типа⁵¹.

Вопрос о том, изготовлена ли была секера в Двинне, мог бы быть окончательно разрешен лишь в случае находки формы, в которой она отличалась. Однако против отливки ее на месте говорят как будто бы два обстоятельства: чрезвычайная редкость экземпляров секир, которые бы датировались позже X в. до н. э. (в то время как наша мастерская действовала в IX—VIII вв. до н. э.), и поломка обухной ее части, что вряд ли могло произойти с новым, только что отлитым экземпляром. Эти моменты позволяют высказать осторожное предположение относительно ее возможного использования в качестве вещи, предназначенной к переплавке.

Еще одной интересной находкой в Двинской мастерской является бронзовый псалей от удила с так называемыми напускными трезелями (рис. 48, 8; Табл. XXV, 13). Мундштучная часть не сохранилась. Удила такого типа имеют мундштук, оканчивающийся по бокам кольцами, подвижно вставленными в отверстия псалней, которые сделаны из круглого прута. Такая сложная конфигурация скорее всего требовала отливки изделия по восковой модели; последнее в некоторой степени подтверждается отсутствием находок каменных или глиняных форм для отливки этих предметов.

Наша удила относятся к I типу удила, бытовавших в X—VIII вв. до н. э. на Южном Кавказе⁵². Свое происхождение они ведут от несколько более древних переднеазиатских прототипов, причем согласно разным точкам зрения, оно попеременно связывается то с территорией Ирана, в частности Луристана, то с Малой Азией⁵³. Здесь наиболее известные экземпляры мы знаем по находкам в некрополе. В Тепе-Спачка, в могильниках Луристана, в Ануре и, наконец, на западном побережье Малой Азии⁵⁴.

⁵¹ Б. А. Куфтин. К вопросу о древнейших корнях грузинской культуры по данным археологии. ВГМГ, XII—В, с. 332.

⁵² К. Х. Кушнарева. Некоторые памятники эпохи поздней бронзы в Нагорном Карабахе. СА, XXVII, с. 166.

⁵³ Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, с. 59.

⁵⁴ R. Ghirshman, Fouille de Stalk pres de Kashan, Paris, 1939, v. 11, pl. LVI, p. 835, 841, 588, pl. LXXV, p. 924; A. Godard. Les bronzes du Luristan, AA, XVI, Paris, 1931, tabl. XL, N 166; Przeworski. Die Metallindustrie Anatoliens in der Zeit 1500—700 vor Chr. I, Leipzig, 1939, Taf. XIII, 3; Bossert, Altanatolien, Berlin 1942, s. 143, Taf. 600; Б. А. Куфтин, указ. соч., с. 59, рис. 57, 4.

На Южном Кавказе этот тип удила получил достаточно широкое распространение, хотя находки их ограничиваются центральными и восточными областями. В западных областях они не бытовали. Все известные экземпляры обнаружены в могильниках, точнее, в богатых могилах, где они несут особую символическую нагрузку. В центральном Закавказье это удила из могильников Нор-Баязета, Лалвара, Триалети и др., в восточном—из Шамхора, Кировабада, Ханлара, Арчадзора, Мингечаура и др. Удила, как правило, мы находим на конях, умертвленных для сопровождения на вечный покой своих знатных хозяев. Интересны также случаи, когда удила несли чисто атрибутивные функции, заменяя при погребениях самих коней. Любопытен в этом плане первый Арчадзорский курган в Нагорном Карабахе. Здесь вместо четырех боевых коней в могилу были положены лишь их атрибуты в виде четырех удила и частей конской сбруи⁵⁵.

Особую тему поднимают литые «браслеты», выпускаемые наряду с другими венцами двинскими мастерами (рис. 51; Табл. XXVI, 1—2). Будучи непомерно тяжелыми и вследствие этого непригодными к повседневной носке, браслеты эти, по укоренившейся традиции, рассматриваются как меновые единицы—своеобразные первобытные деньги. Они, как правило, встречаются в могилах или в «кладах торговцев», выражая в обоих случаях наличие достаточно развитой формы собственности. Теперь мы знаем, что их выпускали в частности в Двинне. Таким образом, наша мастерская поставляла окружающему населению не только оружие и предметы быта, но являлась одновременно своеобразным «монетным двором». Вес этих колец весьма разнообразен. Двинские кольца, например весят 617 и 636 граммов. Вес 8 одинаковых колец из 7-й могилы Лалвара в Армении—4,520 кг, следовательно, вес каждого кольца примерно около 560 граммов⁵⁶. Наконец, вес самого тяжелого из известных на Южном Кавказе, кольца, которое находилось в составе Квишарского клада, составляет 2,728 кг⁵⁷.

Любопытную работу по установлению весовых данных закавказских колец описанного типа проделал в свое время Ж. Морган⁵⁸. По-

⁵⁵ К. Х. Кушнарева, указ. соч., с. 136.

⁵⁶ J. de Morgan. Mission scientifique au Caucase, I, Paris, 1889, p. 108.

⁵⁷ Г. К. Пиорадзе. Археологические раскопки в сел. Квишари. ВГМГ, XV—В, Тбилиси, 1948, с. 7, рис. 14 (на груз. яз.).

⁵⁸ J. de Morgan, op. cit., p. 108.

ложив в основу экземпляры из раскопанного им Лалварского могильника, ученый, после их взвешивания, пришел к выводу о повторяемости определенной весовой единицы в весе каждого из этих колец. Такая единица равна 8,200 г. Все остальные весовые данные колец составляли кратные, либо приблизительно кратные числа названного веса. Взяв общее среднее всех наблюдений, Морган получил цифру 8,352 г., которую он назвал «кавказским сиклем». В лонских сопоставлений «кавказского сикля» с разменной монетой соседних стран он обратил внимание на вес ассирийского сикля (8,415 г.), который приближался к кавказскому (разница между ними составила всего 0,063-0,065 г). Продолжая работу по установлению кратности веса известных в то время колец по отношению к «кавказскому сиклю», Морган пришел к заключению, что кратное 60-ти соответствует, с небольшой погрешностью (4,600 г), весу ассирийской мины (504,900 г). Из всего сказанного Морган сделал вывод о наличии в рассматриваемый период единых по весу меновых единиц у ассирийцев и племен Закавказья.

Вывод этот теоретически представлялся допустимым, тем более если учесть серию письменных и археологических свидетельств, проливающих свет на международную торговлю Закавказья в первых веках I тыс. до н. э.⁵⁹ Однако данные Моргана, имевшего в своем распоряжении ограниченное число колец, нуждались в проверке на более точной серии. Такая проверка была в 1954 г. проведена А. А. Мартirosяном на других материалах из Армении. Вот что он пишет по этому поводу: «В результате работ над коллекцией браслетов хртанского и других могильников Армении мы неоднократно получали совершенно противоречивые весовые данные; что лишило возможности анализировать материал по весу. Ж. Моргану удалось построить такую привлекательную схему только потому, что он брал из всех коллекций лишь те браслеты, которые по весу делились на 2, 4 и т. д., а остальные браслеты им оставались в стороне; кроме того, в основе его схемы лежат не определенные весовые данные, а абстрактные, произвольно взятые средние весовые величины. Просматривая моргановскую таблицу, легко убедиться, что в ней приведены самые разнообразнейшие браслеты, которые по сво-

ему весу могут быть разделены не только на кратные, но и на некртные цифры. Также весьма условно группированы в ней отдельные браслеты. Так, в группе «Д» имеется браслет, весящий 35 граммов, в той же группе другой браслет весит 44 грамма, между тем один из браслетов группы «С» весит 33 грамма. Возникает вопрос, не лучше ли браслет в 35 граммов группы «Д» включить в группу «С» (тогда разница будет всего на 2 грамма), чем в группу «Д», где получается разница на целых 9 граммов? Можно привести множество примеров, показывающих ошибочность этой гипотезы»⁶⁰.

Наконец, сравнительно недавно под этим же углом зрения С. А. Есаян проанализировал серию бронзовых браслетов из фондов Исторического музея Армении⁶¹. Им было взвешено около 500 экземпляров и при этом установлено, что вес их распределяется от 4-х до 430 г. Никакой закономерности в весовых категориях этих браслетов обнаружить не удалось.

Вместе с тем можно считать допустимым, что металлические браслеты наряду с другими меновыми единицами (скот и пр.) могли участвовать в обменных операциях и выступали при этом в качестве изделий из металла, но отнюдь не как «монеты» определенных весовых категорий.

Движские мастера на той же производственной площадке занимались и ювелирным делом⁶². Исключительно интересными в этом плане оказались три литейные формы, с помощью которых мастера-ювелиры отливали мелкие золотые, серебряные и бронзовые украшения (рис. 42—44). Сам факт обнаружения литейных форм для украшений, редко встречающихся на Кавказе, представляется большой археологической удачей. В Армении, помимо наших находок, мы знаем еще только три каменные формочки: одну, случайно найденную С. А. Есаяном, — из сел. Айгедзор Шамшадзинского района (рис. 82)⁶³, вторую —

⁵⁹ А. А. Мартirosян. Раскопки в Головинно (результаты работ 1929 и 1950 гг.), Ереван, 1954, с. 80.

⁶¹ С. А. Есаян. Бронзовые браслеты Гос. музея Армении. Изв. АН АрмССР, 1964, № 2, с. 89 (на арм. яз.).

⁶² К. Х. Кушнарера. Производственный комплекс древнего Движа. Сб. «Кавказ и Восточная Европа в древности». М., 1973.

⁶³ Приношу благодарность С. А. Есаяну за возможность использования этой находки.

⁵⁸ К. Х. Кушнарера. Обмен и торговля Закавказья в древности. КСИА, вып. 138, 1974.

из поселения Муханнат-тапа в Ереване⁶⁴, третью — из Мецамоора⁶⁵.

В поисках аналогий динским материалам обратимся к сопредельным с Кавказом областям, где богатый ассортимент ювелир-

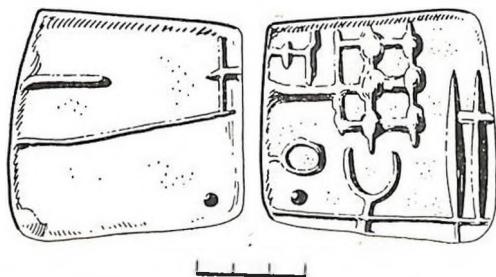

Рис. 82. Форма для отливки украшений из сел. Айгедзор.

ных изделий характеризует уже очень ранние эпохи. Вспомним «хеттский камень»⁶⁶ — литейную форму, купленную в Измире и пролившую свет на взаимоотношения Малой Азии и Месопотамии в конце III тысячелетия. Своими размерами, а также принципом экономного использования поверхности она напоминает значительно более поздние динские и особенно шамшадинскую находки. Однако динские формы, обнаруженные непосредственно в мастерской крупного поселения, не позволяют присоединиться к мнению археолога Дж. Канби, утверждавшего, что портативные изделия такого рода являлись исключительной принадлежностью странствующих торговцев-литейщиков.

Большую близость нашим находкам проявляет форма, открытая Лейардом в Нимруде. В ней, как и первой динской модели, отливались украшения в виде двойной спирали с петлей посередине. Мотив этот широко бытовал в ювелирном искусстве Шумера, оказавшего сильное воздействие на последующие культуры Передней Азии и Кавказа⁶⁷. Именно эти типы украшений, найденные, в

частности, в виде золотых подвесок в одной из богатых могил Ашшура (XIII в. до н. э.), трактуются Франкфортом как амулеты, надежные сложной символикой, и связываются с древним, ведущим свое начало из Шумера, культом плодородия. Мотив двойной спирали бытует в этот период и на Южном Кавказе, где он в качестве символического знака мелькает то на наскальных изображениях, то на крупных глиняных сосудах (Шенгавит, Караз, Кикети, Амранис-гора, Кюль-тепе и др.), то на культовых очагах (Караз и др.)⁶⁸.

Позднее, в период, к которому относятся и наши формы, двойная спираль с петлей, являвшаяся раньше на Переднем Востоке бесспорным религиозным символом и неизменно вкрапленная во многие изделия золотые изделия (серьги, подвески, диадемы)⁶⁹, получает широкое распространение по всей территории Кавказа. Последнее документируется серией отливок из многочисленных могильников (Ахтала, Маралын-дереси и др.), датировка которых не выходит за пределы VIII—VII вв. до н. э. Однако теперь это уже отливки из бронзы, выполняющие, наряду со смысловой, и утилитарные функции: изделия эти пришивались в качестве крючков и петель к одежде.

На местное их производство в Предкавказье указывает находка литейной формы из Бамутского поселения⁷⁰ — типичного памятника кобанской культуры. Отливавшаяся в ней украшения миниатюрны. Укажем также на широкое распространение аналогичных изделий гипертрофированных размеров в Предкавказье и связанной с ним перевалами Юго-Осетии⁷¹. Длина некоторых из них доходит до 10–15 см, что, бесспорно, должно было затруднять их применение в повседневной носке. Подобно неимомерно крупным поясным пряжкам⁷² или булавам с огромными призматическими навершиями⁷³, рассматриваемые крупные двуспи-

⁶⁴ К. Х. Кушарова, Т. Н. Чубинишвили. Древние культуры Южного Кавказа, рис. 23 и 54.

⁶⁵ К. Р. Максвелл-Хьюстон, op. cit., pl. 22, 34, 39.

⁷⁰ А. Р. Магомедов. Новые данные о металлообработке у древнего населения Чечено-Нгушетии. Сб. «Кавказ и Восточная Европа в древности», М., 1973, рис. 3.

⁷¹ См.: А. Б. Куфтин. Археологическая маршрутная экспедиция 1945 года в Юго-Осетию и Имеретию. Тбилиси, 1949, табл. XVI, XXVIII, XXX.

⁷² Б. В. Техов. Очерки древней истории и археологии Юго-Осетии. Тбилиси, 1971, примеч. 42–44.

⁷³ J. de Morgan, op. cit., fig. 92–97.

⁶⁶ Е. Байбурган. Орудия труда древней Армении. ИИИИ Арм. ФАН СССР, Ереван, 1938, т. I, рис. 131 (на арм. яз.).

⁶⁷ Э. В. Ханзиди и др. Мецамор, рис. 78.

⁶⁸ J. V. Canby, Early bronze "trinket" mould, Iraq, v. XXVII, p. 42.

⁶⁹ К. Р. Максвелл-Хьюстон. The Ur jewellery, Iraq, v. XXII, 1960, p. 10; К. Р. Максвелл-Хьюстон. Western Asiatic jewellery, London, 1971, pl. 22, 34, 39; W. Cultican. Spiral-end beads in western Asia, Iraq, XXVI, p. 1, p. 36.

ральные украшения продолжали и в позднее время нести определенную символическую нагрузку. Это дополнительно подтверждается помещением двуспиральных фигур на рукоятках кинжалов знаменитого Тлийского могильника, а также на некоторых восточногрузинских мечях⁷⁴. Знаки эти, очевидно, должны были наделить мечи и кинжалы сверхъестественной силой.

Примерно этим же периодом датируются южнокавказские серебряные, бронзовые и свинцовые позитивы двинской формы—медальона (рис. 43; Табл. XXIII, 2). Изготовившиеся в ней круглые «солнечные» подвески, состоявшие из трех разнокалиберных дисков, имели рубчатую поверхность, имитирующую проволочную обмотку. Исключительный интерес, в плане живучести на Кавказе древних передневосточных традиций, представляет почти точная копия нашей глиняной формы—каменная форма для отливки медальонов, открытая Маллованом в поселении Тель Брак, отделенном от Двина по крайней мере двумя тысячелетиями⁷⁵. Украшения, отливавшиеся в этой форме и имеющие серию аналогий в других памятниках Переднего Востока⁷⁶, состояли в основном, как и двинские медальоны, из трех concentрических кругов с рубчатой поверхностью. Разница была лишь в том, что двинские украшения были более ажурными. Такие нагрудные подвески, бесспорно, связанные с почитанием солнца, использовались в качестве амулетов.

Разные варианты солнечных подвесок особенно характерны для Армении, где мы их находим в могильниках Редкин лагеря, в Толорсе, Севане, Вардакаре, Ахтале, Шайтан-даге (рис. 78)⁷⁷. Кетати, с астральными представлениями должны быть сопоставлены и другие украшения Армении претурартского периода. В формочках из Айгедзора и Менамора, например, отливались миниатюрные амулеты-луныцы, которые, судя по аналогиям на том же Переднем Востоке, подвешивались к шее, служили серьгами и височными украшениями⁷⁸. Изображения луныцы на Южном Кавказе появляются начиная с

III тыс., где мы их встречаем то на глиняной посуде, то на очагах, то на металлических изделиях. Все это ярко и красноречиво указывает на отправление в местной среде, так же, как и на Переднем Востоке, наряду с «солнечным», также и «лунного» культа.

Характерны для этого периода и остальные мелкие украшения, отливавшиеся в двинских формах—сплошные и несомкнутые колечки, бусы, шарики зерни, розетки, Биконические и боченкообразные бусы, сделанные в таких же формах, характерны для Артинского могильника⁷⁹. Отлитые в бронзе, они, бесспорно, имитируют каменные украшения. Золотые бусы тех же очертаний обычно сопровождают покойников в богатых могилах. Напомним, что свинцовые бусины в виде розеток, аналогичных отливавшимся в сохранившейся наполовину нашей миниатюрной формочке (рис. 43), обнаружены в могилах Шайтан-дага⁸⁰. Несколько припаянных друг к другу золотых розеток такой же формы образуют бусы, сплошь покрытые канельками; последние известны из могильников Лчашена, Ташир-Дзоргета⁸¹.

Наконец, серия полукруглых формочек разного калибра (рис. 43) заставляет думать, что зернь изготавливалась не только обычным способом—из золотой проволоки, расплавленный конец которой стекал в виде капель в сосуд с водой, но и получалась также в результате отливки. При этом зернь приобретает полусферическую форму и принималась затем к основе, как мы это видим, скажем, на подвеске из Толорса⁸².

Труднее всего сказать, из какого материала изготавливались бусы в маленьких узорчатых формочках последнего двинского камня (рис. 44). Они могли служить для тиснения кружков из листового золота, которые затем сплавляли, получая, таким образом, бусы сферической формы. Такие бусы мы встречаем, скажем, в Димаше. Вместе с тем формы этих

⁷⁴ К. R. Maxwell-Hyslop, op. cit., fig. 88, 112; pl. 37a, 57a, 61.

⁷⁵ Т. С. Хачатрян, указ. соч., рис. 7.

⁷⁶ J. de Morgan, op. cit., fig. 10, 11a.

⁷⁷ А. О. Минацкая. Раскопки на побережье оз. Севан в 1956 г. СА. 1957. № 2, рис. 4; С. Деведян. Некоторые золотые и серебряные предметы бронзового века Ташир-Дзоргета. ВОН. 1966. № 12, табл. 1. 16 (на арм. яз.); см. же. Золотые и серебряные украшения из могильника № 2 Лорн-Берда ИФЖ, 1971, № 1, цв. табл. № 9. (на арм. яз.).

⁸² А. О. Минацкая. Находки предметов бронзового века в сел. Толорс АрмССР. КСНА, в. 54, рис. 45.1.

⁷⁴ Б. В. Техов, указ. соч., рис. 74; К. Н. Ницхеладзе. Основные проблемы истории племен восточной Грузии. табл. № 245.

⁷⁵ К. R. Maxwell-Hyslop, op. cit., pl. N 28.

⁷⁶ К. R. Maxwell-Hyslop, op. cit., fig. 58, 118, pl. 27, 61, 69.

⁷⁷ А. А. Мартиросян. Армения в эпоху бронзы. рис. 77, табл. 2.

Негативов должны были дать в позитиве биконические и плоские украшения, имеющие сходство с биконическими бусами: из голубой пасты и бусами, близкими к широко известному на Кавказе типу «доминио»⁸³. Такие бусы в Армении были найдены в могильниках Арника, Норатуса, Севана. В пользу последней трактовки говорит отсутствие на поверхности исследуемой формы канавок-литников, необходимых для заливки жидкого металла и совершенно не нужных при работе с пастой. Напомним, что находки пастовых бус указанного типа характеризуют на Южном Кавказе комплексы первых веков I тыс. до н. э.

С последующими после отливки мелких металлических поделок операциями связаны некоторые рабочие инструменты нашей мастерской. Это в первую очередь темный полированный камень в форме призматического цилиндра (рис. 17, 6; Табл. XXVI, 7). Диаметр его 9 см, высота—2,5 см. В центре обеих его плоских поверхностей имеются плотно сконцентрированные мелкие выбоины—следы какой-то тонкой работы. Археологические и этнографические параллели позволяют считать этот камень ручной наковальней ювелира. Примеры показывают, что маленькие наковальни укладывались не на землю, а либо на колени мастера (Египет, росшие в гробнице Тини), либо на низкие деревянные козлы, около которых сидел мастер (остров Ява и др.)⁸⁴. Подобные наковальни служили для выполнения серии мелких операций—ковки, плетения и выдавливания металла, пробивания отверстий и др.

В этом же плане интересен найденный у алтаря первого святилища небольшой двусторонний молоточек с перехватом посередине (рис. 17, 2). Длина его 7,5 см. Следы работы на обоих концах, а также сколы на поверхности указывают на его длительное использование. Рядом с молоточком лежало около трех десятков мелких кусков стеатита, разбитого для каких-то целей, по-видимому, этим инструментом. Молоточек скорее всего был универсальным орудием и в равной мере мог использоваться в процессах металлообработки, в частности для оббивки краев и ковки различных изделий. Таким же молоточком, кстати, выполнялись различные операции в метал-

лообрабатывающей мастерской доурартского поселения Тейшебани⁸⁵. Наряду с подобными орудиями, судя по прекрасной серии из разных пунктов Армении, бытовали и бронзовые молоточки разных конфигураций, которые в силу своей миниатюрности должны были служить для выполнения специализированных тонких ювелирных операций⁸⁶.

Два следующих орудия, место находки которых локализуется в пределах того же южного участка, являются по существу уникальными. Первое из них скорее всего служило формой для чеканки узоров (рис. 17, 4; Табл. XXVI, 6). Это невысокий (высотой 7 см) пест, выточенный из светлого камня; одна из его двух несколько выпуклых поверхностей имеет орнамент в виде глубоко врезанного круга и распределенных внутри него по четырем секторам вписанных друг в друга углов. Положенный на такую поверхность и оббитый молоточком тонкий лист металла должен был приобретать «солярный» рисунок в виде круглого медальона, из центра которого расходятся лучи.

Другой каменный пест имеет колоколообразную форму и перехвачен несколькими поперечными вдавленными поясами (рис. 17, 5). Его рабочая поверхность также выпукла, но не несет на себе никаких изображений. Очень возможно, что это была еще заготовка такого же инструмента.

Наконец, серия обычных каменных пестов состояла из подпрямоугольной рабочей части и массивного отрезка-рукоятки (рис. 17, 3; 53). Конкретное назначение подобных универсальных предметов, применявшихся в частности при переработке продуктов земледелия и в различных других трудовых процессах, может быть в каждом отдельном случае определено лишь трассологически⁸⁷. Однако находки этих орудий в мастерских Двина и доурартского Тейшебани указывают на их прямое применение в металлообработке.

Двинские мастера изготавливали не только украшения из цветных металлов. В мастерской, на этом же «ювелирном» участке обрабатывались также и раковины. Здесь было обнаружено несколько сот раковин различных видов моллюсков, обитающих в водах Индийского океана. Подавляющее большинство со-

⁸³ Б. А. Кифтин, указ. соч., с. 56, табл. XXXII. Как известно, пастовые фигурные бусы изготавливались путем отливки в формах. См.: А. Лукас. Материалы и ремесленные производства древнего Египта. М., 1958, с. 258.

⁸⁴ R. J. Forbes. Studies in ancient technology, I, VIII, Leiden, 1964.

⁸⁵ А. А. Мартиросян, указ. соч., табл. XVIII, 2.

⁸⁶ Т. С. Хачатрян. Орудия труда эпохи поздней бронзы и раннего железа Армении, рис. 60—61.

⁸⁷ С. А. Семенов. Каменные орудия эпохи раннего металла. СА, 1969, № 2, с. 3.

ставляют раковины каури (табл. XXVII, 1). На некоторых экземплярах этих раковин металлической нитью сплелы «синики»; обнажившееся таким образом отверстие давало возможность нанизать эти раковины на штору ожерелья или закрепить в металлическое кольцо. Остальная масса каури составляла пока еще нетронутое сырье. Раковины каури, как известно, игравшие до недавнего времени у многих примитивных народов роль мелкой разменной монеты, в древности широко применялись в качестве бус, вставок в перстни, отделок деталей скульптуры. Раковины другого вида имеют форму полых гофрированных снаружи трубочек. Они представляли собой очень удобные заготовки, т. е. при расщеплении их на несколько кусков получались изящные цилиндрические бусы.

Носение раковин у многих древних народов было вызвано наделением последних особым смыслом. Они, в представлении древних, обладали то лекарственными, то профилактическими свойствами⁸⁸. На Переднем Востоке, где раковинам придавалось магическое значение, мы их встречаем то в виде вставок-символов на скульптурных изображениях божеств, то в виде закладок в фундаменте храмов, то в виде священных украшений.

Трудно сказать, была ли связана с производством здесь производственными процессами оставшая часть находок, локализуемая также в пределах южного участка. Это прежде всего набор бус из полудрагоценных камней—сердолика, агата и оникса (рис. 54). Все они имеют законченные формы. Одна поделка среди них оказалась бесспорной заготовкой какого-то каменного украшения. Это миниатюрный псевдоцилиндр из мраморизованного камня, на верхней поверхности которого глубокой линией намечен круг, несомненно предназначавшийся для последующей резки (рис. 54, 8). Таким образом, какие-то камнерезные работы здесь, по-видимому, все же производились. Попутно вспомним, что рядом с мастерской, в первом святилище, недалеко от алтаря найдены куски стеатита, расколотого тут же на месте. Как известно, этот мягкий камень широко использовался в древности для изготовления разного рода мелких поделок⁸⁹.

Наконец, на южном же участке локализуется россыпь пастового бисера, залегавшего слоями (табл. XXVII, 2). Огромное количество

этих украшений (несколько тысяч единиц), характер залегания и наличие заготовок в виде неперезанных пастовых трубочек как будто говорят за то, что бисер выделялся в нашей же мастерской и в момент ее гибели находился на различных стадиях изготовления.

Комплексный характер работ в Двинской мастерской, при котором одновременно отличались металлические изделия и обрабатывались раковины, позволяет допустить, что здесь же могли изготовлять и пастовые бусы тем несложным способом, для которого требовалась небольшая площадка и примитивный набор инструментов⁹⁰. А если это так, то наша мастерская впервые для Южного Кавказа фиксирует производство пастового бисера, который до настоящего времени мы хорошо знали лишь по находкам в могильниках.

И, наконец, из находок в Двинской мастерской остались еще два предмета, аналогий которым подобрать оказалось почти невозможным; это—восьмигранная рукоятка из слоновой кости (рис. 50, 8; Табл. XXV, 14) и тонкая серебряная плетенка (рис. 50, 6; Табл. XXV, 12). Орнамент рукоятки являет собой образец прекрасного костерезного искусства—здесь каждая грань покрыта тончайшим растительным орнаментом; оба конца ее закрыты серебряными набалдашниками. Точное название этого предмета неизвестно; сохранявшаяся в верхней части петелька с остатками колечка позволяет думать, что он мог служить рукояткой жпута. Отдаленное сходство с двинской находкой имеют рукоятки долотообразных орудий из синхронных Двину Арчадзорских курганов⁹¹. Они также парадно украшены, но в отличие от нашего изделия сделаны из металла и отделаны вкованной по спирали металлической лентой другого, нежели основа, оттенка.

Второй предмет имеет в разрезе квадратную форму и изогнут так, как бывают изогнуты ручки более поздних кавказских металлических ситул⁹². По-видимому, это была ручка от изящного серебряного сосуда, но каким-то причинам не сохранившегося до наших дней. Его прямоугольное сечение заставляет думать, что вещь была отлита в форме, имитирующей плетенку.

В целом оба изящных предмета выглядят инородными среди изделий прикладного ис-

⁸⁸ J. M. Aynard. Coquillage mesopotamiens, Syria v. LIII, Paris, 1966, p. 21.

⁸⁹ См.: А. Лукас. Материалы и ремесленные производства..., с. 96.

⁹⁰ А. Лукас, указ. соч., с. 94; E. W. Burgess. Antique Jewellery and Trinkets, New-York, 1919, p. 201.

⁹¹ К. Х. Кушнарева. Некоторые памятники..., рис. 2, 10; 8, 5.

⁹² См.: Б. Б. Пиотровский. Ванское царство, рис. 83.

кустства Кавказа начала I тыс. до н. э. Находки подобных вещей в каком-либо одном комплексе заставляли бы непременно считать их привозными. Скорее всего они и были завезены в Закавказье в порядке обмена из каких-то южных стран. В ювелирной же мастерской они могли служить своеобразными моделями для местных подражаний.

Таковы некоторые итоги изучения Двинского производственного комплекса. Мастерская, так же, как и святилища, погибла от пожара. Наличие здесь рабочего оборудования в виде литейных форм, наковален, штампов, а также сырьевых заготовок и вынужденной готовой продукции указывает на то, что в момент ее гибели она являлась действующим производственным организмом. Это была достаточно крупная по своим масштабам мастерская, работавшая, в силу удаленности от значительных медных месторождений, на привозном издалека сырье⁹³. Прибавочный продукт, получаемый в результате интенсивного земледельческого хозяйства, повсеместно процветавшего в начале I тыс. до н. э. в плодородной Араратской равнине, давая возможность древним обитателям Двина получать металлургическое сырье в порядке обмена. Наша мастерская являлась значительным шагом вперед по сравнению с серией более ранних южнокавказских мастерских, облик которых приблизительно восстанавливается с помощью некоторых этнографических моделей⁹⁴.

Двинская мастерская фабриковала широкий ассортимент изделий, обслуживавших различные сферы деятельности человека. Применение каменных литейных форм, значительно более долговечных, нежели глиняные, дававшие максимально лишь 20—30 отливок⁹⁵, свидетельствует о налаженном в Двине серийном производстве бронзовых изделий.

В мастерской, несомненно, была занята целая группа специалистов. Интересно и другое: судя по сделанным находкам, здесь, по-видимому, работали люди с различными производственными уклонами—одни отливали изделия из металла, другие занимались камнерезными работами и обработкой раковин: особым навыком требовало изготовление настольного бисера. Такое совмещение на одной

производственной площадке различных трудовых процессов как будто бы является для этого времени явлением закономерным и может быть прослежено по другим техническим комплексам Кавказа и соседних областей. Так, в мастерской доурартского поселения Тейшебанни бронзолитейное дело совмещалось с железоделательным⁹⁶. В Цагверской мастерской, помимо отливки бронзовых изделий, изготавливались орудия из обсидиана⁹⁷. В «доме металлурга» Аргиштихинли выполнялись одновременно бронзолитейные, кузнечные и костерезные работы⁹⁸. Интересно, что в бронзолитейной мастерской Капиша было налажено также серийное производство каменных топоров⁹⁹. Позднее такой картины не наблюдается, и каждый из этих видов работ—металлообработка, ювелирное дело, камнерезное дело и др.—оформляется в самостоятельную отрасль ремесла¹⁰⁰.

В целом же рассматриваемый период (конец II—начало I тыс. до н. э.) характеризуется в Закавказье развитием различных ремесленных производств, обслуживавшихся большой армией специалистов. Конечным пунктом сбыта вырабатываемой продукции являлись внутренние и внешние рынки.

* * *

Любая попытка хотя бы приблизительно реконструировать социально-экономическое положение южнокавказских ремесленников в доурартский период наталкивается, ввиду скудости археологических данных, на необходимость привлечения смежных областей знания. Это главным образом хорошо документированные урартские материалы и многочисленные этнографические зарисовки. Последние говорят о том, что первыми ремесленниками, порывающими с сельской общиной, почти повсеместно были специалисты по металлу или кузнецы¹⁰¹. Подтверждение этому мы на-

⁹³ А. А. Мартиросян. Новые данные по истории города Тейшебанни. ИФЖ, 1963, № 2, с. 330.

⁹⁷ Отчеты Гос. исторического музея за 1916—1925 гг., М., 1926, с. 10.

⁹⁸ А. А. Мартиросян. Древнеурартская металлургическая мастерская в городе Аргиштихинли. ИФЖ, 1973, № 1.

⁹⁹ Tahsin Ozguc, Report on a Work-shop belonging to the late phase of the colony period, ТТК, Belleten, XIX, 1955, p. 78.

¹⁰⁰ См.: Б. Н. Аракелян. Города и ремесла в Армении в IX—XIII вв., т. I, Ереван, 1958 (на арм. яз.); Д. А. Хухутайшян. Вопросы истории городов Иберии.

¹⁰¹ Б. А. Колчин. Черная металлургия. МИА, № 32, М., 1953, с. 192.

⁹³ При оценке масштаба производимой в Двине продукции следует учитывать, что территория мастерской вскрыта далеко не полностью.

⁹⁴ К. Х. Кушнарева. К вопросу о развитии ремесла на южном Кавказе в древности, ИФЖ, 1974, № 2, с. 60.

⁹⁵ Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948, с. 154.

ходим и в древнейших шумерских документах. Кузнецы, в частности, в качестве первых ремесленников храмового хозяйства упоминаются в табличках IV слоя Урука¹⁰². По документам же арханческого Ура, кузнецы там имели уже известную организацию, во главе которой стоял *simuggal*, что означает «большой кузнец»¹⁰³. В Египте кузнецы и золотых дел мастера, работавшие при храмах, возглавлялись жрецами¹⁰⁴. В Шумере, Египте и Хеттском царстве это были свободные граждане¹⁰⁵. В гомеровской Греции свободные кузнецы входили в общественную категорию *демиургов*, т. е. «работников на народ» и в той или иной форме состояли на иждивении общества, будучи освобожденными от занятий земледелием и скотоводством¹⁰⁶. Имеются сведения, что кузнецы и ювелиры ряда стран (Египет, Микены, Рим) занимали особое положение¹⁰⁷. Их имена постоянно встречаются в письменных документах. В Египте, в частности, ювелиры были приближены к фараонам.

Отношение к кузнецам у первобытных и отсталых народов весьма противоречиво, что, к сожалению, до сих пор не нашло своего точного объяснения в литературе. Положение кузнецов здесь было то низким, то высоким, но всегда особым. Кузнецы у племен северной Африки, например, стоят «вне общества» — это низшая раса¹⁰⁸. Кузнецы Эфиопии, являясь эндогамной кастой, занимают также низкое положение¹⁰⁹. «Неблагородную», эндогамную группу составляют кузнецы у арабов Саудовской Аравии, а также кузнецы Тибета¹¹⁰. А вот кузнецы Конго, будучи также обособленной кастой, занимают, наоборот, высокое положение в обществе¹¹¹. Такое же высокое положение имеют кузнецы у бурят¹¹²;

здесь они принадлежат к высшему классу. В Монголии некоторые кузнецы еще недавно имели звание, приравненное к рыцарскому.

Кавказская этнографическая действительность дает пережиточный материал, позволяющий судить о положении кузнеца в более отдаленные времена. Кузнецы у абхазов, например, были почитаемы в обществе. Работая в мастерских, они сохраняли свои земельные участки, которые обрабатывали их односельчане; односельчане же доставляли кузнецу дрова, снабжали скотом для убоя¹¹³. Почтались кузнецы также у армян, мингрелов, осетин, черкесов¹¹⁴.

Некоторые археологические свидетельства как будто бы указывают на то, что на Кавказе и в древности фигура ремесленника занимала не рядовое положение. Свидетельства эти относятся преимущественно ко второй половине II-началу I тыс. до н. э. и добыты в результате раскопок погребальных комплексов. Это могилы мастеров-профессионалов, особая значимость которых, в отличие от могил рядовых общинников, подчеркнута рабочими инструментами, сопровождавшими покойников. Напомним, что для первой половины II тыс. до н. э. мы пока знаем только одно погребение мастера-профессионала: это могила ювелира с универсальным бронзовым резцом в Авиэви¹¹⁵. Поздние погребения все чаще и чаще дают ответ на вопрос: кто похоронен в той или иной могиле, кем этот человек был при жизни? Теперь атрибуция некоторых погребений помогает раскрыть профессию покойного. Граверу-костерезу кладут в могилу полировальные бруски, а также заготовки в виде фалангов и костяных пластины (Самтавро а позднее Бамбеби)¹¹⁶, плотнику — топор, пилу и долота (Артик, Лчашен и др.)¹¹⁷, кожевнику — резак и набор пластины для обработки и тиснения кожи (Лчашен и др.)¹¹⁸. Возможно, на занятие ткачеством указывают пряслица из Артикских погребений №№ 4, 12.

¹¹³ Г. Ф. Чурсин. Материалы по этнографии Абхазии. Сухуми, 1957, с. 70.

¹¹⁴ Г. Ф. Чурсин, указ. соч., с. 72—73; С. А. Токарев. Религия в истории народов мира. М., 1964, с. 165.

¹¹⁵ Ф. Тавадзе, Т. Сакарелидзе. Бронзы древней Грузии Тбилиси, 1959, с. 27.

¹¹⁶ Д. А. Хахугайшвили. Погребение гравера из некрополя Бамбеби. ВДН (Кавказско-ближневосточный сборник. III). Тбилиси, 1970, с. 136.

¹¹⁷ Т. С. Хачатрян. Материальная культура..., табл. 3, 5—9, рис. 10; Г. Е. Арешян. Орудия труда Артикского могильника. ИФЖ, 1970, № 3, с. 251.

¹¹⁸ Т. С. Хачатрян. Орудия труда эпохи поздней бронзы..., с. 242.

¹⁰² А. Н. Тюменев. Государственное хозяйство древнего Шумера. М.—Л., 1956, с. 50.

¹⁰³ Там же, с. 73.

¹⁰⁴ R. J. Forbes. Studies in ancient technology, v VII. Leiden, 1964, p. 84.

¹⁰⁵ А. Н. Тюменев, указ. соч., с. 84, 92, 99, 110; Э. А. Менабде. К вопросу об экономическом развитии Хеттского царства. ИСЭИО. М.—Л., 1963.

¹⁰⁶ М. О. Ковсан. К вопросу о военной демократии. ТИЭ IV, 1966, с. 225.

¹⁰⁷ R. J. Forbes, op. cit., p. 82.

¹⁰⁸ Н. Н. Зубер. Очерки первобытной культуры. М., 1937, с. 441.

¹⁰⁹ O. Bischofberger. Die soziale und rituelle Stellung der Schmiede und des Schmiedeklans bei den Zanak. Paideuma, Bd. XV, 1969, p. 184.

¹¹⁰ Народы Передней Азии. М., 1957, с. 391; Ю. Липс. Происхождение вещей. М., 1954, с. 153.

¹¹¹ Народы Африки. М., 1954, с. 472.

¹¹² Ю. Липс, указ. соч., с. 153.

и 131¹¹⁹; во всяком случае, о женской принадлежности захороненных в этих могилах людей может говорить наличие таких украшений, как браслеты, подвески, серьги, височные кольца, разнообразные бусы. Небезынтересно вспомнить, кстати, что тысячелетием раньше, при похоронах одного из беденских вождей

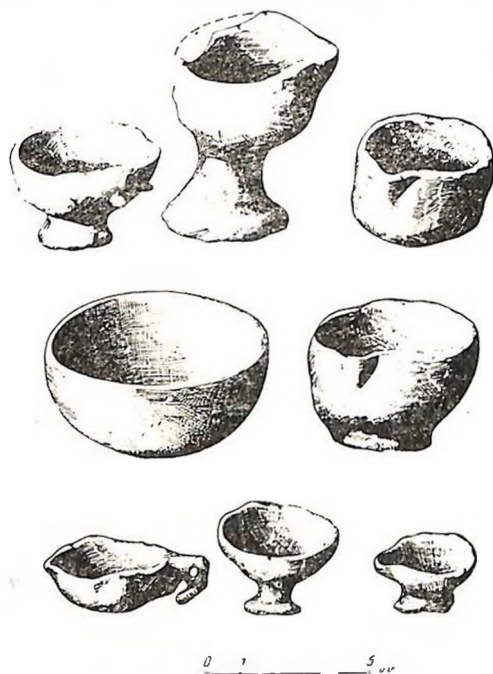

Рис. 83 Артик. Набор предметов из погребения литейщика.

была убита женщина, возможно, его рабыня, рядом с которой в могиле оказалось веретено, указывающее на ее занятие при жизни¹²⁰. Наконец, к середине I тыс. до н. э. относится пока единственное на Кавказе погребение гончара с орудиями для полировки и нанесения орнамента¹²¹.

В связи с Двинской мастерской наибольший интерес представляют так называемые погребения литейщиков, известные до недав-

него времени лишь по находкам в восточно-европейской части СССР¹²². Теперь такие погребения открыты в Армении и Грузии. Самые ранние из них (XIV—XII вв. до н. э.) обнаружены в известном Артинском могильнике; здесь было открыто два таких погребения: в могилу № 285, в частности, был положен набор орудий мастера—ложечки, тигли, льяники (рис. 83)¹²³; в другую—набор льяников¹²⁴.

Разнообразный ассортимент орудий, связанных с бронзолитейным делом, окружал центральное погребение в коллективной могиле сел. Ахлатян, в Сиспани¹²⁵; здесь рядом с мастером лежало большое копье, тигли, сопла и формы для отливки стержней.

Наконец, интересный комплекс сравнительно недавно открыт в Гантнади¹²⁶. Ассортимент орудий мастера в нем еще более широкий—три каменные формы для отливки секир и две—для плоских топоров «с плечиками»; одна из них на боковой плоскости имела дополнительную форму для отливки четырехгранного стержня. В погребении находились также два тигля, две ступки для толчения руды и глиняная трубка для заливки металла.

В связи с вновь открытыми комплексами литейщиков следует привлечь к исследованию и некоторые старые материалы, в частности добытые Ж. Морганом в могильниках Армении (Мусперн, Ахтала)¹²⁷. Здесь, как указывает автор, в некоторых могилах были встречены большие куски шлаков железной руды, что надо рассматривать как указания на занятие (горняк, металлург) погребенных.

Погребения мастеров в первую очередь подчеркивают их принадлежность к избранной профессии, а также в какой-то мере указывают на положение в обществе, их социальную значимость. Сопровождающий рабочий инвентарь здесь, бесспорно, выступает в ка-

¹²¹ В. П. Шилова. Погребение литейщика катакомбной культуры в Нижнем Поволжье, КСИА, в. 106, 1966; его же. О древней металлургии в Нижнем Поволжье. МИА СССР, № 60.

¹²² Т. С. Хачатрян. Древняя культура Ширака рис. 118.

¹²³ Т. С. Хачатрян. Материальная культура..., с. 66.

¹²⁴ Раскопки М. С. Асратяна; материал не издан, упоминание о нем имеется в статье А. А. Мартиросяна «Новые данные по истории города Тейшебаини», ИФЖ, 1963, № 3, с. 230.

¹²⁵ Г. Б. Авадзишвили. Погребение литейщика из могильников в Гантнади. СА, 1970, № 4.

¹²⁷ J. Morgan, op. cit., p. 88.

¹¹⁹ Т. С. Хачатрян. Материальная культура..., с. 164, 167—168, рис. 11.

¹²⁰ Г. Ф. Гобеджишвили. Беденская гробница

¹²¹ Д. А. Хакхутишвили. Уплисхихе I, с. 85 (на груз. яз.).

честве личной собственности мастера, не связанной с собственностью общины, что можно истолковать как показатель уже некоторой обособленности ремесленников в среде основной массы общинников.

Так древние погребальные памятники сигнализируют о начавшемся процессе отщепления ремесленников в обособленные социальные группы производителей. Значительно позднее, в средневековые, в эпоху классического расцвета ремесла, положение профессионалов в обществе продолжает традиционно закрепляться особым погребальным обрядом. Об этом мы знаем, например, по могиле ювелира—торговца из Грузии, которого похоронили с разновесками, поставками для перстней и бронзовым экспаншем¹²⁸. Вплоть до недавнего времени в Армении принадлежность мастеров к определенной профессии обозначали положением в могилу рабочих инструментов и изображением последних на их могильных надгробиях.

Великолепный сравнительный материал, характеризующий имущественное и социальное положение ремесленников в урартском государстве получен в результате широко развернувшегося раскопок Аргинтихинили¹²⁹. Синтез письменных источников и наблюдений в поле четко выявил сложную социальную структуру города¹³⁰. Выясняется, что ремесленники здесь занимали не рядовое положение. Их дома, вместе с домами богатых землевладельцев, знатных воинов и должностных лиц урартской администрации располагались во внутренней части города. Это были отдельные особнячки с прекрасными стенами из крупных базальтовых блоков, оформленных наружными контрфорсами, общей площадью 500—700 кв. м.¹³¹. Ядром домов неизменно служили жилые комнаты с центральным залом, площадь которого иногда достигала 100 м²; вокруг группировались хозяйственные помещения. Непременными атрибутами центрального зала с конусовидным перекрытием и верхним световым окном—местом сбора большесемейной общины—являлся очаг, длинные глиняные скамьи вдоль стен и культовый уголок с идолом для совершения религиозных церемоний.

Профессиональная принадлежность хозяев этих особняков устанавливается по специ-

альным атрибутам их ремесленного труда; для каменотеса—это характерные железные топоры, для гончаров—серия гончарных кругов и различные полировальные орудия, для прачевателя—сложный набор миниатюрной тары и остатки «лекарственных» животных, для резчика по камню—заготовки печатей и амулетов, для кузнеца-бронзолитейщика—горн, шлаки, крицы, литейные формы.

Размах построек, а также их содержимое говорят о большом достатке хозяев. Так в винном погребе каменотеса (дом № 1) хранилось около 12—13 тыс. литров вина, а в скотном помещении было до 40 голов мелкого рогатого скота. Большим количеством разнообразной тары были уставлены хозяйственные помещения этого дома. В доме гончара (дом № 3) оказался большой винный склад, масса столовой и парадной посуды, а также различной хозяйственной тары с метками мастеров и обозначением меры емкости. Картину живо дополняет серия земледельческих орудий (лопаты, ножи, серпы, решето и др.), а также такие находки как часть деревянного яра, плетеная корзина, точильные камни и др. Открыты амбары для хранения запасов зерна и муки, а также помещения хлевы. Достаток хозяев здесь характеризуют найденные в разных местах изящные базальтовые чаши, красноангобированные сосуды, разнообразная хозяйственная тара с метками.

Исключительно важный материал получен в результате раскопок дома бронзолитейщика-кузнеца, расположенного между двумя башнями восточного входа заброшенной к VII в. до н. э. западной крепости царского дворца. Раскопками четко установлена динамика разрастания этого дома, а вместе с этим и масштабов самого производства. Составивший первоначально из трех небольших комнат дом этот со временем был значительно расширен и доведен в конечном итоге до 14 помещений производственного, жилого и хозяйственного назначения, общей площадью около 400 кв. м. Не довольствовавшись этим, хозяева в конце концов основали под производство и часть заброшенного дворцового помещения, где была сооружена обогатительная система, состоящая из ванны, желоба и колодца. Здесь же стояло каменное изваяние божества—скорее всего покровителя кузнецов. В Аргинтихинили была открыта и вторая мастерская. «Судя по продукции,—пишет А. А. Мартиросян,—рассмотренные металлургические мастерские не принадлежали к числу царских—государственных, и мастера, работавшие здесь, не являлись высоко привилегированны-

¹²⁸ А. А. Нааценко. Находка византийского экспанша в Грузии. КСИМК, вып. XIX, 1948, с. 43.

¹²⁹ А. А. Мартиросян. Аргинтихинили. Ереван, 1974.

¹³⁰ А. А. Мартиросян. К социально-экономической структуре города Аргинтихинили. СА, 1972, № 3.

¹³¹ А. А. Мартиросян. Аргинтихинили, с. 104.

ми. Однако по своему социально-экономическому положению они сильно отличались от жилищов обычных городских лагун, хотя техника строительства их домов и некоторые черты планировки выявляли много общего с последними. Металлурги города принадлежали, вероятно, к категории свободного населения с довольно высоким материальным достатком. Об этом свидетельствуют препарированные слои хозяйственных помещений, в одинаковой мере насыщенных всевозможной глиняной тарой, зернотерками, точилками, лопатками и прочими предметами домашнего хозяйства и быта. В этих помещениях были встречены также многочисленные остатки домашних и промысловых животных—остатки птицы хозяев, что является показателем материального уровня их жизни. Как видно по остаткам, в семье мастерового-бронзолитейщика употребляли мясо домашней птицы (утки, гуси, куры)... Не в малом почте была поросятнина... Некоторые другие археологические остатки указывают на то, что в доме кузнеца жили заядлые охотники. Об этом свидетельствуют остатки безроговых коз, кости с ржавым оттенком... Употребляли в пищу мясо муфлона»¹³².

Приведенные материалы живо передают характер жизни урартских мастеровых. В какой-то мере они проливают свет и на жизнь ремесленников в доурартской Армении.

* * *

Одной из форм сложных и многоплановых связей, устанавливающихся в недрах обществ, стоявших на ранних этапах человеческой истории, является взаимосвязь различных производственных процессов с религиозной обрядностью. Вот что об этом пишут этнографы: «Отражение производственной деятельности в формах общественного сознания выражается, во-первых, в специфической связи культа с условиями труда (охотничья магия, магические церемонии умножения сил природы, церемонии вызывания дождя). Во-вторых, это отражение мы находим в связи объектов культа с орудиями труда. Некоторые орудия становятся предметами культа, их используют в магии или религиозных обрядах... Все эти факты—результат того, что на ранних ступенях общественного развития религиозные верования и обряды слиты воедино с процессом воспроизводства человеческого существования»¹³³.

¹³² А. Л. Мартиросян. Древнеурартская металлургическая мастерская в городе Артиштхини, с. 161.

¹³³ В. Р. Кабо. Некоторые проблемы культуры австралийских аборигенов. ВИМК, 1959, № 6, с. 79.

К. Маркс и Ф. Энгельс дают следующее определение этой стадии развития человеческого общества: «Производство идей, представлений, сознания первоначально непосредственно вытекает из материальной деятельности и в материальное общение людей, в язык реальной жизни. Образование представлений, мышление, духовное общение людей являются здесь еще непосредственным порождением материального отношения людей»¹³⁴.

Как мы пытались показать выше, в древних святилищах отпирался культ плодородия, порожденный аграрно-скотоводческим и охотничьим укладами хозяйства древних аборигенов. Эта сложная религиозная надстройка родилась в процессе сложившейся тысячелетиями трудовой деятельности человека. Имеющиеся в нашем распоряжении материалы показывают, что наряду с почитанием божеств, связанных со всеобщей идеей плодородия, древним населением Кавказа отпирался и другие культы, в частности рожденные во время добычи и обработки металла. Это не удивительно, если учесть, что Кавказ, чрезвычайно богатый рудами, с древнейших времен являлся мощным металлургическим центром.

Танства, связанные с металлом,—явление, существовавшее у многих древних народов. На Переднем Востоке, например, различные отрасли металлургии являлись «мистериями», в которых могли участвовать лишь прошедшие специальное обучение люди. В Угарите, в частности, мастера-литейщики оказываются почитателями особых божеств¹³⁵. В Библе мастера-металлурги, в силу их связи с божественным металлом, именуются колдунами. Большой интерес в плане сказанного представляют данные о связи ювелиров и ювелирного дела с религиозными верованиями в древнем Шумере¹³⁶. Исходной точкой этой связи было наделение шумерийцами драгоценных металлов, а также редких камней различными магическими свойствами, вера в то, что эти материалы связаны с богами. Есть также свидетельства о том, что драгоценные металлы идентифицировались со звездами, т. е. несли в себе астральную символику. Чем реже встречался металл, тем больше в нем было скрытых сил. Наибольшей силой обла-

¹³⁴ К. Маркс, Ф. Энгельс. Немецкая идеология. Соч., II изд., т. 3, с. 24.

¹³⁵ Г. Чайлд. Археологические документы по предистории науки. ВИМК, 1957, № 2, с. 67.

¹³⁶ K. W. Maxwell-Hyslop, The Ur Jewellery, Iraq, v. XXVII, p. 105.

дало золото. Оно, в представлении древних людей, было надделено властью и животворными свойствами. Золото было связано с солнцем.

Все эти концепции лежали в основе ювелирного дела, которое в тот период обслуживало в первую очередь храмовые организации с их сложным ритуалом и заупокойным культом. В конечной цели эти драгоценности должны были стать неотъемлемой частью божественной собственности. Ритуал был точно разработан и неуклонно проводился в жизнь, о чем красноречиво говорит единообразие ювелирных изделий в древней Месопотамии. Шумерийские ремесленные традиции оказались достаточно живучими, и повторение тех же обрядов, требовавших того же убранства, мы видим позднее в Ассирии и других городах Переднего Востока.

Но особенно ярко о культе металла повествует этнография¹³⁷. Здесь в равной мере примеры могут быть почерпнуты как в различных обрядах первобытных племен, так и в пережиточных верованиях некоторых современных народов. Устанавливается, что отношение к самому металлу, как явлению загадочному и могущественному, было первоосновой многих других культов, в частности культа мастера—металлурга и кузнеца, его инструментов, а также самой кузницы. У индейцев, например, медь являлась символом огромной силы и бесметельного богатства. Согласно представлениям африканских негров, сила металла состояла в его связи с землей; металл—это земля, очищенная огнем. У него есть духи-защитники и покровители, которые негодуют, когда металл выкапывают из земли. Отсюда у многих первобытных народов происходят различные легенды и поверья, связанные с работой рудокопов.

Культе металла глубоко проник в мировоззрение многих современных народов и существовал в качестве пережитка фактически до недавнего времени. Особенно наглядно это прослеживается на этнографическом материале Кавказа. В качестве почитаемого металла здесь выступает почти всегда железо, что должно быть объяснимо относительно поздним его появлением на исторической арене.

По представлениям армянских и азербайджанских кузнецов, например, небосвод сделан из ковачного железа. Солнце же—раскаленный в печи кусок железа, звезды—искры, разлетевшиеся во времяковки. По представлениям ювелиров, луна—это ковачное из серебра блюдо. Среди народов Кавказа бытует поверие о связи железа с молнией. Армяне бывшего Казахского уезда, в частности, полагали, что молния—это спича из прялки¹³⁸. Выражение «небо оковалось звездами» свидетельствует примерно о тех же понятиях, бытовавших в грузинской среде¹³⁹.

Семантическая связь различных металлов с небом прослеживается в представлениях и мифах многих народов¹⁴⁰; достаточно вспомнить мифический образ скифского плуга, падающего с неба¹⁴¹.

К металлу на Кавказе до недавнего времени существовало противоречивое отношение. Считалось, что он может принести вред и отогнать злую силу. К поверьям первой категории относятся представления азербайджанцев о том, что свежий хлеб нельзя резать ножом; у них запрещается входить в комнату к роженице, имея при себе металлические предметы: от этого женщина может заболеть, а ребенок умереть. Металл мог оказывать дурное воздействие и на некоторые производственные процессы; это, в частности, распространялось на шелководство: при входе в помещение, где находились шелковичные черви, женщины снимали часы и золотые украшения.

Поверьям такого рода противостояло глубокое почитание металла. Его наделяли могучей сверхъестественной силой, считали магическим оберегом. Следы почитания металла мы постоянно находим в армянских народных верованиях и обычаях. Сталь и железо обладают предохранительной силой. У армян Нагорного Карабаха под подушку роженице клали стальные или железные предметы—нож, пожницы, книжал, замок, а перед дверью кидали пепь¹⁴².

¹³⁸ Г. А. Гулиев, А. С. Бахтиярова. Древние религиозные культы в Азербайджане и их пережитки в быту. Баку, 1968, с. 89 (на азерб. яз.).

¹³⁹ Н. Я. Марр. Яфетические элементы в языках Армени, I, ИАН, 1911.

¹⁴⁰ Р. В. Шмидт. Металлическое производство в мифе и религии античной Греции. Изв. ГИИМК, т. IX, в. 8—10, № 1.

¹⁴¹ Н. Я. Марр, Сб. «По этапам развития яфетической теории», Скифский язык, Л. 1926, с. 353.

¹⁴² С. Т. Лисицян. Армяне Нагорного Карабаха, с. 140.

¹³⁷ Весьма интересная работа в этом плане проделана Р. Форбсом. Им отобрано большое количество сведений, характеризующих культ металла у различных народов в древности и в современной действительности. См.: R. Forbes, op. cit., p. 62—82; см. также Е. Н. Черных Металл-человек-время. М., 1972, гл. VII.

Зажатая между зубами железная игла, например, предохраняет человека от молнии. Железо отгоняет злых духов-демонов. С этой целью на руках носят стальные браслеты, кладут в карманы кусочки железа. Кусочек металла одинокий путник непременно берет в дорогу.

Металл у армян постоянно фигурирует в повседневной жизни, особенно при рождении ребенка, свадьбе, во время болезней. Существует поверье, что дом является скопищем злых духов, поэтому во время свадьбы, когда особенно следует бояться сглаза, над порогом, через который проходят новобрачные, держат шапку.

Интересны поверья, связанные с постройкой нового дома. Металлические деньги, а также, если судить по археологическим документам, просто кусочки металла, закладывались в фундамент нового дома, на пороге же дома прибивалась подкова. Все это должно было принести благополучие и богатство его обитателям.

Металл помогал отгонять дурные сны, которым армяне придавали большое значение, верили им. Для этого под подушку снящему клали металлические предметы. Особым почитанием у армян пользовалось железо, обработанное в Великую пятницу на страстной неделе. Сделанные в этот день амулеты, браслеты и перстни имели необычайную магическую силу¹⁴³. Пятница считалась священным днем, по всей вероятности связанным с поклонением древнему божеству грозы. Таким же священным днем у кавказцев был Великий четверг. В этот день кузнецы делали маленькие молотки и топоры и вешали их на люльки, чтобы отогнать злых духов от ребенка¹⁴⁴. Четверг, кстати, был священным днем и у немцев; он символически связывался с поклонением древнему божеству грома и молнии. Доннару¹⁴⁵.

Многие проявления культа металла у армян перекликаются с поверьями других народов. Это наблюдается, скажем, в свадебных обрядах. У народов, входящих в нахдагскую этническую группу (будуг, хуналуг), невеста, пришедшая в дом жениха, обсыпалась сладостями, ячменем, пшеницей, рисом и мел-

кими железными гвоздиками¹⁴⁶. При входе в комнату жениха невесте под ноги клали медный поднос, металлический предмет или кусочек железа. При этом считалось, что невеста в результате становится тяжелой, как железо, и до конца жизни будет оставаться в доме мужа. У закавказских ингульцев при входе новобрачных в комнату в очаг бросали кусок железа; если железо раскалялось—это было добрым предзнаменованием, если чернело—злым.

Металлический предмет бросали под ноги купленному скоту. Это гарантировало новому хозяину возвращение скота в его двор.

Горские евреи, услышав вой собаки, возлагали в землю нож, ножницы или что-либо острое для того, чтобы отогнать злых духов. «Волшебную» предохранительную силу имела стальная игла или булава, которыми пользовались в качестве оберега армяне и многие другие народы во время ночных путешествий, грозы и в ряде других случаев.

Роль оберега у абхазов до недавнего времени выполнял кусочек шлака, повешенный на фруктовое дерево или скотину¹⁴⁷. У осетин существовал обычай проводить новобрачных под скрепленными шапками. Они же обожествляли надочажную печь; печь охраняла благополучие семейного очага.

Вера в целебную силу металла наблюдалась и у народов Средней Азии¹⁴⁸. Так, казахи Мангышлака еще до революции считали, что медное ожерелье помогает против язв. Необходимые им же древние бронзовые наконечники стрел воспринимались как воплощение молнии и наделялись силой, противоборствующей болезни детей и животных; стрелки эти вешались в качестве оберега на шею. Прикладывание меди считалось целебным действием у каракалпаков. У киргизов, чтобы поправиться от желтухи, больной должен был смотреть в медный таз.

Почитание металлов, наделение их сверхъестественной силой трансформировалось в сложный комплекс верований, в котором наряду с металлами священными становились все предметы и явления, функционально с ними связанные. Это кузнец, кузница, плавильная печь, молот и наковальня. У африканских негров, например, кузница считалась храмом духов земли и огня, кузнец—жрецом, способным с помощью известных обрядов

¹⁴³ С. Т. Лисицян. Очерки этнографии дореволюционной Армении. КЭС, № 1, М., 1955, с. 263.

¹⁴⁴ Народные обычаи и верования Кавказа. ЭКОРГО, кн. XXV, 1906, с. 32.

¹⁴⁵ M. Abeghian, Der armenische Volks Glaube, Leipzig 1899, с. 90—92.

¹⁴⁶ Г. А. Гулицо, А. С. Бахтияров, указ. соч., с. 90.

¹⁴⁷ Г. Ф. Чурсин. Материалы по этнографии Абхазии, с. 71.

¹⁴⁸ Б. А. Литвинский. Древнейшие страницы истории горного дела Таджикистана. Сталинабад, 1954, с. 15.

ускорить или вызвать рождение металлов, а нечъ—алтарем, на котором совершался обряд¹⁴⁹. Сверхъестественной силой наделялись и инструменты кузнеца: считалось, что они обладают свойством действовать самостоятельно, независимо от человека. Особого почитания у ряда народов заслуживают молот и наковальня. С ними связаны различные поверья, сказки и обряды. Культ молота и наковальни был широко развит у армян, азербайджанцев, абхазов. Стоя перед наковальней с молотом в руках, абхазы приносили присягу, совершали жертвоприношения, просили защиты¹⁵⁰. У азербайджанцев наковальня считалась священной; ударять по ней без надобности считалось грехом. В Кахе каждую субботу на наковальне зажигали свечу, и подмастерья на коленах обходили наковальню, целуя ее при этом¹⁵¹.

Култ кузницы и почитание мастера-кузнеца занимали одно из почетных мест в верованиях племен и народов, связанных с металлообработкой. Это явление наблюдалось повсеместно. Фигура кузнеца была окружена ореолом таинственности, его действия сопровождались сложным, отработанным веками ритуалом. Этот ритуал, так же, как и профессия кузнеца, передавались обычно по наследству и являлись привилегией определенных родов или фамилий. Страх перед кузнецом проявлялся по-разному. Согласно верованиям некоторых племен восточной Африки кузнец обладает силой навлекать порчу на врага, его инструменты считаются колдовскими, до них никто не может дотрагиваться¹⁵². Кузнецы джагга по форме плаков предсказывали будущее.

Письменные источники оставили весьма любопытные сведения о фигуре мастера-кузнеца на острове Ява в древности¹⁵³. Кузнец занимал здесь почетное место при княжеском дворе, был приближенным к князю; их отношения описываются как братские, их родословные, по преданию восходят к богам. Кузнечное ремесло на Яве было окружено мистикой. Особого почитания достигал кузнец, который изготавливал знаменитое яванское оружие—кинжал «крис». Современная этно-

графическая действительность донесла до нас отголоски тех ритуалов, которые сложились благодаря многовековой традиции. Даже сейчас при изготовлении кинжала бедная яванская кузница украшается как сцена для представления. Перед началом работ совершаются те же обрядовые действия, что и при других ритуальных церемониях: обрезании или свадьбе. Кузница становится местом, где разыгрываются приключения яванского племенного героя Панджи и лесного бога Баншипати. Эти же сцены затем воплощаются в украшениях на кинжалах. Представления о кинжале на о. Ява перекликаются с некоторыми кавказскими обычаями. Грузины-имеретинцы, в частности, считают особые рачинские кинжалы единственным оружием, которого бонги нечистой силы¹⁵⁴.

Особых церемоний требовал процесс плавки металлов. У негритянского племени гангуола при рытье плавильной ямы туда бросают священные корни и окропляют ее кровью жертвенной птицы; люди, сооружающие яму, обязаны длительное время воздерживаться от пищи и половой жизни¹⁵⁵. Другое племя—гангве—не имеет права начать плавку, пока знахарь не продаст на это разрешение. Цена на плавку была достаточно высокой—пять овец, пять кур и пять кусков латушной проволоки. В плавильную яму ставился горшочек со священными нигредиептами—пучок листьев, кора, яд, кусочек мозгового вещества предка, который должен «наблюдать» за ходом плавки. Плавка начинается под звои колокола знахаря, танцующего под звуки ритуальных песен и трубачего при этом в рог.

Обращаясь к верованиям кавказских народов, мы находим отголоски все тех же сложных и многозначных явлений. Повсюду народная память запечатлела имена языческих божеств—покровителей кузнечного дела. У армян это был Ован-Горлан—«небесный кузнец» и «стрелец»¹⁵⁶, у абхазов—могущественный Шасни, у сванов—Солон, у черкесов—Тисне, у осетин—Курдалагон¹⁵⁷.

Особенно высокого почитания кузнечное ремесло и кузница достигли в абхазской среде. Здесь кузнец считался жрецом Великого Шасна—одного из главных божеств языче-

¹⁴⁹ R. Forbes, op. cit., p. 76.

¹⁵⁰ Н. Джанашивили. Абхазия и абхазцы. ЗКОНРЭО, XVI. Тифлис, 1894, с. 53.

¹⁵¹ Г. А. Гулиев, А. С. Бахтияров, указ. соч., с. 92.

¹⁵² С. А. Токарев. Религия в истории народов мира. М., 1964, с. 126.

¹⁵³ R. Forbes, op. cit., p. 70.

¹⁵⁴ Г. Ф. Чурсин. Култ железа у кавказских народов ИКНАН, т. VI, Тифлис, 1928, с. 84.

¹⁵⁵ Ю. Липс. Происхождение негров. М., 1954, с. 155.

¹⁵⁶ А. А. Мартиросян. Древнеурартская мастерская..., с. 160.

¹⁵⁷ Г. Ф. Чурсин. Култ железа у кавказских народов. с. 67.

ского пантеона абхазов. Его профессия носила фамильный характер, его жреческие обязанности передавались по мужской линии. Абхазский кузнец—влиятельное, неприкосновенное лицо, у которого односельчане просили обычно заступничества. Кузница представлялась абхазу чем-то вроде святилища, в ней устраивались моления, давались присяги, совершались жертвоприношения. За благополучие семьи молитву обычно произносил кузнец—глава семьи, при этом непременно резали козла или барана и от каждого члена семьи—петуха. Почитание кузницы у абхазов тесно переплеталось с поклонением лунному божеству; при ритуальных церемониях под Новый год, которые должны были непременно закончиться до захода луны, жертвенный пирог выпекался в форме полумесяца. В тех случаях, когда абхазский кузнец умирал, не передав своего ремесла по наследству, и работа в кузнице прекращалась, члены его семьи, следуя традиции, продолжали совершать в ней молитвы. Такая кузница по существу становилась настоящим святилищем¹⁵⁸.

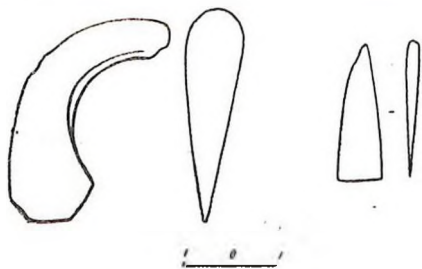

Рис. 84 Арич. Ритуальные модели топоров

Приведенные примеры из области этнографии, число которых при желании можно значительно увеличить, с достаточной убедительностью показывают насколько сильны были древние традиции преклонения перед загадочной силой металла. Наиболее архаичные пласты этих сложных верований, к сожалению, для нас навсегда утеряны. Об их существовании мы можем только догадываться. Некоторый свет на эту проблему все же проливают археологические документы. В Египте, скажем, паряду с золотом почиталось и железо. Особенно ярко это прослеживается в ран-

ний период (III—II тыс.), когда железо еще не было внедрено в производство. Топография находок самых древних железных предметов свидетельствует о выполнении ими сожральной функции. А. Лукас, например, сообщает об этом ряд сведений: кусок железа входил в набор «магических предметов» в храме Менкаура в Гизе¹⁵⁹. Другой кусок оказался заложенным в основание храма времен VI династии в Абыдосе. Маленький амулетик в виде книжала с железным лезвием метеоритного происхождения находился в храме XI династии в Дейр-эль-Бахри. Наконец, в гробницу Тутанхамона были помещены священные железные предметы—книжал, подголовник, амулет в виде глаза и набор «магических инструментов» для ритуальной церемонии.

Аналогичная картина выявлена археологами и в других древних памятниках. Так, в одном из святилищ Угарита был обнаружен ритуальный книжал из железа, золота и серебра¹⁶⁰, а в фундаменте храма Тукултени-пурты I в Ашшуре оказалась заложенной железная табличка¹⁶¹.

Самые ранние археологические следы почитания металла на Кавказе относятся к III тыс. до н. э., когда металлические предметы начинают интенсивно внедряться в различные сферы человеческой деятельности. В этом плане исключительно эффектный материал получен недавно благодаря раскопкам Т. С. Хачатряна в Ариче¹⁶². Здесь в помещении упоминавшегося выше святилища, где находился женский каменный идол и другие атрибуты культовой обстановки (фигурки людей, животных, модели повозок, сосудов и др.), неожиданно был обнаружен набор миниатюрных моделей, связанных с металлообработкой; это—ляльки, тигельки, а также глиняные модели трех типов топоров—боевого, тесловидного и трубчатообушного, широко использовавшихся в этот период (рис. 84). Подобная находка в помещении святилища, а также миниатюрные размеры этих предметов не оставляют сомнения в их ритуальном назначении и позволяют с уверенностью говорить о возникновении уже в III тыс. до н. э. «металлургических» культов параллельно с развитием самих процессов производства. При попытке же ин-

¹⁵⁹ C. Schaeffer, Ugaritica I, Mission de Ras Shamra, v. III, 1939, p. 108.

¹⁶¹ R. Forbes, Studies in Ancient Technology, v. IX, Leiden, 1964, p. 24*.

¹⁶² Т. С. Хачатрян. Древняя культура Ширака. рис. 14.

¹⁵⁸ Г. Ф. Чуршин. Материалы по этнографии Абхазии, с. 54—76.

¹⁵⁹ А. Лукас. Материалы и ремесленное производство древнего Египта. М., 1958, с. 367—370.

терпретации конкретного предназначения этих предметов приходят на память миниатюрные топоры и молоточки предохранительной силы, которые кахетинские кузнецы жовали в Великий четверг.

Только преклонением перед магическими свойствами металла можно объяснить появление в этот период на посуде изображений, имитирующих металлическое оружие и украшения. Так, наложенной кинжал на сосуде из Квачхелеби, точно копирующий вотинные кинжалы, известные нам по Сачхерскому могильнику, заставляет вспомнить поверие о рачинском кинжале¹⁶³ или о древнеяванском «крисе». Украшения же в форме полумесяца на сосудах из Караза, Илто, Ампираш-гора, Кюль-тене и др., имитирующие бронзовые полумесячные подвески, в свою очередь наводят на мысль о связи абхазской кузницы с лунным божеством. Очевидно, все эти знаки на сосудах, так же как их металлические модели, наделались сверхъестественной силой и служили чем-то вроде оберегов. Сами же металлические модели в виде подвесок-амулетов, сохранившие свое ритуальное назначение вплоть до раннего средневековья¹⁶⁴, почти повсеместно встречаются в памятниках эпохи бронзы Закавказья. Они оформлены в виде простых и двойных секирок, кинжалчиков, ложечек, лирок.

Следы почитания металла на древнем Кавказе «читаются» и по некоторым другим археологическим фактам. Чрезвычайно интересна в этом плане случайная находка глиняных тиглей в сел. Кохб, в Армении.^{164а} На одном из них оказались рисунки, напоминающие пиктографические знаки—стилизированные птицы и козлы. Несомненно, это были символы, которые в представлении древнего металлурга должны были каким-то образом воздействовать на процессы, происходившие в тигле.

Подобные свидетельства открыты и на территории Грузии. Так, например, в знакомом нам святилище Катналис-хеви рядом с атрибутами аграрно-скотоводческих культов был обнаружен глиняный льячек¹⁶⁵. Еще бо-

лее эффективный материал дали святилища Нацаргора¹⁶⁶. Здесь, на ступенчатых алтарях, около изваяний идолов и быков, была водружена глиняная модель двойной секиры, а рядом с алтарями лежали каменные формы для отливки металлического оружия и орудий (секира, кинжалы, долота)¹⁶⁷. Отталкиваясь от серии этнографических примеров можно предположить, что с этими предметами в святилищах были связаны особые церемонии: модель секиры, водруженная на алтарь, наряду с изображениями божеств, являлась, очевидно, объектом поклонения, литейные же формы окорес всего были принесены сюда для освящения.

Различные «металлургические» культы прекрасно иллюстрируются примерами и из далеких Кавказу областей. В Зауралье, в частности, открыты специальные культовые места, связанные с почитанием металла. Они располагались на «каменных налатках» и вершинах скал и представляли собой площадки, на которых местные металлурги выплавляли медь, отливали бронзовые предметы, сопровождая свои производственные усилия обильными жертвоприношениями и другими религиозными церемониями.

Древние металлурги повсюду находили себе богов и геросов—«небесных кузнецов», покровителей кузнечного дела. Вокруг них складывались легенды и поверья. Их имена становились мифическими. В Египте это был Пта, в Вавилоне—Гирру, на Кипре—легендарные талхины и дактилон, во Фракии—циклоны, в Греции и Риме—Гефест и Вулкан, у славян—Козьма и Демьян. Пережитки древних кавказских верований донесли до нас имена местных божеств, связанных с кузнечным ремеслом. Еще до недавнего времени здесь происходили молитвы в честь Шасша, Айнара, Солона, Тленса, Курдалагона. Средневековые оставило имя армянского бога-громовержца, покровителя кузнецов Ована-Горлана¹⁶⁸.

Кавказские металлурги, без всякого сомнения, поклонялись своим божествам и в древности. Идентификация их с какими-то конкретными, быть может известными нам изображениями, вероятно, дело будущего. В этом плане пока обратим внимание лишь на

¹⁶³ С. М. Рехвиашвили. Рачинские кузнецы. СЭ, 1973, № 2, с. 96.

¹⁶⁴ М. П. Абрамова. О пережитках культа двойной секиры в раннесредневековом Дагестане. ТГИМ, вып. 40, М., 1966, с. 96.

^{164а} Сведения об этой находке сообщил мне С. А. Есаян.

¹⁶⁵ Д. А. Хачугашвили, указ. соч., табл. XIV, 7.

¹⁶⁶ Г. Ф. Гобеджишвили. Холм Нацаргора близ гор. Сталинири, Мимолхилвели П. Тбилиси, 1951, с. 275, табл. XVI, 2; XVII, 3, 5—6 (на груз. яз.).

¹⁶⁷ К. В. Сальников. К вопросу о древней металлургии в Зауралье. КСИИМК, вып. XXIX, 1949, с. 92.

¹⁶⁸ Н. А. Орбели, указ. соч., с. 124.

два сделанных предположения. Так, с древним божеством—покровителем кузнецов (и других ремесленников) недавно были сопоставлены три фаллические бронзовые фигурки из известного клада Степанцминда в Грузии¹⁶⁹. Здесь обнаженное мужское божество с железом в руке стоит на бычьих рогах (рис. 64, 85).

Рис. 85 Степанцминда. Изображение божества-покровителя кузнецов.

Наконец, для нашей темы представляет бесспорный интерес «культовый уголок» в описанном выше «доме металлурга» Аргиштихинили¹⁷⁰. В одном из помещений, рядом с инструментами, связанными с металлургическим производством, стояло грубое каменное изваяние какого-то божества, на котором бы-

¹⁶⁹ А. Н. Сихарулидзе. К вопросу о значении изображения быка на триалетских вешах и вешапондах, с. 27.

¹⁷⁰ А. А. Мартиросян. Древнесурартская мастерская..., рис. 2.

ла вырезана фигура, хорошо сопоставляющаяся с зодиакальным знаком «Стрелец» (рис. 86). Напомним, что «Стрелец» в армянском героическом эпосе почитался как покровитель кузнечного дела или просто «небесный кузнец».

Рис. 86 Аргиштихинили. Изображение божества-покровителя кузнецов.

Так, некоторые археологические штрихи позволяют предполагать, что почитание металла на Кавказе, ярко запечатленное различными поверьями и недавней этнографической традицией, восходит к седой древности, а первые следы этих представлений теряются где-то в глубине III тысячелетия. Есть все основания думать, что «металлургические» культы отправлялись в начале I тыс. до н. э. и двинскими ремесленниками.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Раскопки древнейших слоев Двина выявили чрезвычайно яркие и самобытные археологические комплексы. Древний Двин восполняет одно из важных звеньев в общей цепи открытий последних десятилетий. Своеобразие раскрытых производственных и культовых комплексов заключается прежде всего в том, что они отражают общественную сторону жизни жившего здесь некогда населения. В дальнейшем, когда в Двине будут открыты жилые дома общинников, безусловно, должны проявиться и другие, не менее важные вопросы, и, в первую очередь, вопросы, связанные с хозяйственной деятельностью жившего здесь населения. Но даже и сейчас, когда мы подводим первые итоги, древний Двин предстает перед нами как крупный ремесленный и религиозный центр Араратской равнины, процветавший здесь накануне урартского нашествия.

К сожалению, жилые комплексы остаются пока нераскрытыми. Только последующие исследования смогут дать ответ на вопрос: располагались ли жилища здесь же, вокруг открытых святилищ, или святилища, сконцентрированные в одном месте, были преднамеренно изолированы от поселения, которое находилось где-то поблизости. Как мы пытались показать выше, в Закавказье на рубеже II—I тыс. до н. э. существовали обе традиции, и святилища сооружались как на самих поселениях (Ховле-гора, Сары-тене), так и вдали от них (Катнахисеви, Мели-теле, Меллаши). Вместе с тем в Двине последнему как будто противостоят три обстоятельства: во-первых, расположение святилищ на различных, удаленных друг от друга участках — в верхней части холма и у юго-западного его подножья; во-вторых, находки наряду с культовой посудой небольшого количества сосудов так называемого кухонного типа; в-третьих, террито-

риальная близость могильников с более или менее обычным инвентарем раннежелезного века, указывающим на то, что здесь хоронили рядовых общинников. Особенно в этом плане показательны сосуды, которые в отличие от нестандартной ритуальной посуды святилищ, имеют повседневный, чисто утилитарный характер. Они значительно меньших размеров, нежели сосуды из святилищ, предназначавшиеся для коллективной трапезы и возлияний, и лишены каких-либо символических украшений. Из металлических вещей здесь обнаружены в разных местах три крупных накопечника коний с листовидным пером и длинной разрезанной втулкой, шейная гривна, скромные браслеты и кольца. Анализ этих предметов позволяет говорить о синхронности могильника с мастерской и святилищами.

Таким образом, есть больше оснований думать, что жилые постройки в Двине находились где-то совсем рядом, как это было, скажем, в Ховле-гора или Сары-тене. В связи с этим на память приходит полностью раскрытое поселение Чатал-Гююк, где святилища располагались между домами¹. Топография и количество святилищ позволили в свое время Дж. Мелларту прийти к заключению, что примерно на 2—6 домов в этом поселении приходилось одно святилище. Исходя из того, что каждый дом принадлежал парной семье, им было сделано следующее предположение — в одних и тех же святилищах совершали обряды несколько семей, связанных какими-то хозяйственными либо родственными узами и объединенных таким образом в более крупные социальные ячейки.

Мы уже знаем, что мастерская и святилища Двина существовали одновременно и что

¹ J. Mellart. Catal Huyük, London, 1967.

грандиозный пожар, возникший на холме, одновременно уничтожил все постройки. При просмотре строительных остатков всего ансамбля в целом, даже беглый взгляд на расположение мастерской, как бы зажатой между двумя святилищами, наталкивает на мысль о существовании внутренней, функциональной связи этими различными в своей социальной основе общественными постройками. Наблюдения в поле показали, что такое совмещение не могло быть случайным. Скорее всего, это был хорошо продуманный проект, в основе которого лежало мировоззрение древних общинников. К сожалению, добытые во время раскопок материалы не позволяют однозначно ответить на вопрос, каков был характер связи этих двух комплексов. Возможно, дальнейшие раскопки прольют свет на эту проблему. Нам же остается лишь осторожно высказать некоторые соображения.

К сожалению, прежде всего остается неизвестным, какую социальную окраску носили древние двинские культовые комплексы—предназначались ли они для совершения семейных, родовых или общинных обрядов или являлись подобием древневосточных храмов, во главе которых стояли жрецы и храмовая администрация. О существовании на Южном Кавказе в VIII—VII вв. до н. э. жреческой прослойки говорят отдельные погребальные памятники, отмеченные некоторыми специфическими особенностями. В Армении это прежде всего Лори-бердский могильник², где принадлежность покойников к жреческой касте документируется положением в могилы большой серии драгоценных изделий ювелирного искусства и особой категории посуды, несущих на себе столь характерную для памятников Двина и других культовых комплексов Кавказа «небесную» символику. Здесь мы встречаемся с огромной серией змееноголовых браслетов (в погребении № 4 было 58 браслетов), выполненных в золоте, серебре и бронзе, золотыми днадемами с фантастическими зоморфными фигурами, золотыми подвесками с головками каких-то идоличков, наконец, с обилием ритуальной посуды (в погребении № 2 было 45 сосудов), с фигурками баранов, колосов пшеницы и знакомых нам символов солнца, небесной воды, древа жизни.

В плане сказанного представляется весьма заманчивым предположить, что в Двине

открыты своеобразные храмы с прихрамовой мастерской, в которой паряду с изделиями, предназначенными для совершения ритуала («солнечные» и «лунные» подвески, ожерелья из раковин и драгоценных камней и др.), изготовлялось оружие и предметы быта, поступавшие в распоряжение храмовой организации. Такого рода мастерские в древности были хорошо известны на Переднем Востоке, в Эгее; они работали при храмах в городах Шумера³. В качестве одного из примеров можно привести, скажем, литейную мастерскую по изготовлению votивных предметов в святилище Олимпии—одном из крупнейших религиозных центров Греции⁴. Мастерские были и в других, более скромных культовых местах, например, в храме Аполлона в местечке Бааса, в Аркадии. В таких культовых центрах и святилищах скапливалось огромное количество приношений, среди которых большое место занимали metallические изделия. Недавно две прихрамовые мастерские, где изготовлялись предметы культа, были открыты в древнем Пенджикенте⁵.

Аналогичную картину мы наблюдаем и в некоторых южнокавказских святилищах. Напомним, что в Мелани только пожертвованное оружие составляло 234 экземпляра, тогда как в Мели-Геле 1 общее число пожертвованных предметов достигало 86000.

Как было показано выше, металлургические культы отправлялись на Кавказе с древнейших времен, причем на протяжении многих столетий различные церемонии проходили в первую очередь в святилищах. На это прямо указывают такие находки, как миниатюрные модели топоров, лязчиков, тиглей в святилищах Арича и Катналисхеви, а также воздвигнутая на алтарь глиняная модель секиры и лежавшие у подножия алтаря формы для отливки некоторых изделий в святилище Нацаргора. Очевидно освящение всех этих предметов было необходимо для успешного выполнения каких-то производственных процессов.

Логично думать, что определенные церемонии, связанные с производственной деятельностью, выполнялись и двинскими ремесленниками. Эти церемонии могли происходить в соседних святилищах. А если так, то можно

³ K. B. Maxwell-Hyslop, *The Ur Jewellery*, Iraq, XXXII, 1960.

⁴ P. В. Шмидт. Очерки по истории горного дела и металлообрабатывающего производства, Л., 1935.

⁵ В. П. Распопова. Новые данные о мастерских Пенджикента. Тезисы докладов на археологическом пленуме, посвященном открытиям 1974 г. Киев, 1975.

² С. Г. Лебедевич. Золотые и серебряные украшения из второго погребения Лори-Берда, ИФЖ, 1971. № 1, с. 271; ее же, Лори-бердский могильник, СА. 1974. № 2, с. 180.

предположить, что наряду с отравлением культа плодородия, порожденного аграрно-скотоводческим и охотничьим укладами хозяйства, в святилищах Двина отравлялись различные «металлургические» культы.

Может быть стоит вспомнить, что с культом была связана привилегированная часть ремесленников на Переднем Востоке. Уже в старовавилонское время они входили в категорию так называемых *erib-biti* («входящий в храм»), которые наряду с жрецами и административной донускались во все части храма и обладали правом на совершение храмового ритуала⁶. Ремесленники были также в числе *erib-biti* и в селевкидской Вавилонии⁷. Среди них документы упоминают, в частности, медников и ювелиров.

В заключение нам остается сказать несколько слов о дате двинского комплекса. Его стратиграфическое положение между поселением так называемой куро-аракской культуры и археологическими остатками раннеармянского периода не вызывает сомнений. Монументальность каменных построек, а также двухметровая толща культурных наслоений являются показателями длительной жизни памятника. Мы этот промежуток времени определяем по крайней мере двумя-тремя с половиной столетиями. Абсолютная дата нашего комплекса устанавливается, главным образом, по металлическим формам, ибо подавляющая часть посуды Двина, предназначенная для религиозных церемоний, носит специфический характер и трудно соотносится с посудой окружающих комплексов Армении. Вместе с тем, общий облик этой керамики, на которой уже полностью отсутствуют узоры нанесенные дощечным или состоящие из врезных гребенчатых шевронов, прямо указывает на более позднюю ее дату, нежели, скажем, комплексы Артика, Ляшена, Кармир-берда, Кулиджана и др. (XIII—XII вв. до н. э.)⁸. Наибольшее сходство с двинской керамикой в Армении проявляет посуда из «слоя со следами пожаров» Мецамора, особенно крупные культовые сосуды для ритуального зерна, украшенные рельефными изображениями змей, а

также нелощеные горшки с зигзагообразными и семейчовидными поясками⁹. Этот слой суммарно датируется X—VIII вв. до н. э. Аналогичные мецаморским сосудам Э. В. Ханзадян находит в поселениях Араратской равнины (доурартский Кармир-блур, Муханнат-тапа), в памятниках Кировабад-Ханларской группы и Казахского района Азербайджана (Сары-тепе и др.), в Юго-Осетии (Нацаргора), в Триалети (Цинцкаро).

Двинский металл и некоторые украшения полностью соответствуют названной дате. Особенно характерны в этом отношении найденные в мастерской обломки мечей, кинжалов и псалтий. Датировка их ограничивается первыми веками I тыс. до н. э., причем позже VIII в. до н. э. подобные формы в Закавказье не встречаются.

Как упоминалось выше, мастерская и святилища подверглись грандиозному пожару, который дошел до нас в виде мощного угольного слоя, перекрывшего все материальные остатки. На внезапность катастрофы указывают разбросанные повсюду вещи. Жизнь на несколько веков после катастрофы прекратилась.

Итак, исходя из археологических находок, гибель всего двинского комплекса должна быть приурочена к VIII в. до н. э. Анализ угля, взятого из пенелы (на глубине 6,2—6,5 м), привел примерно к тем же показателям. Возраст памятника в лаборатории ЛО НА АН СССР определен в 2670 ± 70 лет, т. е. 720 ± 70 лет до н. э.

Открытая в Двине картина не является для Закавказья неожиданной. Раскопки ряда синхронных поселений Араратской равнины и прилегающих к ней районов показали, что поселения эти были уничтожены грандиозными пожарами. Повсюду мощный слой золы и угля лежал на материальных остатках предурартского времени. Это упоминавшиеся уже поселение Кармир-блур¹⁰, Муханнат-тапа, Мецамор¹¹. Разрушения обнаружены также

⁶ The assyrian dictionary. 1958. Chicago, v. E. p. 290, s. v. *erib-biti*.

⁷ «Входящие в храм» отличались от остальной массы трудящихся в храмовом хозяйстве имущественным положением и квалификацией и обладали в связи с этим определенными привилегиями, которые не имели прочие, в частности, правом участия в ритуалах («входящие в храм»). См.: Г. А. Саркисян. Город селевкидской Вавилонии. ВДН, 1952, № 1, с. 74.

⁸ Т. С. Хачатрян. Материальная культура древнего Артика, табл. 9—23; А. А. Мартirosян. Армения в эпоху бронзы..., с. 81—160; Г. Е. Арпичян. Материалы из раскопок Кармирбердского могильника в Музее Грузии. Вестник Ереванского Университета. 1970, № 1, рис. 1; его же. Освоение железа в Армении и на Южном Кавказе. ИФЖ. 1972, № 2, с. 195.

⁹ Э. В. Ханзадян и др., указ. соч., рис. 120—128, табл. XI, 1—3; XXXV, 4; XXXVIII, 1—4.

¹⁰ А. А. Мартirosян. Армения в эпоху бронзы..., стр. 159—173, 189; его же. Город Тейшебаши, с. 63.

¹¹ Э. В. Ханзадян и др., указ. соч., с. 189.

в Шираке (Ленинаканское поселение)¹² и в долине реки Агстев (Сары-тепе¹³, Баба-дервиш¹⁴).

О политических событиях, происходивших в первой половине VIII в. до н. э. в южных районах Закавказья, повествует знаменитая Хорхорская летопись, высеченная на Ванской скале, а также камни клинописной стелы, заложенные в стены церкви Сурб-Саркис в Ване¹⁵. Здесь рассказывается о военных походах и мирных деяниях урартского царя Аргишти I, сына Менуа, время правления которого падает на 786—764 гг. Среди его северных кампаний значится покорение ряда стран, локализующихся в областях Араратской равнины, Ширака, в приурмийских и присеванских районах. Большинство исследователей зафиксированные раскопками следы пожа-

рищ связывает с опустошительными урартскими походами первой половины VIII в. до н. э. Иной трактовки эти события в литературе не получили. Логично предположить, что расположенные в сердце Араратской равнины святилища и мастерская древнего Двина подверглись той же участи.

О том, как происходил штурм холма, мы не знаем. По-видимому, в атаке участвовали урартские лучники, железные наконечники стрел которых, точь-в-точь такие же, как на Кармир-блуре¹⁶, были обнаружены автором во время расчистки пола первого святилища. Одна из стрелок, ударившаяся о большой сосуд, стоявший в этом святилище, от вспыхнувшего пожара слегка расплавилась и намертво прикреплена к стенке сосуда (рис. 32, табл. XVIII). Местный сосуд с «приварившейся» к нему урартской стрелкой, хранящийся в Историческом музее Армении, является археологическим документом, повествующим о гибели построек на Двинском холме.

¹² А. А. Калентар. Открытие дохалдского поселения близ Ленинакана, ПИДО, 1934, № 9—10, с. 165.

¹³ И. Г. Нариманов. Археологические раскопки в Сары-тепе. Тр. ИАН Азерб. ССР, Баку, 1963, XVI, с. 81.

¹⁴ В. Алиев. Археологические раскопки в урочище Баба-дервиш, СА, 1971, № 2, с. 223.

¹⁵ Б. Б. Пиотровский. Ванское царство. М., 1959, с. 66.

¹⁶ Урартские железные наконечники стрел, имеющие крупные размеры и мишдалевидную форму, резко отличаются от бронзовых наконечников закавказского типа. См.: Б. Б. Пиотровский. Кармир-блур I. Ереван, 1950, рис. 22.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АО — Археологические открытия.
 БКНАИ — Бюллетень Кавказского историко-археологического института в Тифлисе.
 ВАИ — Вестник Академии наук.
 ВГМГ — Вестник Гос. музея Грузии.
 ВИМК — Вестник истории мировой культуры.
 ВОН — Вестник общественных наук АН Арм. ССР.
 ГАИМК — Государственная Академия истории материальной культуры.
 ЗКВ — Записки коллегии востоковедов.
 ЗКОРГО — Записки Кавказского отделения Русского географического общества.
 ЭКОИРЭО — Записки Кавказского отделения императорского Русского этнографического общества.
 ИАН — Известия Академии наук.
 ИАЗГНИИ — Известия Азербайджанского государственного научно-исследовательского института.
 ИИИЛ АрмФАН ССР — Известия Института истории и литературы Армянского филиала Академии наук СССР.
 ИФЖ — Историко-филологический журнал.
 КСИА — Краткие сообщения Института археологии.
 КСИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры.
 КЭС — Кавказский этнографический сборник.
 МАК — Материалы по археологии Кавказа.
 МКЛЭН — Международный конгресс антропологических и этнографических наук.
 МКА — Материальная культура Азербайджана.
 ПСЭИДО — Проблемы социально-экономической истории древних обществ.
 СМОМПК — Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа.
 СА — Советская археология.
 СЭ — Советская этнография.
 ТГИМ — Труды Государственного исторического музея.
 ТГИМА — Труды Государственного исторического музея Армении.
 ТИЭ — Труды Института этнографии.
 ТЮТАКЭ — Труды южно-туркменской археологической комплексной экспедиции.
 УЗАПИ — Ученые записки Азербайджанского политехнического института.
 AJA — American Journal Archaeology.
 AS — Anatolian Studies
 ESA — Eurasia septentrional Antiqua
 TTK — Turk Tarih Kurumu

СПИСОК ТАБЛИЦ

- I 1. Вид с востока на Двинский холм.
2. Южный участок раскопа.
  - II 1. Южный участок раскопа.
2. Южный участок раскопа (впереди капитальная стена).
  - III 1. Капитальная стена.
2. Южный обрез раскопа.
  - IV 1. Южный участок капитальной стены.
2. Часть помещения первого святилища.
  - V 1. Остатки металлургического горна.
2. Алтарное возвышение первого святилища.
  - VI Фундаменты стен мастерской.
  - VII Алтарная стена второго святилища.
  - VIII Ритуальный глиняный кубок.
  - IX—XI Ритуальные карасы.
  - XII Алтарная стена третьего святилища.
  - XIII 1. Глиняный идольчик и алтарь третьего святилища.
  - XIV 1—2. Крупные кувшины с высоким горлом.
  - XV 1—2. Крупные кувшины с высоким горлом.
  - XVI 1—5. Крупные сосуды с растрескивающим горлом.
  - XVII 1—3. Крупные «бычьеголовые» сосуды.
  - XVIII 1. Крупный сосуд биконической формы с низким горлом.
2. Деталь сосуда.
  - XIX 1—2. Крупные сосуды биконической и круглой формы.
  - XX 1—2. Крупные двуручные сосуды яйцевидной формы.
  - XXI 1. Плоская орнаментированная миска.
2. Ритуальный сосуд.
  - XXII Предметы, связанные с металлопроизводством.
1, 2 — глиняные сонла; 3 — болванка; 4, 6 — куски металла; 5 — круглый слиток.
- XXIII Литейные формы.
1, 2 — формы для отливки украшений; 3 — форма для отливки плоского топорика; 4 — форма для отливки наконечников стрел.
- XXIV 1—2. Форма для отливки наконечников стрел.
- XXV Предметы из мастерской.
1 — бронзовый книжал; 2—4 — бронзовые наконечники стрел; 5, 11 — железные наконечники стрелы и топор; 6 — бронзовое украшение; 7 — бронзовый нож; 8, 9 — бронзовые браслет и колечко; 10 — бронзовый бубенчик; 12 — серебряная ручка от сосуда; 13 — бронзовый псалей; 14 — костяная рукоятка.
- XXVI Предметы из мастерской (1—2, 6—7) и находки из могильников (3—5).
1, 2 — бронзовые массивные кольца; 3—5 — бронзовые наконечники копий, обнаруженные в Двинском оросительном канале и на Двинском поле; 6 — каменный штамп; 7 — наковальня.
- XXVII Предметы из мастерской.
1. Раковины каури — заготовки бус.
2. Пастовый бисер.
- XXVIII Алтарные стелы.
1. Случайная находка.
2. Алтарная стена четвертого святилища.
- XXIX 1—5. Сосуды из могильников около Двинского холма.
- XXX Сосуд для хранения соли. Апаранский район.

ТАБЛИЦЫ
УЗНОВУЧЫЎ

1

2

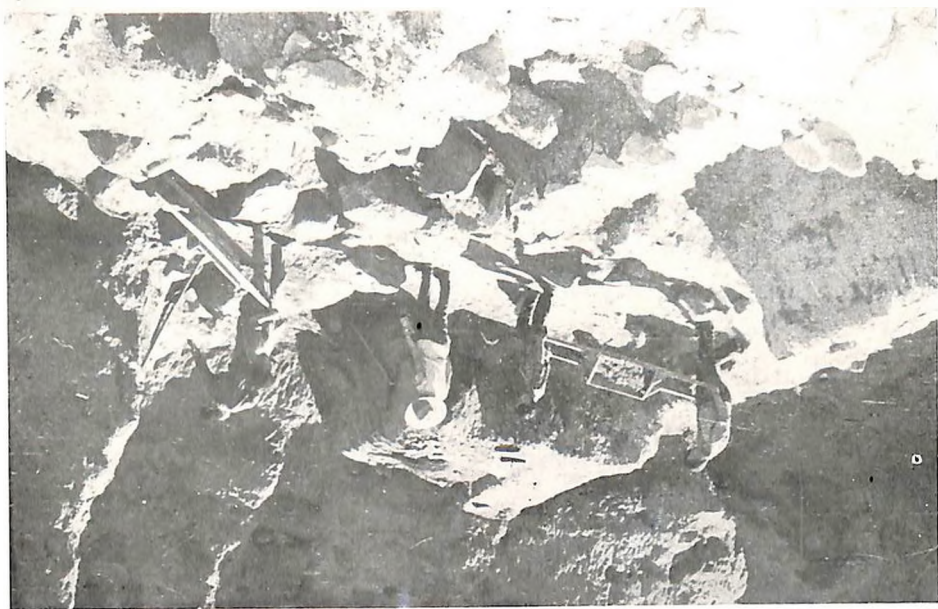
1

2

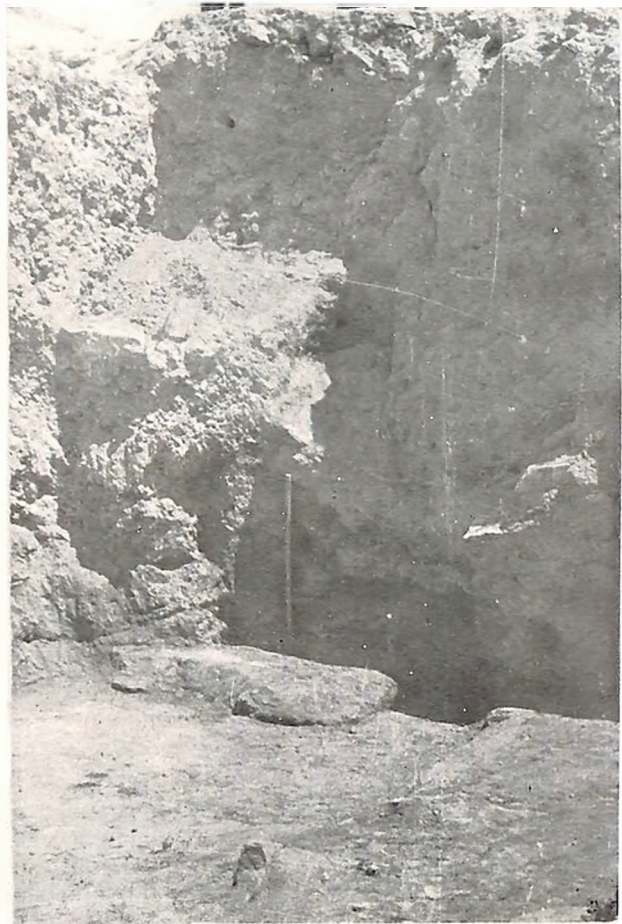
1

1

2

III

1

2

1

2,

v

VII

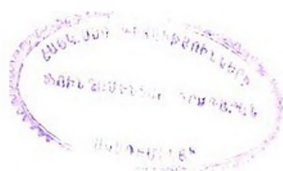
1

2

CM. 0 10 20

IX

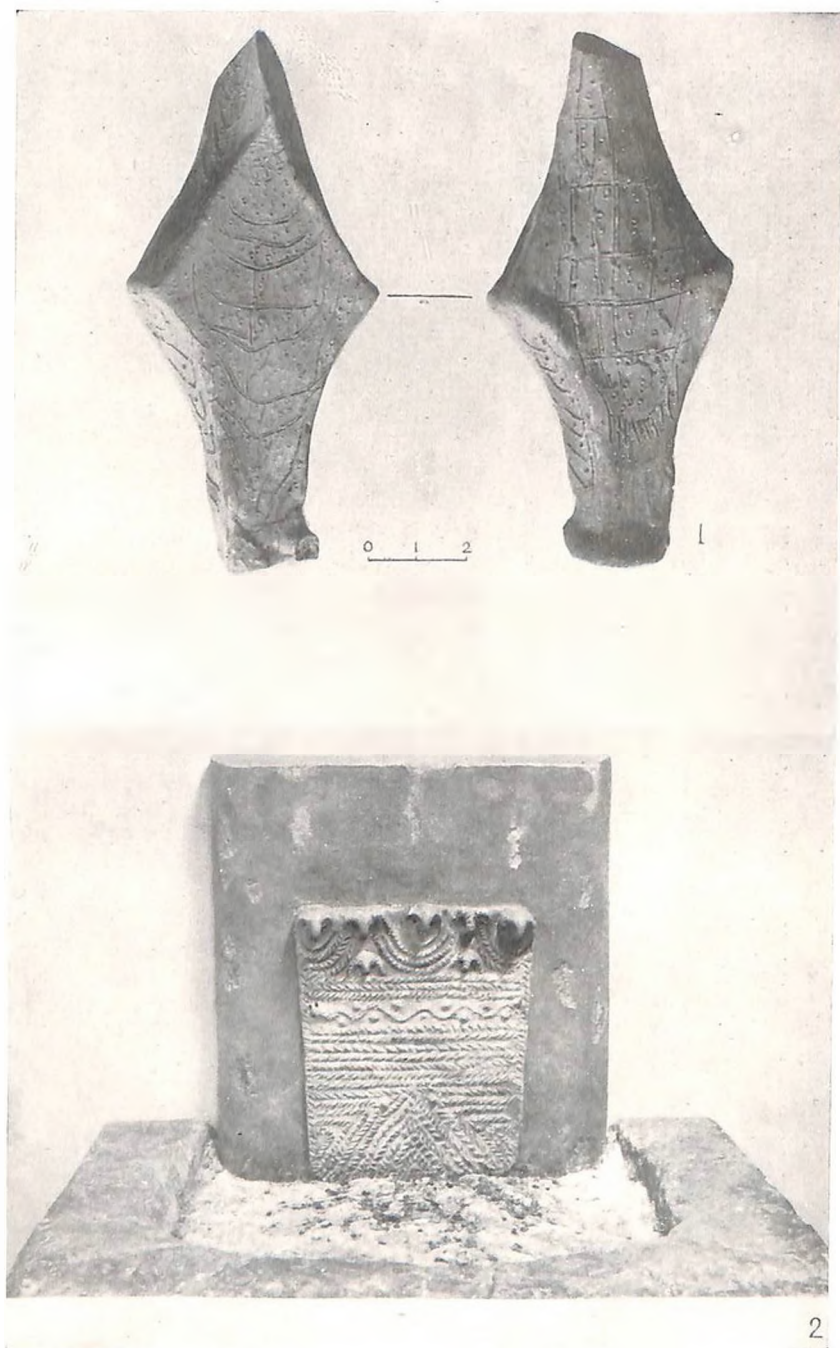

XIII

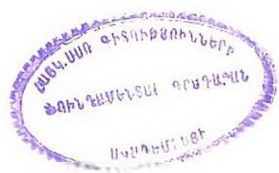

1

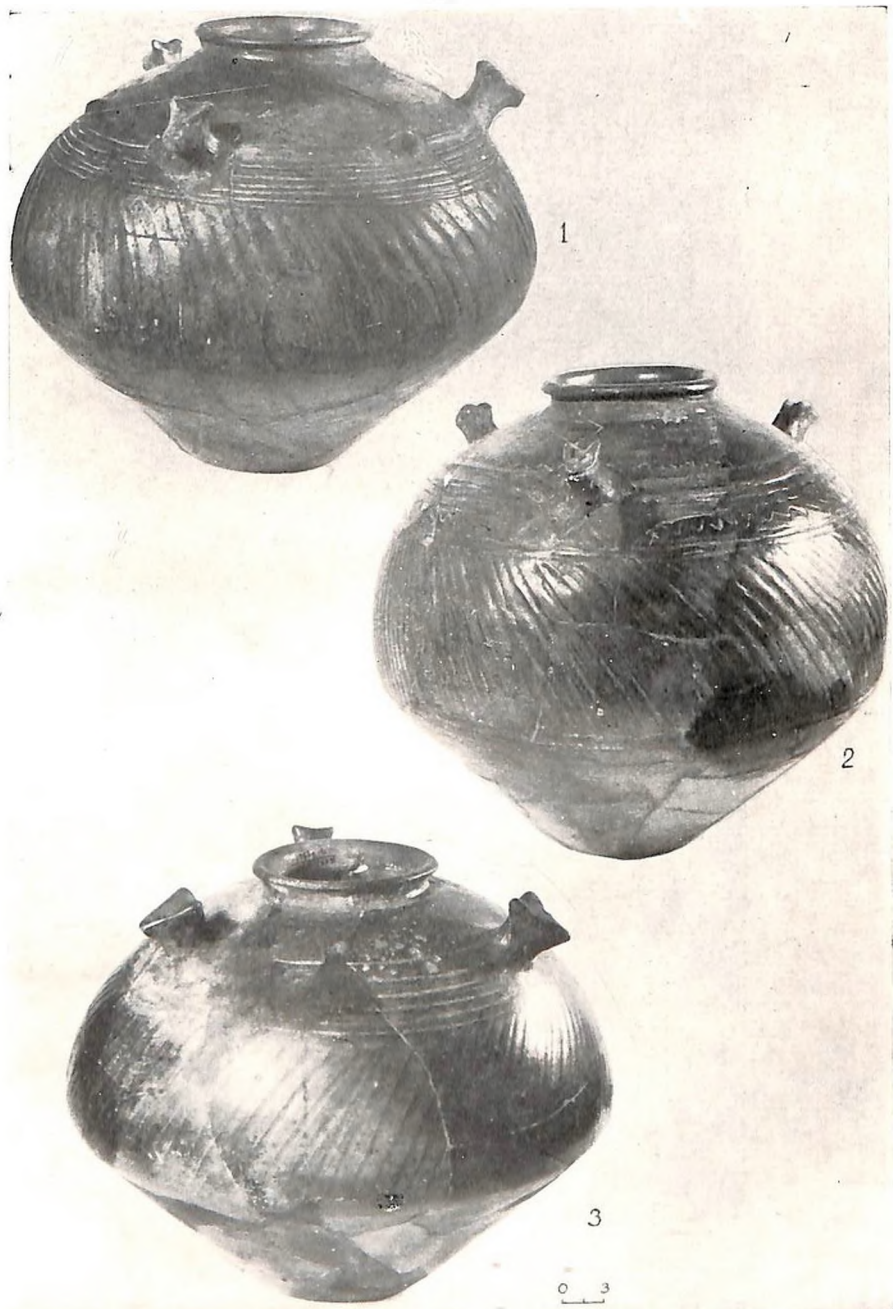
2

XV

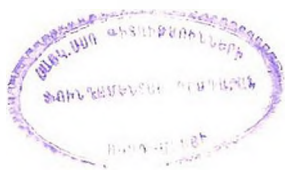

XVII

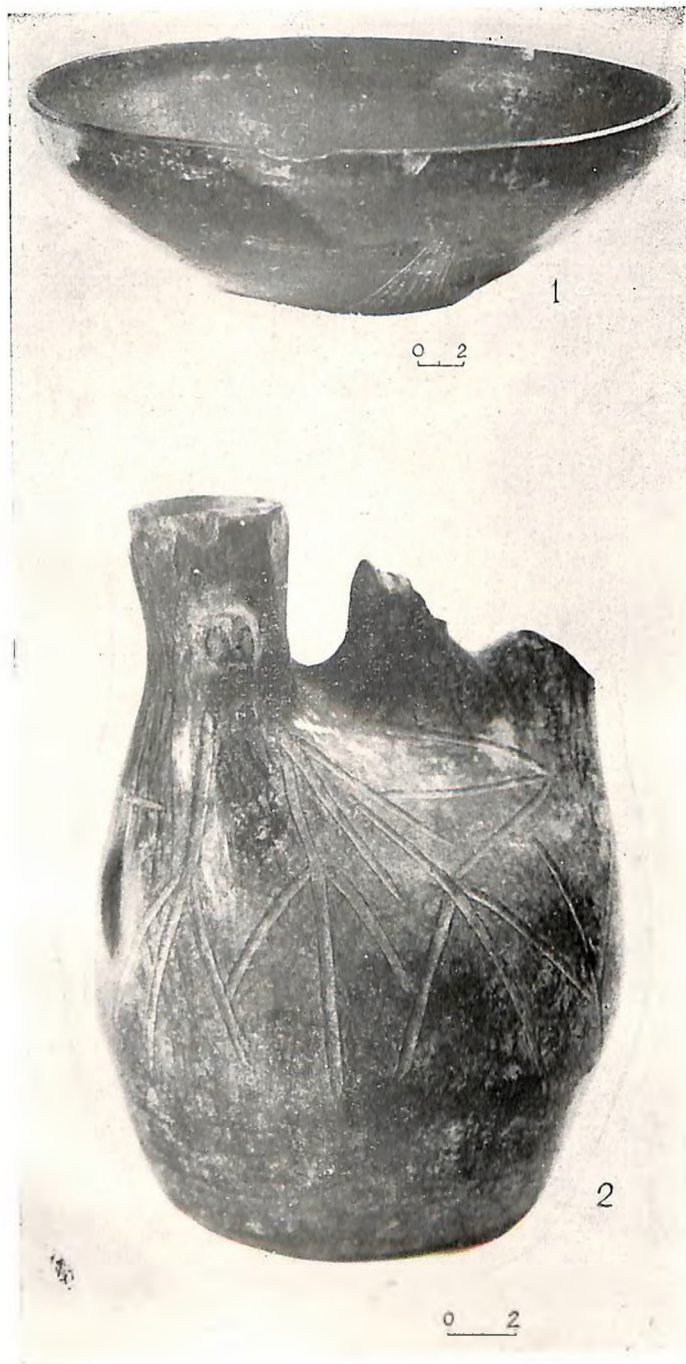

XIX

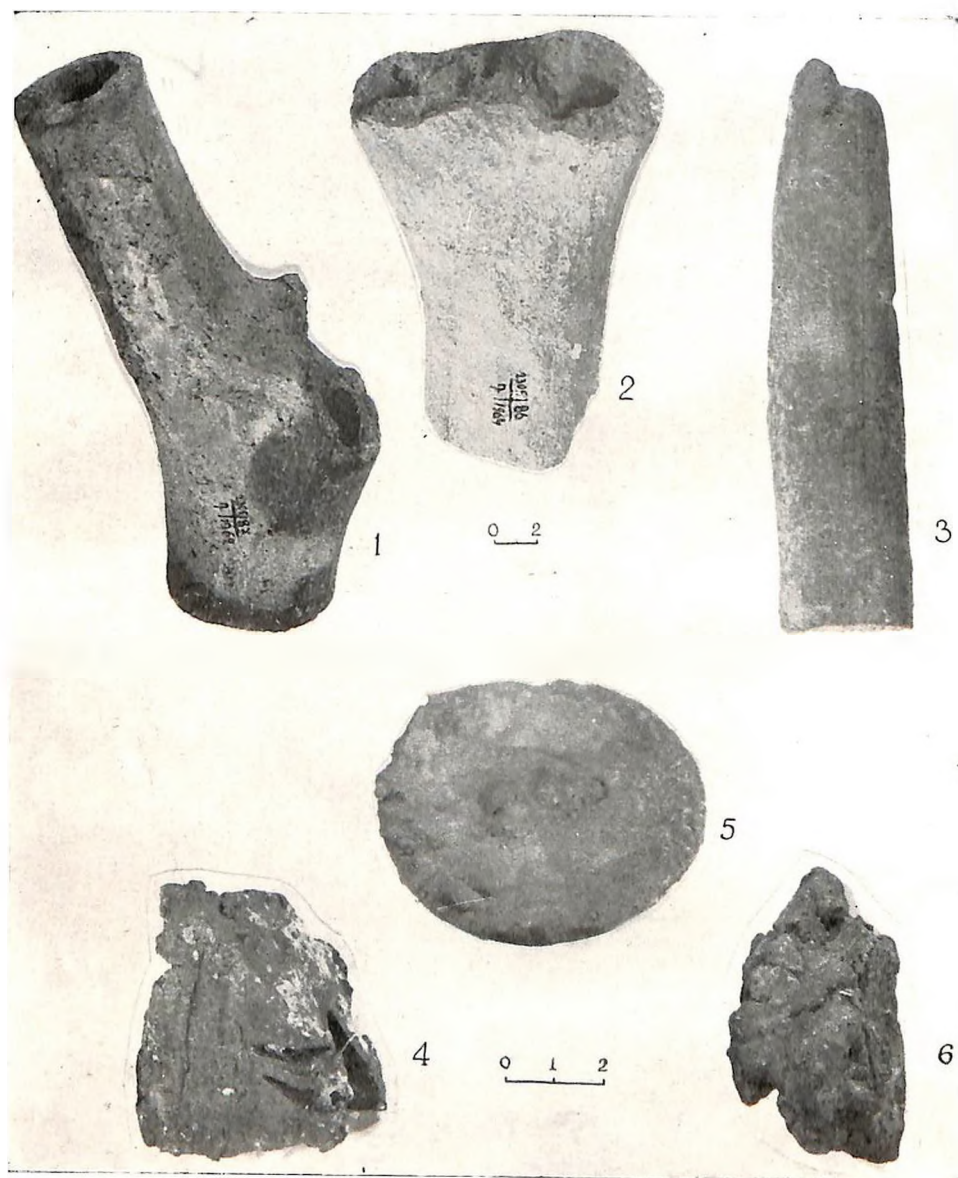

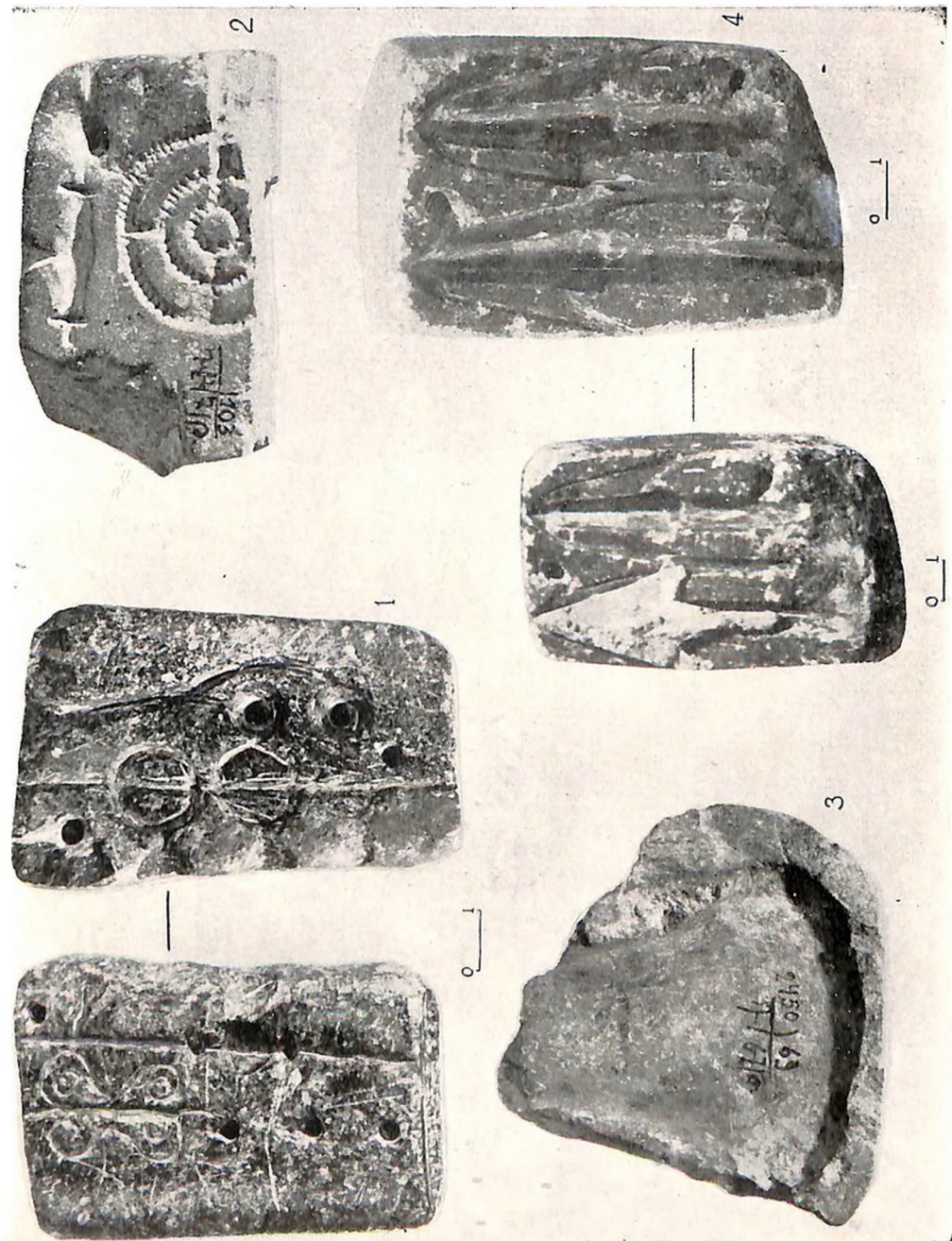

XXI

1

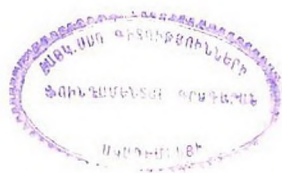
0 1

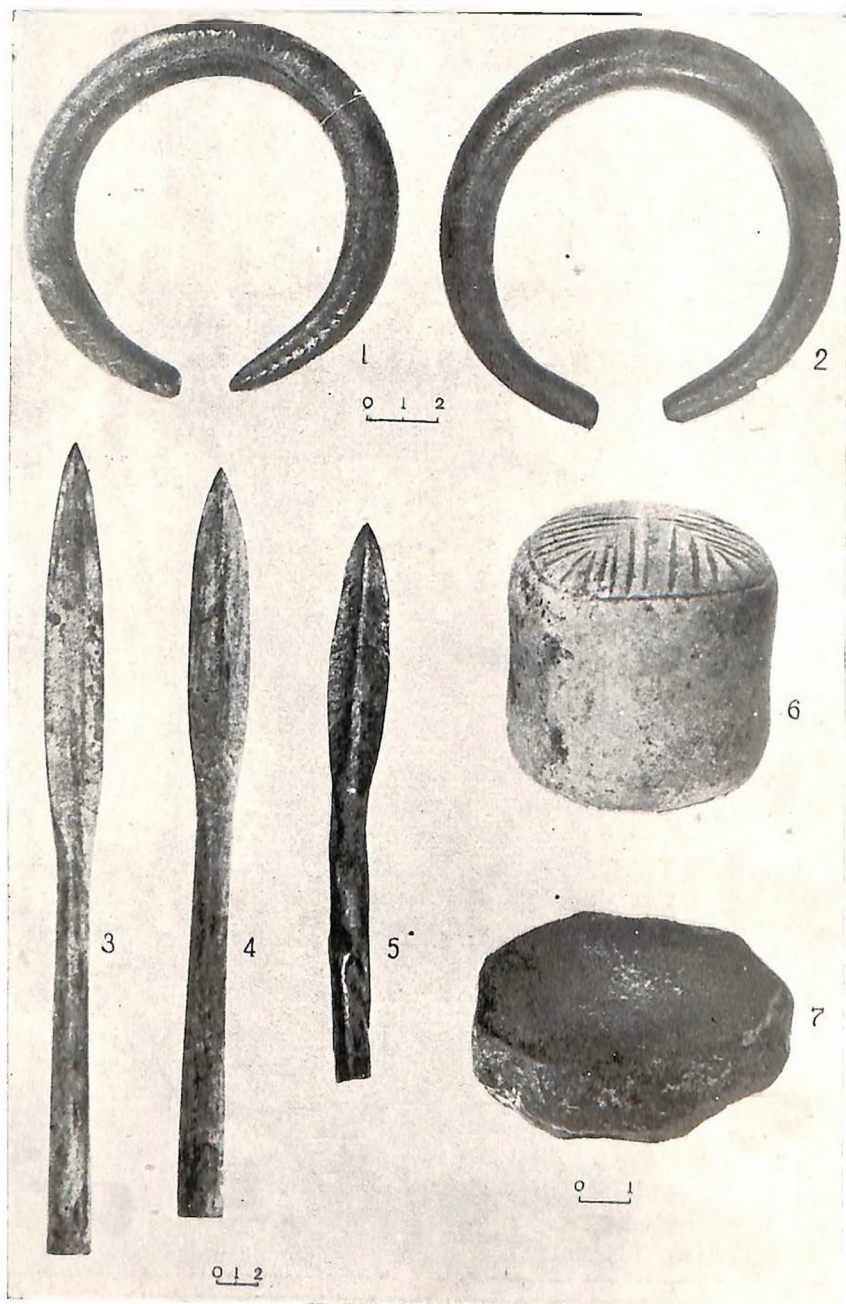

2

0 1

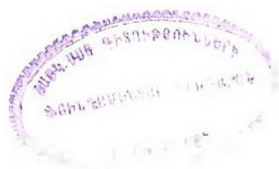

1

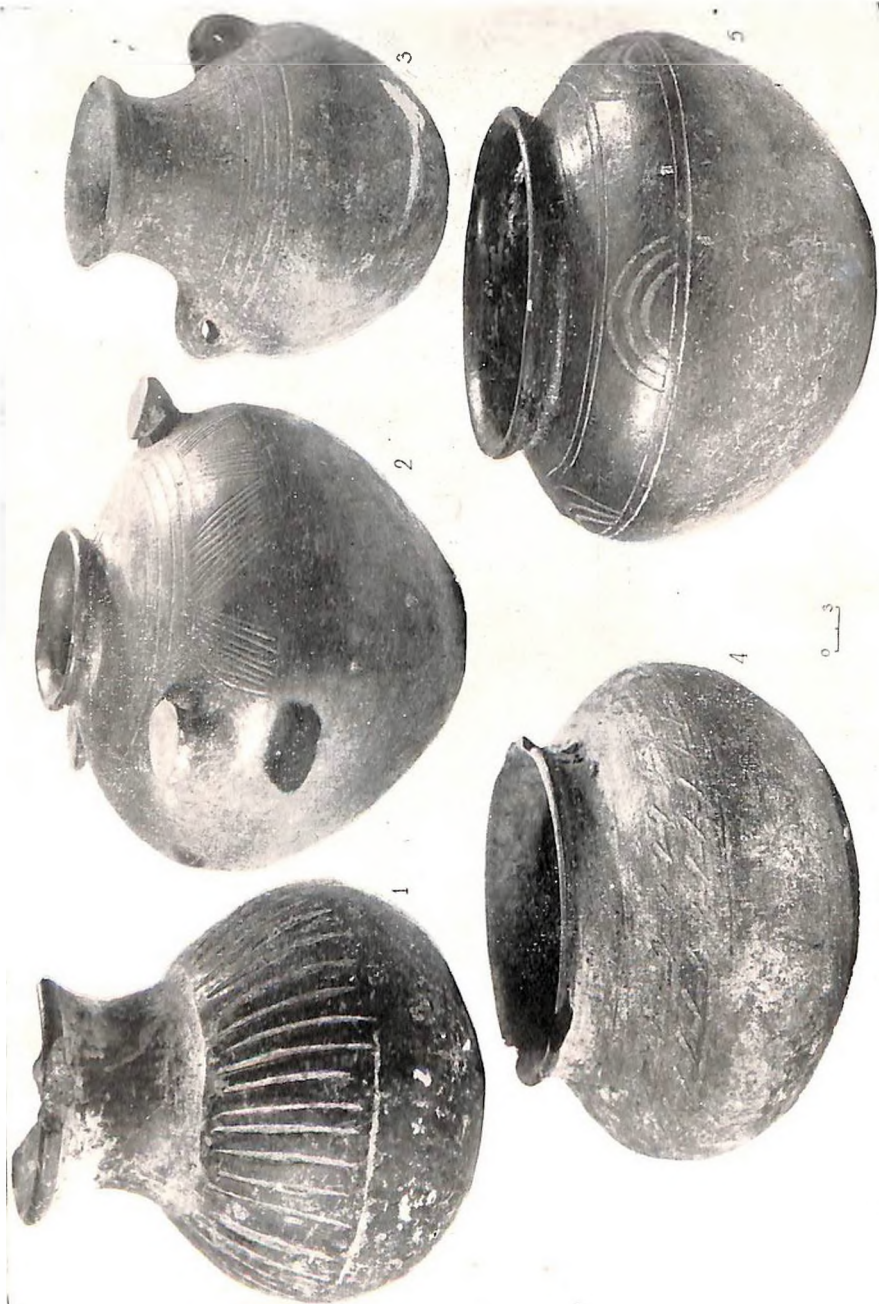
2.

XXVII

0 2

XXX

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава I. Раскопки древнейших комплексов Двина.	5
Глава II. Древнейшие святилища Армянского нагорья и некоторые их аналоги. . . .	40
Глава III. Культы древнего Двина и их этно- графические параллели.	49
Глава IV. Двинская металлообрабатывающая мастерская и культ металла.	80
Заключение.	105
Таблицы	111
Список таблиц	113

КУШНАРЕВА КАРИНЭ ХРИСТОФОРОВНА
ДРЕВНЕЙШИЕ ПАМЯТНИКИ ДВІННА

*Печатается по решению ученого совета
Института археологии и этнографии
АН Армянской ССР*

Редактор издательства Р. А. БАГДАСАРЯН
Художник К. К. КАФАДАРЯН
Худож. редактор Г. Н. ГОРЦАКАЛЯН
Технич. редактор С. К. ЗАКАРЯН
Корректор С. Г. ПИРОВА

ВФ 06609	Лзд. 4402	Заказ 866	Тираж 1000
Сдано в набор 30/VI 1976 г. Подписано к печати 22/XII 1977 г.			
Печ. 7,0 л. + 30 таблиц. Усл. печ. л. 18. изд. 14,7 л.			
Бумага № 1, 60×90 ¹ / ₈ . Цена 2 р. 65 коп.			
Издательство Академии наук Армянской ССР.			
375019 Ереван, Барекамутян, 24-г.			
Типография Издательства АН Армянской ССР			
г. Ереван			

ԳԱՍ Հիմնարար Գիտ. Գրադ.

FL0398855

P III
49600